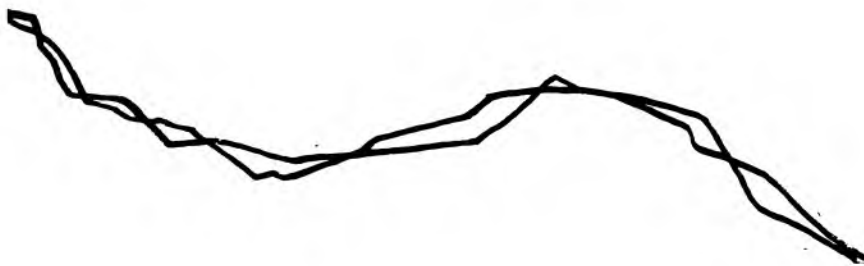

И. Т. Кругликова

БОСПОР В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

(Очерки экономической истории)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

Ответственный редактор

Е. М. ШТАЕРМАН

1—6—2
151—1966

ВВЕДЕНИЕ

Проблема гибели античного общества и появления новых феодальных отношений уже давно привлекает внимание исследователей. Этой теме посвящена обширная литература, касающаяся главным образом вопросов, связанных с распадом поздней Римской империи¹. Несколько работ появилось в течение последних десятилетий и в марксистской историографии². Однако внимание исследователей было сосредоточено главным

¹ См.: А. П. К а ж д а н. Проблемы поздней Римской империи в современной буржуазной литературе. ВДИ, 1950, № 1, стр. 166 сл.

² Е. М. Ш т а е р м а н. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957; В. И. В е л к о в. Грдът в Тракия и Дакия през късната античност. София, 1959; Г. Г. Д и л и г е н с к и й. Северная Африка в IV—V вв. М., 1961; Г. Л. К у р б а т о в. Ранневизантийский город. Л., 1962; А. П. К а ж

образом на изучении процессов, происходивших на территории римских провинций. Вопросом же о гибели античных государств Северного Причерноморья специально никто не занимался. Между тем выяснение особенностей их истории в позднеантичный период представляет большой интерес как для освещения общей картины крушения античной формации, так и для характеристики каждого из античных государств, находившихся на территории нашей страны. История Боспорского царства, — крупнейшего из античных государств Северного Причерноморья, — представляется в связи с этим особенно заслуживающей изучения.

Если позднеантичный период в истории Римской империи принято начинать со времени царствования Диоклетиана, когда, после кризиса III в., наиболее ярко проявляются черты разложения античного способа производства, то позднеантичный период в истории Боспорского царства наступил значительно раньше. В результате интенсивного проникновения на его территорию варварских (особенно сарматских) племен, а также других серьезных потрясений, перенесенных Боспорским государством, в конце II в. до н. э. и в I в. до н. э. — I в. н. э. произошли серьезные изменения в экономике Боспорского царства, в характере его культуры, этническом и социальном составе его населения. Эти перемены происходили постепенно, но наиболее отчетливо они проявились в III—IV вв. н. э. В истории Боспора трудно определить точно время начала позднеантичного периода. В отдельных областях жизни, например, в истории сельской территории, новые черты проявились раньше, на характере городской жизни они сказались позднее, но к середине III в. н. э. они проявляются уже во всех областях экономической и культурной жизни. Эти изменения заслуживают специального изучения, тем более, что Боспор не был изолирован от остальных частей античного мира. Многие явления, которые переживал Боспор в III—IV в. н. э., перекликаются с историей территорий, входивших в состав Римской империи. Заканчивается позднеантичный период истории Боспора в 80-х годах IV в., когда Боспорское царство подверглось окончательному разгрому в результате гуннского нашествия.

Несмотря на большое научное значение проблемы, история Боспорского царства последних веков его существования не была предметом специального изучения. В общих работах по истории Боспора В. В. Латышева³, М. И. Ростовцева⁴, Е. Миннза⁵, В. Ф. Гайдукевича⁶, так же как и в недавно опубликованной работе В. Д. Блаватского «Пантикапей»⁷, этот период освещен очень сжато. В связи с особенностями источников

да н. О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи. ВДП, 1953, № 3, стр. 95 сл.

³ В. В. Латышев. «Пантикапей» (Краткий очерк истории Боспорского царства). СПб., 1909, стр. 60—128.

⁴ М. И. Ростовцев. Эллизм и иранство на юге России. СПб., 1913.

⁵ E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., 1949.

⁷ В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964.

и степенью разработанности проблем авторы уделяли больше внимания политической истории, административному устройству и культуре. В ряде специальных исследований об античных монетах ⁸, военном деле ⁹, земледелии ¹⁰ античных государств Северного Причерноморья, о виноделии ¹¹, керамической таре ¹², скульптуре ¹³, живописи ¹⁴ и религии Боспора и в работах, посвященных его городам ¹⁵, авторы также довольно кратко останавливаются на позднем периоде истории Боспора. Правда, существуют исследования, специально посвященные этому времени, но они касаются лишь отдельных тем, например варварских нашествий ¹⁶ или керамического производства ¹⁷, не исчерпывая, однако, их полностью. Некоторые вопросы, связанные с историей Боспора в позднеантичный период, затрагиваются в статьях, опубликованных в различных русских и зарубежных изданиях ¹⁸.

Отсутствие обобщающих работ по этому периоду, недостаточная исследованность целого ряда проблем, особенно касающихся экономической базы Боспорского государства, объясняются малочисленностью и односторонностью источников. В распоряжении исследователя имеется очень ограниченное количество, часто отрывочных, иногда противоречивых свидетельств позднеантичных и византийских писателей, большей частью представляющих собой компиляции из сочинений древних авторов. Эти свидетельства позволяют проследить походы причерноморских племен, т. е. так называемые скифские войны III в. Довольно часто у древних писателей встречаются данные о готах, а позднее о гуннах. Внутренняя же жизнь Боспорского государства в них почти не отражена. Несколько больше сведений можно почерпнуть из эпиграфических источников. Но они касаются главным образом вопросов, связанных с политическим устройством, с системой административного управления, муниципальной организацией городов, культурой и религией боспорского городского населения. Это в основном посвящения различным богам, надписи на мону-

⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951.

⁹ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

¹⁰ Он же. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958.

¹² И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960.

¹³ М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951; ее же. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.

¹⁴ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914; А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.

¹⁵ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956.

¹⁶ А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, т. I, Пг., 1921; А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954.

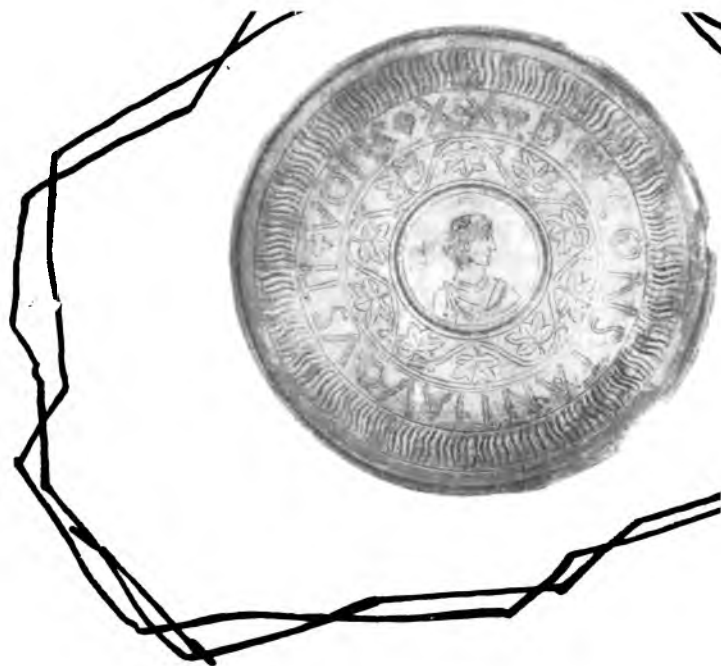
¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИРАИМК, вып. 80, 1934.

¹⁸ Ссылки на эти статьи имеются в соответствующих главах данной книги.

ментах, воздвигнутых в честь боспорских царей, списки членов религиозных братств, надписи богатых боспорцев, соорудивших в честь города какие-либо постройки, эпитафии. Экономическую жизнь Боспора в интересующий нас период надписи почти не освещают. Значительно большее значение имеют нумизматические источники. Именно монеты позволили исследователям уточнить годы царствования боспорских царей; многочисленные монетные клады характеризуют особенности жизни в отдельные периоды III и IV вв. н. э., уточняют даты крупных нападений варварских племен, о которых глухо говорят письменные памятники. Монеты помогают выявить отличительные черты экономической жизни Боспора этого времени, установить его политические и экономические связи.

Самый богатый материал для истории этого периода дали археологические раскопки. Именно итоги раскопок последних лет, проводившихся на территории сельских поселений, позволили осветить особенности истории Боспора в позднеантичный период. В нашей работе мы широко используем результаты археологических исследований сельской территории европейской части Боспора, проводившиеся Восточно-Крымским отрядом. Богатый материал дали также раскопки Пантикапея, Фанагории, Тиритаки, Мирмекии, Илурата под руководством В. Д. Блаватского, М. М. Кобылиной, В. Ф. Гайдукевича. Кроме того, привлечен материал последних работ Таманской экспедиции под руководством Н. И. Сокольского, позволивший совсем по-новому взглянуть на многие проблемы азиатской части Боспора. Новые факты по истории азиатского Боспора получены и в результате раскопок В. Д. Блаватского, Н. В. Анфимова, Н. А. Онайко, М. К. Кубланова, а также при раскопках Горгиппии, проводящихся нами с 1960 г. Мы широко привлекали также публикации раскопок Танаиса, осуществляющихся под руководством Д. Б. Шелова.

В настоящей работе мы пытались подвести итог новым данным и рассмотреть некоторые проблемы экономического развития Боспора в позднеантичный период. Небольшой объем книги заставил нас ограничиться наименее разработанными в литературе вопросами экономики. Именно в этой области за последнее время получены особенно ценные археологические материалы. В сочетании с другими видами источников они позволяют осветить некоторые темные раньше стороны истории Боспора в позднеантичное время. Мы пытаемся, в частности, дать характеристику сельским поселениям III—IV вв. н. э., выяснить их взаимоотношения с городами, выявить уровень развития земледелия и земледельческих орудий, установить особенности боспорских городов и роль в них торговли, по-новому рассмотреть вопросы о границах Боспорского царства, о различии исторических судеб азиатской и европейской его частей, определить сходные черты и выявить различия в экономическом развитии Боспора и других областей античного мира в III—IV вв. н. э.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В источниках и соответственно в литературе отсутствуют точные сведения о размерах территории, входившей в состав Боспорского государства в позднеантичный период, поэтому, прежде чем излагать историю Боспорского царства в III—IV вв. н. э., попытаемся определить, где проходили в это время его границы.

По титулам боспорских царей, сохранившимся в надписях различного времени, и по данным античных авторов можно проследить изменение границ Боспорского государства в течение его длительной истории. По-видимому, земли, захваченные около середины IV в. до н. э. Левконом и Перисадом, которого называли архонтом Боспора и Феодосии и царем

синдов и всех меотов и фатеев¹, стали основным ядром территории Боспорского царства и входили в его состав во все последующие периоды его истории. Однако в отдельные исторические периоды территория Боспора сильно разрасталась. Так, в конце II в. до н. э., когда царем Боспора стал Митридат Евпатор, ему принадлежал весь Крымский полуостров².

Страбон сообщает о подчинении всего Большого Херсонеса боспорскому царю³ и о том, что Асандр соорудил оборонительную стену, перегородившую перешеек Херсонеса у Меотиды⁴, чтобы обезопасить свои земли от нападений номадов и не платить им дани. По-видимому, Страбон называет Большим Херсонесом Крымский полуостров⁵, и мы можем считать, что северная граница Боспора во второй половине I в. до н. э. проходила у Перекопского перешейка. Но такой большой территорией Боспор владел недолго. Уже Аспургу (10/11 г. до н. э. — 38/39 г. н. э.) пришлось вновь подчинять себе скифов и тавров. На базе мраморной статуи, воздвигнутой в честь Аспурга, он назван «царствующим над всем Боспором, Феодосиею, синдами и меотами и тарпитами и торетами, писами и танаитами, подчинившим скифов и тавров...»⁶.

О подчинении города Херсонеса боспорскому царю Котису (123/4—132/3 гг.) сообщает Стефан Византийский, ссылаясь при этом на свидетельство римского писателя Флегонта — вольноотпущенника императора Адриана⁷. Лишь при императоре Антонине Пие (138—161 гг. н. э.) Херсонес вышел из-под власти Боспора.

В надписи 193 г. сообщается о победе Савромата II над скифами и сирахами и о присоединении им к Боспорскому царству по договору земли Таврической⁸. Рискупорида III (210/11—226/27 гг.) именовали «царем всего Боспора и тавро-скифов»⁹ или «царем Боспора и окрестных племен»¹⁰. Надпись 222 г. в честь Рискупорида III, найденная в Старом Крыму¹¹, свидетельствует, что границы Боспора в это время проходили к западу от

¹ IOSPE, II, 15=КБН, 25; в одной из надписей он назван «властвующим над всею землею, какую заключают в себя крайние пределы тавров и границы земли Кавказской» — IOSPE, II, 9=КБН, 113.

² В. В. Латышев. „Ποντική“. СПб., 1909, стр. 96; М. И. Ростовцев. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. Сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 8; С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 117; Н. И. Соколовский. Валы в системе обороны Европейского Боспора. СА, XXVII, 1957, стр. 99.

³ Strabo. VII, 4, 7.

⁴ Там же, 4, 6.

⁵ Н. И. Соколовский. Указ. соч., стр. 103.

⁶ IOSPE, II, 36: παντὸς Βοσπόρου=КБН, 40.

⁷ Steph. Biz. Βοσπoρ=ВДИ, 1948, № 1, стр. 317.

⁸ IOSPE, II, 423=КБН, 1237.

⁹ В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 111, № 3=КБН, 1008.

¹⁰ ВДИ, 1947, № 3, стр. 205, № 1=КБН, 56; IOSPE, II, 42=КБН, 54.

¹¹ IOSPE, IV, 194=КБН, 953.

Старого Крыма, а надпись в честь Тейрана (между 275/6 и 278/9 гг.), в которой упоминается наместник Феодосии¹², подтверждает, что в это время Феодосия еще находилась в зависимости от боспорских царей. По-видимому, повторяющееся в титулах царей II — начала III в. определение «царь всего Боспора и тавро-скифов»¹³ или «царь Боспора и окрестных племен»¹⁴ означает, что во владения боспорского царя входил какой-то постоянный массив земель, к которому в разные периоды присоединялись соседние земли, не являющиеся постоянными владениями Боспора. Этим постоянным массивом, или собственно Боспорским царством, как сказано выше, надо, вероятно, считать земли, принадлежавшие Боспору со времени Левкона и Перисада. В таком случае западную границу Боспора в III в. можно считать проходящей по землям тавро-скифов западнее Феодосии и Старого Крыма. Константин Багрянородный, используя не дошедшие до нас источники, сообщает, что в то время, когда в Риме царствовал Диоклетиан, т. е. между 284 и 305 г., разгорелась война между Боспором и Херсонесом и после победы Херсонеса граница между этими государствами была перенесена в Киверик (вероятно, Киммерик), тогда как первоначально она проходила через Кафу¹⁵. Это сообщение вполне подтверждается кладом монет, найденным в Судаке в 1959 г. По сообщению П. Н. Шульца, он содержал более 1020 боспорских монет, относящихся к периоду от 238 до 291 г. (от Инифимея до Фофорса)¹⁶. Там была лишь одна римская монета императора Гордиана III (правившего с 238 по 244 г.). Время, когда был зарыт этот клад, как раз соответствует предполагаемому сроку войны Херсонеса с Боспором и перенесению границы на восток от Судака и Феодосии.

Привлекая свидетельства Птолемея¹⁷ (при всей их неточности и путанице) о местоположении городов, можно предполагать, что на месте Старого Крыма находился либо Бион, либо Портakra, либо Пароста. Найденные там монеты от IV в. до н. э. по IV в. н. э.¹⁸, обломки античной посуды¹⁹ и упоминавшаяся надпись в честь Тейрана говорят о существовании там города. Таким образом, в III в. н. э. западная граница Боспора проходила около Судака и к западу от Старого Крыма. Но, по-видимому, в тече-

¹² IOSPE, II, 29=КБН, 36.

¹³ В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи, стр. 111, № 3: *βασιλευς Βοσπορου* = КБН, 1008.

¹⁴ IOSPE, II, 42=КБН, 54; Л. А. Ельницкий. Эпиграфические новинки из Керчи. ВДИ, 1947, № 3, стр. 205, № 1=КБН, 56.

¹⁵ Константин Багрянородный. «Об управлении государством». ИГАИМК, 91, М.—Л., 1934, стр. 34, 38.

¹⁶ П. Н. Шульц. Доклад на секции нумизматики пленума ИА АН СССР в апреле 1960 г. Сообщение о нем см.: СА, 1961, № 4, стр. 293.

¹⁷ Ptol., III, 6; VIII, 5=ВДИ, 1948, № 2, стр. 241.

¹⁸ Ю. А. Кулаковский. Новые данные для истории Старого Крыма. ЗИРАО, X, ч. 3, стр. 11.

¹⁹ И. Т. Кругликова. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г. КСИИМК, вып. 74, М., 1959, стр. 65.

ние IV в. линия западной границы изменялась. Судя по свидетельству перипла Псевдо-Арриана, относящегося к V в. н. э., к западу от города Кит (Китея) жили скифы, и эти земли уже не входили в состав Боспора ²⁰. Эти соображения подтверждаются и замечанием Стефана Византийского о том, что в Скифии есть город Киты ²¹. Можно предполагать, что в результате катастрофических опустошений последней трети III в. н. э. из-за нападений вражеских племен пришли в запустенье почти все небольшие города и поселения европейской части Боспора, так что западная граница Боспора в IV в. н. э. проходила по пустынным местам, чем и объясняется ее неустойчивость.

По-видимому, Танаис был крайним северным пунктом боспорских владений только до 40-х годов III в., когда он был захвачен и разрушен варварами. Хотя в IV в. жизнь там снова возродилась, нет никаких оснований утверждать, что он в это время входил в состав Боспорского царства.

Восточная граница Боспора в начале III в., как и раньше, охватывала земли синдов и меотов и проходила где-то около Новороссийска и к северу в направлении Темрюка, включая Семибратнее городище. Однако раскопки последних лет в азиатской части Боспора заставляют несколько изменить взгляд на историю и границы этой части Боспорского государства в позднеантичную эпоху. Раскопки населенных пунктов, расположенных у Керченского пролива, свидетельствуют об их непрерывном существовании вплоть до гуннского погрома 70-х годов IV в. В культурных слоях этих поселений и в найденных тамкладах неоднократно встречались монеты боспорской чеканки III и IV вв. ²²

Совсем иначе обстоит дело на юго-восточной границе Боспорского царства. При раскопках Горгиппии прослеживаются следы пожаров и разрушений, относящихся еще к первой половине III в. н. э. Наиболее поздняя из надписей, происходящих из Горгиппии или ее округа, относится, по-видимому, ко времени правления Котиса III ²³. Из нескольких сотен монет, найденных в Горгиппии или ее ближайших окрестностях, нет ни одной позднее 234 г. ²⁴, что заставляет предполагать временное разрушение Горгиппии в 30-х годах III в. и отделение окружающей ее территории от

²⁰ P s. A r r i a n, 76.

²¹ S t e p h. B i z. Указ. слово.

²² К. В. Г о л е н к о. Второй патрейский клад монет. НЭ, I, М., 1960, стр. 223; Д. Б. Ш е л о в. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. НЭ, III, М., 1962, стр. 56 сл.

²³ IOSPE, IV, 433=КБН, 1230; имя Котиса дополнено В. В. Латышевым.

²⁴ Два боспорских статера IV в. н. э., хранящиеся в Анапском краеведческом музее, неизвестного происхождения, возможно найдены в западных районах азиатской части Боспорского царства. Статер Рискупорида VI из раскопок Раевского городища, найденный Н. А. Онайко, свидетельствует лишь о наличии торговых связей с Боспором в IV в., но не решает вопроса о том, что данная территория входила в состав Боспорского царства.

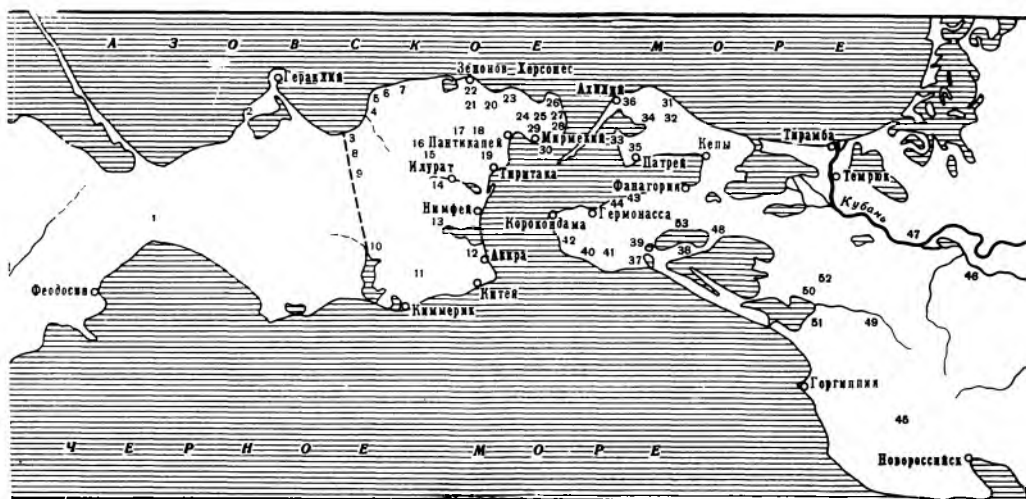

Рис. 1. Схема расположения поселений III—IV вв. н. э. в европейской и азиатской частях Боспора:

европейская часть: 1 — Фронтное, 2 — Семеновка, 3 — Ново-Отрадное, 4 — Золотое, 5 — Золотое II, 6 — Золотое III, 7 — Куль-тепе, 8 — Державино, 9 — Ново-Николаевка, 10 — Тамарино, 11 — Марьевка, 12 — Костырино, 13 — Огоньки, 14 — Михайловка, 15 — Тасуново, 16 — Либкинехтовка, 17 — Андреевка, 18 — Куль-оба, 19 — Восход, 20 — Войково, 21 — Туркмен, 22 — Кезы, 23 — Бондаренко, 24 — Темир-гора, 25 — Варзовка Западная, 26 — Осовины, 27 — Варзовка, 28 — Маяк, 29 — Капканы, 30 — Синягино; азиатская часть: 31 — Кучугуры, 32 — Красноармейское, 33 — Батарейка I, 34 — Батарейка II, 35 — Каменная Батарейка, 36 — Ильичево, 37 — Бугазское, 38 — Яхново, 39 — Западно-Цукурское, 40 — Западно-Зеленское, 41 — Северно-Зеленское, 42 — Пятиколодезное, 43 — «Двенадцатый километр», 44 — «Десятый километр», 45 — Раевское, 46 — Батарейный, 47 — Андреевское, 48 — Вышестеблиевское, 49 — Гастогаевское, 50 — Суворово-Черкесское, 51 — Капустин, 52 — Юровка, 53 — Близицы

Боспорского царства. При массовости чеканки боспорских статеров во второй половине III и в начале IV в. трудно иначе объяснить причину их отсутствия в Горгиппии. Ведь на поселениях европейской части, так же как и в западных районах азиатской части Боспора, эти монеты встречаются очень часто.

Можно предполагать, что изменение восточных границ Боспорского царства в III в. н. э. связано с установлением гегемонии аланов в степях Приазовья и Северного Кавказа. О возросшем значении аланов и об их связях с Боспорским царством уже в начале III в. н. э. свидетельствует появление специального института аланских переводчиков во главе с главным переводчиком Гераком, сыном Понтика²⁵. О том, что аланы с целью грабежа или охоты достигают Азовского моря и Киммерийского Боспора,

²⁵ В. В. Шкопиль. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40, стр. 112—114.

сообщает Аммиан Марцеллин ²⁶. Уже во II в. заметно уменьшается численность оседлого населения правобережья Кубани и приходят в запустение поселения, что является отражением того же процесса наступления аланских племен ²⁷.

У нас нет пока данных для установления пунктов, через которые проходила восточная граница Боспора в середине III и в IV в. н. э. Можно предполагать, что она шла западнее Семибратнего городища, возможно вдоль старого рукава Кубани, и выходила к Азовскому морю где-то в районе современного Темрюка.

Итак, границы Боспорского царства не оставались неизменными в течение III—IV вв. Этот период в истории Боспора полон потрясений и перемен. Начало его связано со временем правления Тиберия Юлия Савромата II (174/75—210/11 гг. н. э.). При этом царе была сделана попытка приостановить начавшийся упадок Боспорского царства, стабилизировать денежное хозяйство, укрепить и даже расширить границы Боспора. Судя по надписи 193 г. из Танаиса, Савромат II покорил соседние племена сираков и скифов и присоединил по договору Таврику. Он очистил от пиратов море в Понте и Вифинии ²⁸. Его называли «царем всего Боспора и тавро-скифов» ²⁹. При нем, вероятно, Боспор продолжал находиться в политической зависимости от Рима, которая довольно отчетливо прослеживается по письменным памятникам I—II вв. н. э. ³⁰ Политическая зависимость сопровождалась, по-видимому, и зависимостью экономической. Рим оказывал экономическую поддержку боспорским царям. Это следует из свидетельства Зосима о дарах, ежегодно посылаемых римскими императорами боспорским царям ³¹, а во II в. — из свидетельства Лукиана Самосатского о боспорских послах, приехавших в Вифинию от царя Евпатора ³² за ежегодной платой.

²⁶ А м м. М а р ц е л л и н, XXXI, 2, 21.

²⁷ Н. В. А н ф и м о в. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, XXVIII, 1958, стр. 71.

²⁸ IOSPE, II, 423=КБН, 1237.

²⁹ В. В. Ш к о р п и л. Новонайденные боспорские надписи, № 3=КБН, 1008.

³⁰ О поездке Аспурга в Рим по вызову римского императора известно из недавно найденной надписи из Горгиппии (Т. В. Б л а в а т с к а я. Рескрипт царя Аспурга. СА, 1965, № 2, стр. 211 сл.). Из писем Плиния следует, что в провинции Вифинии при императоре Траяне имелось специальное лицо, в ведении которого находились дела, относящиеся к Боспорскому царству (P l i n. Epist., 63, 64, 67). Юлий Капитолин в биографии Антонина Пия сообщает, что тот вызывал в Рим боспорского царя Римиталка, чтобы выслушать дело, возникшее между ним и куратором (SHA, v. Ant. Pii, IX, 8). Этому вопросу посвящена статья В. Ф. Гайдукевича, в которой он исправляет одно место из нового перевода Юлия Капитолина, опубликованного в ВДИ, 1957, № 2, стр. 249. В. Ф. Гайдукевич утверждает, что старый перевод В. В. Латышева правилен. См.: В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Из истории Боспора во II в. н. э. Сб. в честь академика А. И. Тюменева. М., 1962, стр. 485 сл.

³¹ Z o s i m., I, 31, 1=ВДИ, 1948, № 4, стр. 276.

³² L u c. Alex. vel Pseudopr. 57=ВДИ, 1948, № 1, стр. 303. К сожалению, толкование данного места, очень важного для выводов о взаимоотношениях боспорского царя

Монетная реформа, которую пытался провести на Боспоре Савромат II, находилась в тесной связи с римско-боспорскими взаимоотношениями, так как Савромат II ввел новые номиналы монет, соответствующие по стоимости денежным единицам римской (императорской и провинциальной) чеканки³³. Эта реформа была вызвана финансовой зависимостью от Рима. Зависимость проявлялась и в сохранении Савроматом II (как, впрочем, и другими боспорскими царями в III и даже в IV в.) чисто римских имен императорской фамилии — Тиберий Юлий (появившихся на Боспоре со времени Котиса I), и в удержании личного имени лишь в виде когномена, в сохранении в титуле царей формулы *φιλοκρίστω καὶ φιλορώμαιο* (друг цезаря и друг римлян) и в существовании на Боспоре римского императорского культа Августов. Савромат был первосвященником этого культа и в надписи на мраморной базе статуи, поставленной им в 201 г. в честь римского императора, он называет его «своим личным благодетелем и благодетелем своего царства»³⁴. Титул пожизненного жреца Августов носили и сын Савромата II Тиберий Юлий Рискупорид III³⁵ (210/11—226/27 гг.) и его преемник Котис III (227/28—233/34 гг.)³⁶. Во время царствования последнего, в 229—231 гг., появляются монеты, чеканенные от имени другого царя — Савромата III. А. Н. Зограф предполагает, что они правили в разных частях Боспорского царства³⁷. Затем во главе государства стояли Рискупорид IV (233—234 гг.) и Инифимей (234/35—239/40 гг.). Ко времени всех этих правителей относится подавляющее большинство надписей III в., свидетельствующих о развитии торговли³⁸,

³³ римским императором, различно. Брандис, А. Премерштейн, М. И. Ростовцев и В. Ф. Гайдукевич толкуют слова *ἐς τὴν Βιθυνίαν ἀπὸντας ἐπὶ κομιδῇ τῆς ἐπετείου συντάξεως* — как «направленные в Вифинию за получением ежегодной субсидии» (от римского императора), тогда как В. В. Латышев перевел это место как «отправлявшихся от царя Евпатора в Вифинию с установленной ежегодной данью». Он считает (Почтка, стр. 116), что это дань боспорского царя наместнику римского императора в Малой Азии. С этим толкованием согласен и В. Н. Дьяков (Таврика в эпоху римской оккупации. «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. И. Ленина», т. XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 32). С точки зрения грамматики данное место можно перевести и так и так: «отправлявшихся за привозом ежегодной платы» (*ἀπεμύ* — уходить; *зд. partic.*; *ἐπὶ* — с *dat.* — цель; следовать за чем-либо за плату, за деньги; *ἡ κομιδῇ* — привоз, забота; *ἡ συντάξις, εἰς* — дань, жалованье, денежные средства *ἐπετείος* — ежегодный), но если принять во внимание свидетельство Зосима (Zosim., I, 31) о ежегодных субсидиях (*δῶρα*), поступавших к боспорским царям от римских императоров в III в. н. э., то толкование этого места М. И. Ростовцевым, В. Ф. Гайдукевичем и другими представляется более правильным.

³⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 205.

³⁵ IOSPE, II, 34=КБН, 52.

³⁶ IOSPE, II, 41=КБН, 53.

³⁷ IOSPE, II, 432=КБН, 1247.

³⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 208. Имена обоих царей имеются на сильно попорченной мраморной плите из Горгиппии (IOSPE, IV, 433=КБН, 1249).

³⁹ О предоставлении Савроматом II союзу горгиппийских навклеров-судовладельцев права беспошлинного вывоза из горгиппийской гавани тысячи артаб зерна. См.: С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Сб. «Северное Причерноморье», М.—Л.

в том числе с городами Южного Причерноморья ³⁹, о сооружении городских укреплений ⁴⁰, храмов ⁴¹, статуй ⁴².

В конце этого периода Боспор испытывает сильный натиск варварских племен на пограничные районы царства. Первой их жертвой становится Горгиппия, второй — Танаис. С 240/41 г. на боспорском престоле воцаряется Рискупорид V. С временем его правления связаны серьезные потрясения, переживаемые Боспором. Монеты 250—267 гг. свидетельствуют о полном упадке техники чеканки и о появлении на боспорском престоле около 253 г. наряду с законным царем Рискупоридом царя Фарсанза. Ни одна датированная надпись, относящаяся к периоду между 250 и 275 г. ⁴³, не известна. Около 270 г. прекращают свое существование многие малые города и поселения европейской части Боспора.

Античные авторы свидетельствуют, что в середине III в. на территории Северного Причерноморья появились варварские племена, которые часто называют собирательным именем «скифы» ⁴⁴, иногда «готы» ⁴⁵, «карпы», «уругунды», «бораны» ⁴⁶ и т. д. Зосим сообщает о морских походах, совершаемых этими племенами «при посредстве жителей Боспора, которые скорее из страха, чем из расположения, дали им суда и показали путь к переправе» ⁴⁷, и о внутренних смутах на Боспоре в это время. «Пока у них (у боспорцев.— *И. К.*) были цари, получавшие власть по наследству, т. е. сын от отца, то вследствие дружбы римлян, благоприятно развивавшихся торговых сношений и ежегодно посылаемых им (боспорским царям.— *И. К.*) императорами даров, они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же, по исчезновении царского рода, во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам (боранам.— *И. К.*) проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах» ⁴⁸. Это смутное

1953, стр. 208. Надпись опубликована В. В. Латышевым в ИАК, вып. 37, стр. 38, № 2=КБН, 1134.

³⁹ IOSPE, II, 42—44=КБН, 54, 55, 59; IV, 194=КБН, 953.

⁴⁰ IOSPE II, 43, 432—433, 434, 435=КБН, 55, 1247, 1249, 1250, 1252; А. И. Болтунова. Из дневников А. Н. Латышева. ВДИ, 1951, № 2, стр. 120=КБН, 125 (в Танаисе); IOSPE, II, 48=КБН, 897 (в окрестностях Керчи).

⁴¹ IOSPE, II, 47=КБН, 63.

⁴² IOSPE, II, 399, 34, 42, 28=КБН, 1121, 52, 54, 35; А. И. Болтунова. Подпись под статуей из Горгиппии. СА, XXVIII, 1958, стр. 110 сл.=КБН, 1120.

⁴³ В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство. М., 1949, стр. 452) считает возможным отнести к периоду от 267/8 г. до 275/6 г. надпись с именем царя Хедосбия, которую В. В. Шкорпил (Боспорские надписи, найденные в 1913 г. ИАК, вып. 54, стр. 65) относит к 80 г. III в. От надписи сохранились лишь две верхние строчки; ни ее содержания, ни дата неясны.

⁴⁴ Dexipp., фр. 18—20=ВДИ, 1948, № 2, стр. 309 сл.; Zosim., I, 31—33=SC, I, 790=ВДИ, 1948, № 4, стр. 276 сл.

⁴⁵ SHA. V. Claud. VI, 1=ВДИ, 1949, № 3, стр. 263.

⁴⁶ Zosim., I, 31.

⁴⁷ Zosim., I, 32.

⁴⁸ Там же, I, 31.

время, по-видимому, совпадает с временем правления Фарсанза, монеты которого известны с обозначением 550 и 551 гг. боспорской эры (т. е. 253 и 254 гг. н. э.). Как показывает его имя, Фарсанз не принадлежал к царствующей фамилии Тибериев Юлиев, обычные имена которых были Савромат, Рискупорид, Котис и т. д. Правление его было недолгим. После Фарсанза власть вновь переходит к Рискупориду V. По-видимому, при нем и начались знаменитые морские походы варваров, известные под названием готских или скифских ⁴⁹. Первый из них был в 255 или в 256 г. ⁵⁰ Именно тогда боспоряне впервые переправили боранов на своих кораблях. Этот поход был неудачен, и осенью 257 г. был организован второй поход. «Скифы вновь взяли у боспорцев суда и переправились в Азию. Удержав суда и не позволив боспорцам, как прежде, возвратиться с ними домой, они пристали вблизи Фазиса». Затем они двинулись на Питиунт и, взяв его, подступили к Трапезунту. После того как скифы взяли город, «они овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных.... Истребив храмы и жилища и вообще все, что служило к украшению или увеличению города, а затем опустошив и всю его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей» ⁵¹. Под родиной, по-видимому, надо понимать Крымский полуостров или даже Боспор, откуда они начали свой поход. В 267/68 г. закончилось правление Рискупорида V ⁵². Вследствие перерыва в чеканке боспорских монет с 267/68 по 275/76 г. нельзя восстановить имена царей, правивших Боспором в этот период. Может быть, в это время происходила борьба за боспорский престол. Среди претендентов, по-видимому, был Тейран, связанный с династией Тибериев Юлиев. Его монеты появляются в 266 г., хотя монеты Рискупорида продолжают выпускаться до 267 г. На какое-то время власть мог захватить Хедосбий ⁵³, не принадлежавший к этой династии. В 275 г. правит Савромат IV, но в этом же году одновременно с его монетами вновь начинается чеканка Тейрана. Зосим сообщает, что в 275 г., «когда Тацит вступил на римский престол» и получил власть, скифы, «переправившись через Меотийское озеро и Понт, совершили набег до Киликии» ⁵⁴. Судя по эпиграфическим памятникам, в 275 г. на Боспоре наступает период некоторой стабилизации. Вновь появляются памятники, воздвигнутые в честь царя ⁵⁵. Оживляется деятельность религиозных обществ ⁵⁶, усиливаются связи с Римской империей, в кладах и среди находок на городищах

⁴⁹ Т. Моммзен. История Рима, т. V. М., 1949, стр. 211.

⁵⁰ А. М. Ремеников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954, стр. 93.

⁵¹ Zosim., I, 32, 33.

⁵² О разных точках зрения на длительность правления этого царя и о появлении в 266/67 г. соправителя или узурпатора см. ниже: стр. 194, примеч. 51 и стр. 198.

⁵³ См. выше, примеч. 43, на стр. 16.

⁵⁴ Zosim., I, 53.

⁵⁵ IOSPE, II, 29=КБН, 36.

⁵⁶ IOSPE, IV, 211; ИАК, вып. 58, стр. 38=КБН, 103, 1112.

появляются римские монеты. Укрепление экономического положения Римской империи и усиление императорской власти при Аврелиане и Диоклетиане отразились и на Боспорском царстве. После семилетнего перерыва вновь возобновилась чеканка боспорских статеров, хотя теперь уже из чистой меди. На монетах сохранилось изображение римского императора, в надписях — обычный титул царя «друг цезарей и друг римлян». В городах вновь стали возводить памятники, общественные постройки и оборонительные сооружения. В столице Боспорского царства были частично реконструированы городские постройки, сооружались новые подпорные стены террас⁵⁷. Эти реставрационные и строительные работы проводились, по-видимому, главным образом в европейской части Боспора. В городах и в поселениях азиатской его части катастрофических разрушений, которые можно было бы связать с нападениями готских народов, не отмечено. Ко времени Тейрана относится надпись на мраморном постаменте с посвящением Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице. Памятник был воздвигнут в честь какой-то победы царя его царедворцами (аристопилитами)⁵⁸. Тейран назван там «другом цезарей и другом римлян», он сохранил и имя Тиберий Юлий, желая, вероятно, показать уважение к Римской империи.

Монеты Тейрана чеканятся до 278 г. Затем вновь наступает перерыв в чеканке, и мы не знаем точно даты вступления на престол следующего из боспорских царей Фофорса. Монеты его появляются с 286 г. и выпускаются до 308 г.⁵⁹ При Фофорсе Боспор вел с Херсонесом войну, о которой упоминает Константин Багрянородный⁶⁰. Хотя его сочинение относится уже к X в., он мог использовать для главы, посвященной истории Херсонеса, материалы херсонесской хроники⁶¹, написанной не позже V в. н. э., а также сочинения более древних авторов. Из сообщения Константина Багрянородного следует, что Фофорс, выступающий у него под именем Савромата, собрал варваров, обитавших в районе Азовского моря, и вторгся в римские владения в Малой Азии. Херсонесцы, к которым император Диоклетиан обратился за помощью, вторглись в свою очередь на территорию Боспора и овладели Пантикапеем. Савромату (Фофор-

⁵⁷ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2, стр. 179.

⁵⁸ IOSPE, II, 29=КБН, 36. О функциях должностных лиц, упомянутых в данной надписи, см.: В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 210 сл.

⁵⁹ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 212.

⁶⁰ Const. Porph. De administrando imperio. London, 1962, 53.

⁶¹ См. комментарий Дженкинса в т. II «De administrando imperio», стр. 205. Вопросу о достоверности приводимых Константином Багрянородным фактов был посвящен доклад Я. Харматты «К истории Херсонеса Таврического и Боспора», прочитанный им на Конференции по изучению проблем античности в Ленинграде 14 апреля 1964 г. Я. Харматта присоединяется к мнению Дженкинса, Шестакова и Манойловича о достоверности фактов и уточняет даты событий, изложенных Константином Багрянородным; В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство, стр. 460) также считал достоверными приводимые Константином факты.

су) пришлось возвратиться, и он принужден был уступить часть своей территории Херсонесу и перенести западную границу Боспора к Киммерики. После этого поражения, по мнению Константина, «царство савроматов на Боспоре стало рушиться»⁶². Я. Харматта датирует возвращение сарматского войска в Пантикапей 293 годом. Дата этой войны с Херсонесом хорошо подтверждается временем закрытия уже упоминавшегосяклада монет, найденного в 1959 г. в Судакe. Наиболее поздняя из монет этого клада, как нам любезно сообщил П. Н. Шульц, относилась к 291 г.

Одна из надписей 306 г. из Пантикапея, поставленная Аврелием Валерием Согом, сыном Олимпа, начальником Феодосии, называет Боспор этого времени не царством, как обычно, а провинцией (*ἐπαρχίαν*)⁶³. Сого проявляет явное подобоострастие по отношению к Римской империи, утверждая в надписи, что «он известен Августам и удостоился почестей от Диоклетиана и Максимиана». Обращает на себя внимание и тот факт, что в этой надписи отсутствуют титул и имя царя. Проримская ориентация боспорской аристократии сказалась и в надписи 307 г.⁶⁴, поставленной архонтами агриппейцев и кесарийцев в честь бывшего наместника царства Марка Аврелия Андроника и его сына лохага. Два главных города Боспорского царства — Пантикапей и Фанагория — названы здесь наименованиями, данными им в I в. императором Августом, в период наиболее тесных связей Боспора с Римом. Обращает на себя внимание сочетание в данной надписи римского имени бывшего наместника царства с вырезанным под надписью сарматским знаком⁶⁵, свидетельствующим о принадлежности наместника к родовой сарматской знати. Обе эти надписи поставлены людьми, занимавшими важные государственные должности. Они свидетельствуют о заинтересованности боспорской знати в установлении тесных связей с Римской империей в начале IV в. Может быть, эти памятники также отражают борьбу старой земельной аристократии греко-римского направления, в числе которой были и представители давно пришедших на Боспор сарматских племен, с новой родо-племенной знатью. Влияние последней должно было особенно возрасти во второй половине III в., когда боспорский царь принужден был вступить в союз с вождями вновь пришедших племен. Тесные связи Фофорса с варварскими вождями подтверждаются и его вторжением вместе с варварами, жившими в районе Азовского моря, в римские владения в Малой Азии, о чем известно из упомянутого выше сообщения Константина Багрянородного. Этот поход был прямым продолжением варварских походов

⁶² Const. Porph., 53. См.: Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 34 сл.

⁶³ ИАК, вып. 10, стр. 26, № 21=КБН, 64.

⁶⁴ IOSPE, II, 363=КБН, 1051.

⁶⁵ Э. И. Соломонович. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 75, рис. 30.

середины и второй половины III в., о которых упоминает Зосим. О том, что Фофорс принадлежал к сарматской родовой знати, свидетельствует и тамгообразный знак на его монетах. Последний помещался на реверсе монет, рядом с изображением римского императора, как бы подчеркивая независимость боспорского царя от императора и его связь с сарматскими племенами. Симпатии царя к новой родо-племенной аристократии могли породить оппозицию со стороны старой боспорской знати. Рост местного варварского землевладения в позднеантичный период и его борьба против греко-римской рабовладельческой знати характерны и для других частей античного мира, например для Антиохии ⁶⁶.

Упомянутые выше боспорские надписи 306 и 307 гг. свидетельствуют о сохранении на Боспоре в начале IV в. прежней структуры государственного управления. Среди названных в надписях этого времени должностных лиц встречаются: начальник Феодосии (ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας) ⁶⁷, наместник царской области (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας) ⁶⁸, исполнитель судебных решений (πράκτωρ οἰκονομίας) ⁶⁹, архонты ⁷⁰.

Стабилизация, наступившая после 275 г. и прослеживаемая по эпиграфическим и археологическим источникам, по-видимому, не была устойчивой. В период правления Тейрана или в начале царствования Фофорса начинается накопление сокровищ, впрочем довольно скромных. Именно в этот период были зарыты клады монет, накапливавшихся со времени Ининфимея ⁷¹, и началось накопление новой серии кладов ⁷². Почти одновременное начало накопления позднеантичных кладов как в европейской, так и в азиатской частях Боспора свидетельствует об общих путях социально-экономического развития обеих частей государства в это время. Увеличение числа кладов одного и того же времени отражает общую тенденцию к накоплению сокровищ, что, возможно, объясняется уменьшением значения денег и усилением натурализации хозяйства, приведшим во второй четверти IV в. к прекращению чеканки боспорской монеты.

По истории Боспора в IV в. н. э. сохранилось еще меньше источников, чем по предыдущему периоду. Данные письменных источников очень отрывочны и касаются главным образом наступления готов. Число над-

⁶⁶ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город. М., 1962, стр. 168.

⁶⁷ ИАК, вып. 10, стр. 26, № 21 (306 г.)=КБН, 64.

⁶⁸ IOSPE, II, 363 (307 г.)=КБН, 1051.

⁶⁹ IOSPE, IV, 342 (III — начало IV в.)=КБН, 731.

⁷⁰ IOSPE, II, 363 (307 г.)=КБН, 1051.

⁷¹ Клады, найденные в Керчи в 1863 и 1867 гг.

⁷² Около 275 г. началось накопление кладов: Таракташского, Тиритакского (1946 г.), Патрейского (1951 г.), Кеппского (1962 г.), Керченского (1869 г.). При этом одна монета Фарсанза из последнего клада, так же как единственная монета Рискупорида III из 516 датированных монет Таракташского клада, не должны приниматься во внимание. Ко времени Фофорса относится начало накопления кладов: Керченских (1852 и 1869 гг.), клада, найденного в 1878 г. на Фанталовском полуострове, и Феодосийского.

писей незначительно и, за небольшим исключением, они являются краткими эпиграфами. Выпуск боспорских монет, позволяющих восстановить имена и время правления боспорских царей, прекращается в 336 г. Весь последующий период истории Боспорского царства скрывается во тьме, и лишь отдельные эпизоды позволяют составить о нем самое общее представление. Наступление варваров на Римскую империю в IV в. сопровождалось перемещениями племен, вторжениями варваров на территории соседних государств. Из надписей известно о производимых на Боспоре работах по сооружению оборонительных стен ⁷³, башен ⁷⁴, о памятнике, воздвигнутом в честь военачальника-лохага ⁷⁵, вероятно в честь его военных заслуг.

С 309 по 318 г. царем Боспора был Радамсад. Судя по надписи, в которой сохранились имена Радамсада и Рискупорида ⁷⁶, они некоторое время правили совместно. Об этом же свидетельствуют статеры 318 и 319 гг., часть из которых носит имя Радамсада, другие — имя Рискупорида ⁷⁷. При Рискупориде VI в 336 г. прекратился выпуск боспорских монет, и неизвестно, когда и кто сменил на боспорском престоле этого царя. Но прекращение боспорской чеканки еще не означало полного упадка экономической жизни Боспора. Его города продолжали оставаться центрами ремесла. В Пантикапее и в Фанагории открыты гончарные печи IV в. Тиритака сохраняла свой характер промыслового городка. Развивались и сельские поселения азиатской части Боспора. В Керчи, в гробницах в районе Госпитальной улицы, найдены импортные вазы, стеклянные изделия и украшения, привезенные на Боспор из восточных римских провинций. Однако этими вещами владела лишь небольшая группа людей — аристократическая верхушка боспорского общества. Какой социальный класс представляла в IV в. эта боспорская знать, сказать сейчас трудно. Можно только предположить, что в результате варварских нашествий конца III в. н. э. и внутренних смут состав правящих слоев боспорского общества сильно изменился. Вожди готских, аланских и других племен, входивших в готский племенной союз, придя на Боспор, объединились с родо-племенной аристократией сарматских племен, проникших на Боспор ранее; они и составили, вероятно, эту новую аристократическую верхушку.

Усиление роли родо-племенной знати на Боспоре наблюдалось и раньше. Появление тамгообразных знаков, являвшихся по своей природе родовыми

⁷³ ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 79, № 8=КБН, 1112 (надпись 335 г.).

⁷⁴ IOSPE, II, 49¹=КБН, 67; надпись не ранее времени Константина (306—337 гг.).

⁷⁵ IOSPE, II, 363=КБН, 1051 (надпись 307 г.).

⁷⁶ IOSPE, II, 312¹=КБН, 66.

⁷⁷ А. Н. З о г р а ф. Указ. соч., стр. 212; К. В. Голенко считает, что дата на статерах Радамсада последних выпусков прочитана неправильно и что чеканка Радамсада закончилась в 615 г. боспорской эры (318 г.) и тогда же началась чеканка Рискупорида VI (К. В. Голенко. К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора. ВВ, XXV, 1964, стр. 178).

знаками, из которых позднее, вероятно, начали выделяться именные, показывает возросшее значение родов и стремление подчеркнуть не этникон или принадлежность к городской общине, а принадлежность к определенному роду. Тамгообразные знаки первых веков нашей эры встречаются на стелах, ремесленных изделиях, иногда их процарапывали на стенах, на различных предметах, а в конце III в. тамгообразный знак появляется и на монетах с именем царя Фофорса. Представителям родовой аристократии, по-видимому, принадлежат склепы, открытые В. В. Шкорпилом в Керчи в районе Госпитальной улицы и Кладбищенского переулка. Дорогие вещи и украшения, найденные в этих склепах, могли быть добыты во время военных набегов готских племен на города Малой Азии и Южного Причерноморья. О военных походах с участием боспорян в середине и второй половине III вв. сообщают Зосим и Константин Багрянородный, о чем уже говорилось выше. Военные грабежи и походы были одним из способов пополнения казны и обогащения военно-аристократической верхушки. Но организация этих походов в свою очередь требовала больших средств. Между тем экономика Боспорского царства в IV в. находилась в тяжелом состоянии. Бедность массового могильного инвентаря, городские постройки, весь характер культурного слоя городов второй половины III — IV вв., свидетельствуют о глубоком упадке городской жизни, об обнищании рядового боспорского населения. Трудности экономические усугублялись военными нападениями соседей. О вражеских нападениях на боспорские города можно судить по надписи о возведении в 335 г. городской стены, в которой высказано пожелание победы городу⁷⁸. Писатель второй половины IV в. Аммиан Марцеллин сообщает о посольстве боспорян в 362 г. к императору Юлиану с просьбой, чтобы за внесение ежегодной дани он помог им спокойно жить в пределах родной земли⁷⁹.

Одна из наиболее поздних боспорских надписей упоминает имя царя Тиберия Юлия Диуптуна с обычной титулатурой «друга цезарей и друга римлян»⁸⁰. По-видимому, вновь укрепившаяся у власти после смут и узурпаций III в. старая правящая династия удерживала боспорский престол почти до конца IV в. н. э. В надписи Диуптуна названа должность епарха — управителя большой территории — новое название наместника; там же упоминается должность комита. Царствующая династия старается

⁷⁸ ИАК, вып. 58, стр. 38=ИРАИМК, т. II, стр. 79—82=КБН, 1112.

⁷⁹ А m m. М а г с., XXII, 7, 10=ВДИ, 1949, № 3, стр. 285.

⁸⁰ IOSPE, II, 491=КБН, 67. Упоминание в этой надписи о возведении башни дало В. В. Латышеву основание сопоставить этот факт со свидетельством Прокопия Кесарийского о восстановлении императором Юстинианом стен «города Боспора» (см. КБН, стр. 74, комментарии к надписи № 67). О связи с Византией говорят и титулы «епарх» и «комит», известные в Византии и не встречавшиеся ранее на Боспоре, но шрифт надписи, ее формула и названия других должностных лиц заставляют относить ее к IV в. и даже к первой его половине.

восстановить прежние взаимоотношения с Римской империей. Царь сохранил свой прежний титул и фамильное имя римского императора — Тиберий Юлий. Но, судя по приведенному выше сообщению Аммиана Марцеллина о просьбе боспорян платить римскому императору ежегодную дань, взаимоотношения Рима с Боспором стали носить иной характер. В I—III вв. Римская империя рассматривала Боспор как силу, способную оказать сопротивление варварам, сдерживая их натиск и отводя таким образом удар от границ ее восточных владений. Боспорский флот поддерживал спокойствие на Черном море, освобождая море от пиратов и позволяя торговать с восточными римскими провинциями. Свое влияние на Боспоре римские императоры обеспечивали ежегодными дарами боспорским царям. Не случайно Зосим сообщает, что боспорские цари вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых императорами даров могли сдерживать скифов, желавших переправиться в Азию⁸¹. Теперь ослабевший Боспор, находясь в глубине варварских владений, не мог уже быть полезен Риму в военном отношении. И уже не римские императоры Боспору, а боспорские цари Риму должны были платить за помощь.

Боспорское государство, ослабленное военными нападениями и общим упадком экономики, не имело сил оказать сопротивление натиску гуннских полчищ в 70-х годах IV в. Евнапий, живший во второй половине IV — начале V в., описал нашествие гуннов, заставившее скифов вторгнуться в римские владения. Дошедший до нас лишь частично труд Евнапия послужил источником для историков V — начала VI в. Созомены и Зосима. Они сообщают о переходе гуннов с восточного берега Меотийского озера в Крым через Киммерийский Боспор⁸².

Аммиан Марцеллин говорит, что «племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, ... живет за Меотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости»⁸³. «Именно гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора»⁸⁴. Описывая первое появление гуннов к западу от Меотиды, Евнапий пишет: «Побежденные скифы были истреблены гуннами и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе и обратившись в бегство, числом немного менее 200 тысяч самых способных к войне, сошлись... Двинувшись и став на берегах Истра, они издали простирали руки

⁸¹ Zosim, I, 31, 1=SC, I, стр. 790.

⁸² Zosim., IV, 20, 3—4; ср.: А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 292, 293.

⁸³ Амт. Магс., XXXI, 2, 1=ВДИ, 1949, № 3, стр. 301.

⁸⁴ Амт. Магс., XXXI, 3, 1=ВДИ, 1949, № 3, стр. 305.

с воплями и криками и протягивали молитвенные ветви, прося позволения переправиться через реку...»⁸⁵.

Таким образом, древние авторы, очевидцы событий, довольно единодушны в оценке характера гуннского нашествия.

Данные древних историков о вторжении гуннов на Боспор подтверждаются археологическими раскопками. Все города и поселения азиатской части Боспора подверглись разгрому во второй половине IV в.⁸⁶ Небольшие поселения были уничтожены полностью, крупные города — Фанагория, Патрей, Кепы — были сильно разрушены. Переправившись в европейскую часть Боспора, гунны подвергли опустошению и эту часть государства. Даже хорошо укрепленные крупные города типа Пантикапея сильно пострадали от разрушений. Боспорское царство так и не смогло оправиться от потрясений. С гуннским погромом кончается история античного Боспора. Возникшее на развалинах Боспорского царства государство носило уже иной характер, приближаясь, вероятно, к варварским государствам раннего средневековья.

⁸⁵ Е и п а р., гл. 42=ВДИ, 1948, № 3, стр. 273.

⁸⁶ Это показали раскопки поселений Таманского полуострова, проводимые под руководством Н. И. Сокольского, о чем подробнее сказано ниже, в главе о поселениях

ГОРОДА

К сожалению, сейчас нельзя достаточно определенно локализовать все города Боспора, упоминаемые античными авторами, и особенно это относится к европейской части государства. Так, неизвестно, где находился город Дия, упоминаемый Плинием и Стефаном Византийским¹, или Гермисий, который назван у Плиния² и у Помпония Мелы³. Птолемей⁴, перечисляя города Херсонеса Таврического, помещает Пости-

¹ Plin. NH, IV, 86; Steph. Byz. Указ. слово = ВДИ, 1948, № 1, стр. 319; В. Д. Блаватский (Архаический Боспор, МИА, № 33, 1954, стр. 22) отождествляет ее с Тиритакой, местоположение которой в районе пос. Аршинцево установлено В. Ф. Гайдукевичем (О местоположении древней Тиритаки, МИА, № 4, стр. 85 сл.).

² Plin. NH, IV, 87.

³ Pompon. Mela, II, 3 = ВДИ, 1949, № 1, стр. 278.

⁴ Ptol., III, 5, VIII, 5 = ВДИ, 1948, № 2, стр. 241.

гию, Тарону, Бион, Табану и Тазос также, по-видимому, где-то в пределах Боспорского царства, но отождествить их с каким-либо из известных в настоящее время поселений затруднительно. Наоборот, упомянутые Птолемеем Зенонов Херсонес и Гераклий могли бы быть отождествлены с известными поселениями у мыса Зюк и у мыса Казантип⁵, но незначительный масштаб раскопок, проводившихся на этих поселениях, не дал пока оснований для окончательного решения вопроса об их локализации. Также неясно местоположение Парфения⁶, который, впрочем, возможно, и не имел статуса города, так как Страбон называет его деревней (κώμη)⁷.

Таким образом, несмотря на то, что в европейской части Боспора культурные слои III в. н. э. обнаружены во многих пунктах: в Пантикапее и Тасунове⁸, в Илурате, Мирмекии и Тиритаке⁹, в Танаисе¹⁰, Киммерике¹¹, Нимфее¹², на поселениях у деревень Семеновки, Мысовки, Ново-

⁵ И. Т. Кругликова. Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря. СА, XXVIII, 1958, стр. 233. Зенонов Херсонес Птолемей помещает севернее всех соседних поселений, как бы на выступающем в море мысе, что вполне соответствует положению мыса Зюк. Именно там локализует его Ю. А. Кулаковский (ОАК за 1894 г., стр. 96), тогда как В. В. Латышев считает, что здесь находился Гераклий (см.: IOSPE, II, карта и IV, 123). С. Мюллер (см. C. l. P t o l. Geogr. — C. Müller (ed.). Paris, 1883, v. I, стр. 416, 439) помещал Гераклий около мыса Казантип. То обстоятельство, что Страбон локализует Гераклий вблизи Мирмекии, не должно служить основанием для недоверия к данным Птолемея. Некоторые из пунктов, названных Страбоном, могли ко времени Птолемея уже исчезнуть и, наоборот, могли возникнуть новые.

⁶ Е. Г. Кастанаян. Археологическая разведка на городище Парфений. МИА, № 85, 1958, стр. 254; В. В. Веселов. Древнее городище в районе Синягино. Сб. «История и археология Боспора», Симферополь, 1952, стр. 277.

⁷ Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 6 = ВДИ, 1947, № 4, стр. 205, 211.

⁸ В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 9 сл.; он же. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. МИА, № 56, 1957, стр. 5 сл. (здесь помещена библиография опубликованных материалов о раскопках за указанные годы); он же. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2, стр. 168 сл.; В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Разведки на Керченском полуострове. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 100 сл.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 9 сл.; он же. Раскопки Тиритаки и Мирмекии в 1946—1952 гг. МИА, № 85, стр. 149 сл.; он же. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., МИА, № 25; он же. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг. Там же, стр. 16 сл.

¹⁰ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949; Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г. КСИИМК, вып. 74, стр. 74 сл.; он же. Раскопки Танаиса в 1956 г. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 62 сл.; он же. Новые данные о древнем Танаисе. «Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея», Таганрог, 1957, стр. 115 сл.; «Древности Нижнего Дона», МИА, № 127, М., 1965.

¹¹ И. Т. Кругликова. Раскопки Киммерика. КСИИМК, вып. 51, стр. 132 сл.; она же. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 219 сл.; И. Б. Звест. Жилые дома древнего Киммерика. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 193 сл.; она же. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 92 сл.

¹² М. М. Худяк. Нимфейская экспедиция 1939 г. «Труды отдела Античного мира Государственного Эрмитажа», т. I, Л., 1945, стр. 147.

Отрадного, Золотого ¹³, Михайловки ¹⁴ и др., а слои IV в. в Пантикапее, Тиритаке и частично в Мирмекии, мы можем характеризовать жизнь лишь единичных городов. Но в целом материалы всех раскопок позволяют составить довольно ясное представление об особенностях городской жизни европейского Боспора в позднеантичную эпоху и выявить ее сходство и различия с жизнью сельских поселений, не имевших городского статуса.

Города азиатской части Боспора в позднеантичный период развивались в целом по тому же пути, что и города европейской части. Однако имелись и существенные различия. Главнейшим из них является отсутствие катастрофических разрушений конца III в. н. э. Все наиболее крупные города азиатской части Боспора, упоминаемые античными авторами, подверглись археологическим раскопкам: Фанагория ¹⁵, Кепы ¹⁶, Горгиппия ¹⁷, Гермонасса ¹⁸, Тирамба ¹⁹. Не установлено местоположение упоминаемой Плинием Стратоклии ²⁰, неизвестно, с каким из поселений надо отождествить город Киммериду, о котором сообщают Плиний ²¹, анонимный автор перипла ²² и др., гавань Бату и Ахиллий Птолемея ²³. Проводились раскопки поселений, которые нельзя отождествить ни с одним из этих городов: Семибратнего городища, Раевского городища и поселений на Таманском полуострове, о которых будет подробно сказано в главе о сельских поселениях.

¹³ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 236 сл.; она же. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 64 сл.

¹⁴ Б. Г. Петерс. Раскопки городища у с. Михайловка в 1963 г. КСИИМК, вып. 103, 1963, стр. 119 сл.

¹⁵ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956. В книге есть библиография, где указаны публикации предшествующих лет.

¹⁶ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кечах в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 53 сл.; он же. Работы в Кечах в 1958 г. КСИИМК, вып. 83, 1961, стр. 66 сл.; он же. Раскопки в Кечах в 1959 г. КСИИМК, вып. 86, 1961, стр. 55 сл.; он же. Раскопки городища Кепы в 1960 г., КСИИМК, вып. 91, 1962, стр. 83 сл.; он же. Раскопки городища Кепы в 1961 г. КСИИМК, вып. 95, 1963, стр. 52 сл.; он же. Раскопки в 1962 г. КСИИМК, вып. 103, 1963, стр. 108 сл.

¹⁷ В. Д. Блаватский. Раскопки в Анапе. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 245; И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе в 1959—1960 гг.; КСИИМК, вып. 95, 1963, стр. 66 сл.; И. Т. Кругликова. Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований. КСИИМК, вып. 103, 1963, стр. 4—6.

¹⁸ В 1930 г. раскопки проводились экспедицией во главе с А. А. Миллером (А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1), а в 1952—1955 гг. — экспедицией под руководством Б. А. Рыбакова (И. Б. Зеест. Раскопки Гармонассы. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 114 сл.; она же. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 58 сл.).

¹⁹ А. К. Коровина. Раскопки городища и некрополя древней Тирамбы в 1961 г. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за 1961 г.» М., 1961, стр. 8.

²⁰ Plin. NH, VI, 18=ВДИ, 1949, № 2, стр. 293.

²¹ Plin. NH, IV, 87=ВДИ, 1949, № 2, стр. 282.

²² P. S. Agr., 74=ВДИ, 1948, № 4, стр. 234.

²³ Ptol., V, 8, II, 2, 8=ВДИ, 1948, № 2, стр. 244, 245.

Не все города раскопаны в достаточной степени и составить представление о каждом из них в отдельности, выявить особенности каждого города не всегда удастся. Зато используя весь материал раскопок городов азиатского и европейского Боспора, сопоставив его с данными эпиграфики и привлекая другие виды источников, можно составить довольно ясную картину жизни боспорского города позднеантичной эпохи.

Главным отличием античных городов от деревень было их особое правовое положение в государстве и существование у них особой системы муниципальных должностей. Кроме того, они отличались от деревень внешним видом (архитектурой, характером построек, большими размерами) и занятиями жителей. Все это можно сказать и о боспорских городах. Интересно сопоставить примерные размеры различных городов Боспора римского времени ²⁴.

Пантикапей в римское время занимал площадь более 100 га ²⁵.

Фанагория в эпоху своего расцвета — около 50 га ²⁶.

Горгиппия — не менее 24 га ²⁷.

Келы — около 20—25 га ²⁸.

Мирмекий — около 4 га ²⁹.

Китей в настоящее время занимает площадь более 4,5 га, но часть его обрушилась в море ³⁰.

Тиритака — около 4,5 га ³¹.

Танаис первых веков нашей эры занимал несколько больше 4 га ³².

Гераклий (пос. у мыса Казантип) — около 3,2 га ³³.

Илурад — 2,5 га ³⁴.

²⁴ Подсчеты эти носят условный характер, так как не всегда можно установить, где проходили границы городов в III в. Города первых веков нашей эры по размерам большей частью не уступали городам предшествующего времени, поэтому расчеты по периметру стен даже в том случае, когда не совсем ясна точная дата возведения стен, не приведут к серьезным ошибкам.

²⁵ В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея, стр. 34.

²⁶ Размеры городища даны вместе с частью территории, находящейся в настоящее время под водой. Без подводной части территория городища занимает 38 га (В. Д. Блаватский. Подводные разведки древней Фанагории. «Вестник АН СССР», 1959, № 1, стр. 130).

²⁷ В. Д. Блаватский считает, что ее площадь не превышала 20 га (Разведки в Анапе, стр. 247). Однако работы последних лет показали, что она была больше.

²⁸ Н. И. Сокольский (Раскопки в Келлах в 1957 г., стр. 53) считал, что площадь города была около 8 га, но его дальнейшие исследования внесли коррективы. Приведенные выше цифры были любезно сообщены мне Н. И. Сокольским.

²⁹ В. Ф. Гайдукевич. Мирмекий. Варшава, 1959, стр. 5; он же. Раскопки Мирмекии. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XXIV, Л., 1963, стр. 53.

³⁰ Размеры вычислялись по плану, составленному в 1927 г. и опубликованному Ю. Ю. Марти (Городища Боспорского царства к югу от Керчи. ИТОИАЭ, II, 1928, стр. 120).

³¹ Размеры вычислялись по плану Б. Ф. Гайдукевича (Илурад, стр. 150).

³² Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 118; Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 24.

³³ Измерения производились автором на месте в 1953 г.

³⁴ В. Ф. Гайдукевич. Илурад, стр. 10.

Таким образом, размеры Боспорских городов были очень различны. С одной стороны, такие крупные города, как Пантикапей и Фанагория занимали по несколько десятков гектаров, с другой — размеры малых городов колеблются от 5 до 2,5 га.

Материалов для характеристики муниципальной организации городов Боспора и тем более в позднеантичный период почти нет. Однако некоторые сведения о сохранении городами вплоть до IV в. кое-каких органов самоуправления и о наличии городских магистратур все же можно извлечь из эпиграфических источников. В одной из фанагорийских надписей сообщается о постановке в 307 г. архонтами Агрипеей и Кесарии памятника бывшему наместнику царской области Марку Аврелию Андронику, сыну Паппы и его сыну³⁵. Эта надпись, как уже указывалось выше, интересна не только тем, что в ней возрождаются названия, данные Пантикапеей и Фанагории императором Августом, но и тем, что в ней упомянуты архонты двух главных городов Боспора. Должность архонта хорошо известна как высшая магистратура греческих городов³⁶.

О коллегии архонтов в Танаисе свидетельствует надпись 220 г. н. э.³⁷, где упомянуты имена нескольких лиц, бывших архонтами в одно и то же время³⁸. Архонты-эпонимы упоминаются и в других танаисских надписях II и III вв.³⁹ Эта должность встречается и в надписях из Пантикапея начала III в. н. э.⁴⁰ Но архонты не были единственной из магистратур, сохранившейся до позднеантичного периода. Наиболее четкие данные о сохранении элементов городского самоуправления относятся к Танаису, что надо связать с особенностями истории и географического положения этого города⁴¹. Там наряду с посылаемым боспорским царем легатом (*πρεσβευτης*), который считался высшим должностным лицом и осуществлял верховное руководство, существовали различные должности городских магистратов; в надписях второй половины II и первой половины III в., кроме архонта, постоянно встречается эллинарх⁴². Кроме того,

³⁵ IOSPE, II, 363=КБН, 1051.

³⁶ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 95.

³⁷ IOSPE, II, 430=КБН, 1245.

³⁸ А. И. Болтунова, в противоположность Стефани, С. А. Жебелеву и Т. Н. Книпович, считает, что в этой надписи только трех из четырех поименованных лиц можно считать архонтами (см.: А. И. Болтунова. Из черновики В. В. Латышева. ВДИ, 1951, № 2, стр. 123).

³⁹ IOSPE, II, 427 (188 г.), 423 (193 г.); ВДИ, 1951, № 2, стр. 120 (234—239 гг.)=КБН, 1242, 1237, 1251а. См. также С. А. Жебелев. Боспорские этюды. «Северное Причерноморье». М.—Л., 1953, стр. 202, примеч. 1.

⁴⁰ IOSPE, II, 307=КБН, 836.

⁴¹ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 96—98, 126; К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском царстве. ВДИ, 1953, № 4, стр. 66.

⁴² IOSPE, II, 423, 427, 428, 430, 432; ВДИ, 1951, № 2, стр. 120=КБН, 1237, 1242, 1243, 1245, 1247, 1251а. Должность эллинарха известна только в Танаисе. Этот вопрос подробно рассмотрен Т. Н. Книпович (указ. соч., стр. 96—100).

упомянуты должности стратега граждан (στρατηγὸς πολιτῶν)⁴³ и лохага танаитян (λοχαγὸς Τανασιτῶν)⁴⁴. Должности стратегов и лохагов имеются также и в надписях из Горгиппии⁴⁵, из Фанагории⁴⁶ и Пантикапея⁴⁷. В Пантикапейской надписи одновременно с лохагом и с бывшим лохагом (πρὶν λοχα[γ]ός) названы политарх (πολιτάρχης) и бывший политарх (πρὶν πολιτάρχης), а также другие должностные лица: наместник царской области и Феодосии (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ τῆς Θεοδοσίας), тысяцкий и начальник Аспургионов (χειλιάρχης καὶ ἐπὶ τῶν Ασπουργιανῶν), главный государственный секретарь (ἡρχιγραμματεὺς), начальник отчетов (ἐπὶ τῶν λόγων) и др.⁴⁸ Все эти должностные лица объединились, чтобы поставить памятник в честь Зевса Спасителя и Геры Спасительницы в ознаменование какой-то победы при царе Тейране. Особый интерес вызывает тот факт, что в этой надписи все должностные лица как те, которые были чиновниками и назначались царем⁴⁹, так и городские магистраты, представители городского самоуправления⁵⁰, объединены одним понятием «аристопилеты» (ἀριστοπολεῖται). В. В. Латышев называет их царедворцами⁵¹, а В. Д. Блаватский — придворными⁵². Независимо от того, как переводить

⁴³ IOSPE, II, 423=КБН, 1237. Т. Н. Книпович считает эту должность общегосударственной (указ. соч., стр. 94), а С. А. Жебелев танаидской (указ. соч., стр. 201). С. А. Жебелев, в отличие от В. В. Латышева, не считает стратега обязательно военным магистратом, «так как в императорскую эпоху стратегами назывались также и те должностные лица, которые заведовали транспортом съестных припасов, заботились о снабжении городского населения хлебом, надзирали за рынком, а в малоазийских городах несли и полицейские обязанности» (там же, стр. 211 со ссылкой на Liebenath. Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche. Leipzig, 1900, стр. 287 сл.).

⁴⁴ А. И. Болтунова. Из дневников В. В. Латышева, стр. 125=КБН, 1251a. В. В. Латышев считал лохага одним из высших военных чиновников на Боспоре (Ποντικὰ СПб., 1909, стр. 127). Но А. И. Болтунова обратила внимание на то, что в городах, «имевших полисную организацию, и следовательно, своих магистратов, существовал в каждом свой лохаг», что должность эта не была ни общегосударской, ни пожизненной. Судя по тому, что ее называли по должности начальника военного подразделения — лоха, она была как-то связана с военными функциями, может быть с организацией обороны города.

⁴⁵ IOSPE, II, 402, 404; ИАК, вып. 37, стр. 38, № 2=КБН, 1179, 1141, 1134 (конец II—начало III в.) — упомянут стратег; IOSPE, II, 402 (конец II — начало III в.), IV, 436A; ИАК, вып. 37, стр. 43, № 3 (вторая половина II в.)=КБН, 1179, 1231, 1136 — упомянут лохаг.

⁴⁶ Наиболее раннее упоминание — в стеле Агафа 179 г. (Т. В. Блаватская. Надпись Агафа из Фанагории. ВДИ, 1948, № 4, стр. 77 сл. =КБН, 1000). Там же найдена и наиболее поздняя из надписей (307 г.), где упоминается лохаг (IOSPE, II, 363=КБН, 1051).

⁴⁷ Надпись с именем царя Тейрана (IOSPE, II, 29=КБН, 36).

⁴⁸ IOSPE, II, 29=КБН, 36. Как гражданский магистрат политарх упомянут в надписях Египта, Фессалоник, Леты.

⁴⁹ Например: наместник царской области, начальник Аспургианов, государственный секретарь, начальник отчетов и т. д.

⁵⁰ Упоминавшиеся выше лохаг, политарх.

⁵¹ IOSPE, II, стр. 31.

⁵² В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 210.

это слово ⁵³, факт объединения под этим понятием различных должностных лиц означает, что все эти должности находились в руках узкого круга боспорских аристократических семей, старавшихся подчеркнуть свою лояльность по отношению к царской власти, и что фактически, вероятно, все они находились под контролем царской власти.

Трудно с уверенностью сказать, являются ли диадох ⁵⁴ и просодик ⁵⁵, упоминаемые в танаисских надписях, городскими магистратами или царскими чиновниками. Но в надписи 237 г. фигурирует эллинарх, который ранее был просодиком ⁵⁶, что позволяет считать должность просодика также одной из гражданских магистратур. О сохранении гражданской общины в Танаисе III в. свидетельствует упоминание демотикона «танаит» в надписи Деметрия, сына Аполлония ⁵⁷. Демотикон «пантикапеец» встречается в надписи сына Диофанта из Фанагории ⁵⁸, относящейся к концу I — началу II в. Упоминание в ольвийском декрете II—III вв. Боспора (что, вероятно, равнозначно Пантикапею) среди городов, увенчавших золотым венком ольвиополита ⁵⁹, тоже свидетельствует о существовании в Пантикапее внутреннего самоуправления и своих магистратов ⁶⁰. Сохранение элементов городского самоуправления в крупных торговых боспорских городах объяснялось, по-видимому, стремлением боспорских царей привлечь на свою сторону богатую городскую аристократическую верхушку.)

Боспорские правители подражали в данном случае политике римских императоров, которые сохранили коллегии архонтов в южнопричерноморских городах ⁶¹, входивших в состав Римской империи. Несмотря на фактическое руководство римского легата всей жизнью провинции, эти институты городского самоуправления сохранились, так же как и совет с народным собранием в Амисе ⁶², хотя функции их были крайне ограничены ⁶³. Вполне возможно, что и в Фанагории, где роль римского императорского легата выполнял царский наместник острова, остались некоторые

⁵³ А. Бэк, как указывает В. В. Латышев, предполагал, что слово *ἀριστοπολεῖται* является испорченным *ἀριστοπολεῖται* (IOSPE, II, стр. 30). В таком случае здесь имелись в виду просто знатные граждане города.

⁵⁴ IOSPE, II, 434=КБН, 1250 (236 г.). Так же называлась одна из низших придворных должностей в Александрии.

⁵⁵ IOSPE, II, 432=КБН, 1247. Эта должность связана с финансами.

⁵⁶ IOSPE, II, 432=КБН, 1247 (237 г.).

⁵⁷ IOSPE, II, 433=КБН, 1249 (236 г.).

⁵⁸ IOSPE, II, 358=КБН, 1048; К. М. Колобова (указ. соч., стр. 53) приводит другие случаи сохранения демотиконов в надписях более раннего времени.

⁵⁹ IOSPE, I, 40.

⁶⁰ К. М. Колобова. Указ. соч., стр. 54.

⁶¹ М. М. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 363, 364.

⁶² Там же, стр. 361.

⁶³ А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949, стр. 74.

учреждения, функционировавшие во времена автономии города, тем более что такая автономия была вновь предоставлена Фанагории Римом в награду за восстание против Митридата ⁶⁴. Хотя Фарнак вскоре вновь подчинил Фанагорию Боспорскому царству ⁶⁵, он, «сделав фанагорийцев друзьями», мог оставить им часть институтов самоуправления.

Как мы видели выше, какие-то элементы городского самоуправления остались и в столице царства Пантикапее, а также в Горгиипии и Танаисе. В связи с тем, что последние два города находились на окраинах Боспора и вели оживленную торговлю с пограничными племенами, боспорские цари, вероятно, были особенно заинтересованы передать часть обязанностей по обороне города и его снабжению их гражданским общинам.

Можно представить себе примерный порядок административной организации управления крупными боспорскими городами следующим образом. Вся верховная власть была сосредоточена в руках царя, который осуществлял управление городами и городскими землями через своих наместников. Надписи сохранили сведения о существовании наместников Феодосии (ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας) ⁶⁶, Горгиипии (ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππίας) ⁶⁷, наместника острова (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου) ⁶⁸, наместника области Аспургиан (ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν) ⁶⁹ и начальника царской области (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας) ⁷⁰. Наместники назначались царем из среды придворной аристократии и являлись правителями на местах. Им помогали царские чиновники. Кроме того, имелись внутригородские выборные магистратуры, находившиеся в руках наиболее богатой аристократической верхушки населения. Подчиняясь наместнику или легату, как в Танаисе, магистраты проводили политику центральной власти. Компетенция городского самоуправления ограничивалась внутренними делами, а магистратуры были почетными должностями.

Греческие города-полисы — это не только территория, огражденная городской стеной. Им принадлежала городская сельская территория —

⁶⁴ Appian. Mithrid., 113=ВДИ, 1948, № 1, стр. 290.

⁶⁵ Appian. Mithrid., 120=ВДИ, 1948, № 1, стр. 291.

⁶⁶ IOSPE, II, 29=КБН, 36.

⁶⁷ В. В. Латышев. Неизданные горгииппийские надписи. ИАК, вып. 37, стр. 38, № 2; ИАК, вып. 23, стр. 46, № 32=КБН, 1134, 1115 и др.

⁶⁸ IOSPE, II, 359, 36, 254; ВДИ, 1948, № 4, стр. 77 сл.=КБН, 982, 40, 697, 1000 (встречается только в надписях I и II вв.).

⁶⁹ IOSPE, II, 29, 431=КБН, 36, 1248; Страбон считает аспургиан одним из меотских племен, живших между Фанагорией и Горгиипией (Strabo. XI, 2, 11). Какие из городов находились на их территории, мы не знаем. По-видимому, в отличие от наместников Горгиипии или Феодосии, наместник аспургиан, так же как наместник острова или царской области, управлял всеми городами и поселениями на подвластной ему территории.

⁷⁰ IOSPE, II, 29, 363=КБН, 36, 1051. А. И. Болтунова (Надпись под статуей из Горгиипии. СА, XXVIII, 1958, стр. 113—116) разбирает существующие точки зрения и высказывает новую, которая нам кажется убедительной. В. Д. Блаватский (Пантикапей, стр. 217) считает, что так назывался наместник той части государства, которая в титулатуре Спартокидов именовалась Боспором.

хора, на которой находились земельные участки граждан города. Поселения, расположенные на этой территории, в административном отношении подчинялись городу. Возможно сообщение Страбона о том, что деревенька Акра лежит в пантикапейской земле, свидетельствует о размерах пантикапейской хоры. К сожалению, никаких других письменных источников о хорах городов у нас нет. Города являлись центрами ремесла, торговли и религиозных культов. В них имелись общественные постройки: акрополь, храмы, термы, гимнасии, зрелищные сооружения, агора и т. д. О большей части этих сооружений мы знаем только из надписей. Наоборот, о развитии ремесла и торговли мы можем судить лишь по археологическим материалам. К сожалению, города Боспора не исследованы еще в должной мере; лишь по отдельным находкам скульптур, надписей, деталей архитектуры, отдельным общественным зданиям, подвергавшимся раскопкам, мы можем восстановить внешний облик города.

Наиболее интересна в этом отношении столица Боспорского царства Пантикапей, которая была, вероятно, самым богатым и красивым городом Боспора. Из памятников, относящихся к позднеантичному времени, там были открыты термы, не менее девяти постаментов от статуй, изображавших богов, римских императоров, боспорских царей или представителей боспорской знати. Исследованиями В. Д. Блаватского установлено, что город, перестроенный на рубеже нашей эры и интенсивно застраиваемый в период второго расцвета Боспорского царства, мало изменялся вплоть до середины III в. По-видимому, там сохранялись храмы (типа пятиколонного здания, посвященного Аспургу ⁷¹), постройки в честь Савромата I, храм Арея, реставрированный одним из Савроматов, святилища Кибелы и других божеств. Многочисленные обломки архитектурных деталей, цветных облицовочных плиток и скульптур ⁷², найденные в 1949 г. при раскопках на территории пантикапейского акрополя, свидетельствуют о богатом убранстве акрополя в I—II вв. н. э. Такой же вид акрополь, вероятно, сохранял до III в., так как никаких серьезных перестроек или следов разрушений в период с I—II вв. н. э. до второй половины III в. в городских слоях не обнаружено. Упомянутые выше портретные статуи, а также статуи Кибелы (работы копииста II в. н. э. ⁷³), Афродиты (копия I в. н. э. ⁷⁴) или бородатого бога ⁷⁵, вероятно, продолжали стоять и в

⁷¹ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 68—71.

⁷² В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 22; М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, стр. 176, рис. 3, стр. 179, рис. 5.

⁷³ М. М. Максимова, М. А. Наливкина. Скульптура. АГСП, стр. 307, рис. 17.

⁷⁴ Н. М. Лосева. Голова Афродиты из раскопок Пантикапея в 1949 г. ВДИ, 1955, № 1, стр. 165; В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея, стр. 225, рис. 74, 2.

⁷⁵ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., стр. 182, рис. 13; Н. М. Лосева. Три мраморные скульптуры из Пантикапея. «Сообщения

III в. на своих местах. Кроме того, судя по сохранившимся надписям, в первой половине III в. н. э. в Пантикапее были сооружены новые статуи Афродиты Урании ⁷⁶, императора Каракаллы ⁷⁷, боспорских царей — Рискупорида III и Рискупорида V ⁷⁸, представителей боспорской знати ⁷⁹. Город продолжал украшаться согласно старым античным традициям.

Раскопки показали, что в первые века нашей эры общественный центр города — акрополь, где находились общественные постройки, храмы, и другие сооружения, резко отличался архитектурным убранством от остальной части города. Это различие сохранялось и в III в. Жилая часть города в свою очередь распадалась на районы, где жили различные по своему имущественному положению слои населения (архитектура и внутреннее убранство домов богатых граждан, конечно, отличались от жилищ рядовых земледельцев и городской бедноты). Состояние археологического исследования Пантикапея не позволяет нам еще характеризовать подробно эти районы. Но можно установить, что на северо-восточном склоне горы Митридат (в районе раскопа Думберга 1896—1899 гг.) находились наиболее богатые постройки — и общественные, и жилые. При раскопках здесь встречаются расписная штукатурка, гипсовые рельефные карнизы, обломки скульптур, мраморные облицовочные плитки, терракоты и пр. К сожалению, мы до сих пор не можем выяснить планировки жилых домов Пантикапея III—IV вв., тогда как характер общей планировки города уловить удалось. Были вскрыты узкие мощеные улицы и переулки. Выявлена характерная для Пантикапея террасная планировка, которая, впрочем, встречается и в других греческих городах Причерноморья, расположенных на холмах. Керамические трубы водопровода и многочисленные водостоки, найденные в слоях III в., свидетельствуют о благоустройстве города. Дома были сложены из камня, большинство построек было крыто черепицей. Кроме жилых строений, в городе имелись и производственные сооружения. Открыты гончарные мастерские, существовавшие вплоть до IV в. н. э., большие комплексы зерновых ям, винодельни и рыбозасолочные ванны ⁸⁰.

В середине и во второй половине III в. Пантикапей переживает упадок. Некоторые его районы разрушаются. Но в последней четверти III в. город вновь обновляет свои постройки, реставрирует подпорные стены, хотя все это в очень небольших масштабах и гораздо худшего качества, чем

Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», М., 1960, стр. 5 сл.

⁷⁶ IOSPE, II, 28=КБН, 35.

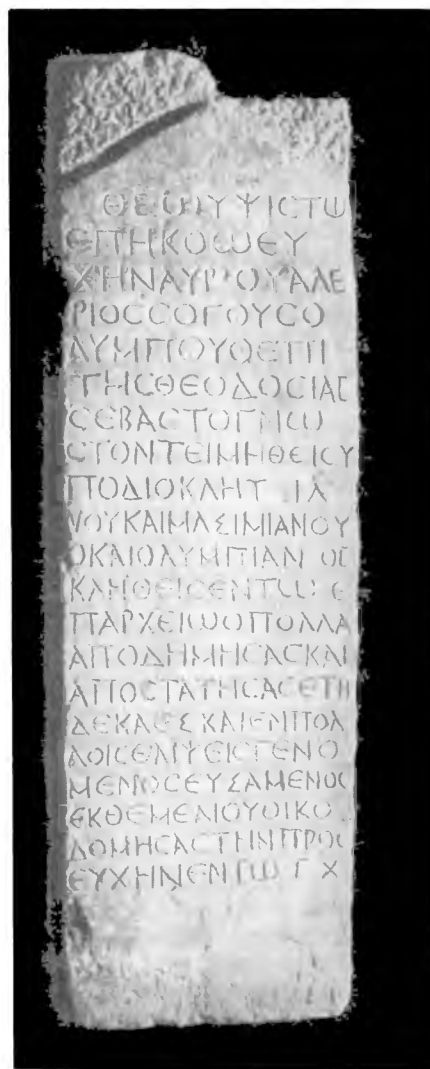
⁷⁷ IOSPE, II, 34=КБН, 52.

⁷⁸ IOSPE, II, 41, 42, 43, 44, 45=КБН, 53, 54, 55, 59, 60.

⁷⁹ IOSPE, II, 46=КБН, 58.

⁸⁰ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 93; он же. Материалы по истории Пантикапея, стр. 34, сл.; В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, 80, 1934, стр. 22 сл.

Рис. 2. Надпись Сога 208 г.

в предшествующие столетия. На многих участках террасная планировка, сооружение которой требует больших работ, так и не была восстановлена⁸¹. В слое III в. найдены обломки статуй и архитектурные детали, многие из которых носят следы пребывания в огне. Все это свидетельствует

⁸¹ В. Д. Блаватский. Пантикапей, стр. 214–215.

о пожарах и разрушениях, уничтоживших в III в. н. э. многие постройки. Однако, несмотря на разрушения, в городе продолжалась интенсивная жизнь, работали ремесленные мастерские, производилась торговля.

В IV в. Пантикапей сохраняет свое значение столицы, а также ремесленного и торгового центра. Подавляющее большинство известных нам боспорских надписей IV в. н. э. найдено в районе Пантикапея: известная надпись Сога, сына Олимпа, начальника Феодосии, построившего в 306 г. молитвенный дом Богу Всевышнему ⁸², две надписи времени царя Радамсада о возведении каких-то построек ⁸³ и более десяти эпитафий. Там, на северном склоне горы Митридат (в районе Госпитальной и соседних с ней улиц), открыта целая серия склепов, в которых погребали умерших в течение IV—VI вв. н. э. Среди могильного инвентаря в этих склепах найдены богатые ювелирные изделия, бронзовые, стеклянные и серебряные сосуды, золотые погребальные венки с индикациями римских монет. Большая часть склепов оказалась ограбленной. Но в некоторых сохранились вещи, позволяющие сделать вывод о том, что склепы принадлежали богатым жителям Пантикапея. Обнаруженные там импортные сосуды ⁸⁴, ткани ⁸⁵, богато орнаментированное оружие и украшения ⁸⁶ свидетельствуют о значительной роли импортных товаров в быту пантикапейской знати как в IV, так и в следующих столетиях. Однако по сравнению с III в., а тем более со II в. жизнь в городе существенно изменилась. Он в значительной степени утратил свой античный облик. Нет никаких данных о постановке статуй или о восстановлении храмов. Акрополь, по-видимому, теряет свое значение общественного центра. Наиболее поздние из строительных остатков, обнаруженных на территории акрополя, относятся к концу III—IV в. н. э. Это вымостки из некрупных необработанных камней и стены из грубо отесанных, не подогнанных друг к другу камней, иногда положенных вертикально и даже наклонно ⁸⁷, что характерно для средневековых кладок. Несмотря на то, что город продолжал существовать и после IV в. н. э., на акрополе жизнь замирает, и в ранне-средневековое время там появляются могилы ⁸⁸. После гуннского нашествия 70-х годов IV в. акрополь уже не восстанавливался, опустели и склоны горы Митридат, где в античное время были террасы с улицами и домами. Лишь в приморской части продолжалась жизнь, и территория средневекового города была значительно меньше античного Пантикапея.

⁸² ИАК, вып. 10, стр. 26, № 21.

⁸³ IOSPE, II, 49, 312¹ = КВН, 65, 66.

⁸⁴ Л. А. М а д у л е в и ч. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926; В. Ш к о р п и л. Отчет о раскопках в Керчи. ИАК, вып. 25, стр. 32 сл.

⁸⁵ Там же, стр. 43, 58.

⁸⁶ А. С п и ц ы н. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб. ИАК, вып. 17, стр. 115 сл.

⁸⁷ В. Д. Б л а в а т с к и й. Отчет о раскопках Пантикапея. МИА, № 103, 1962, стр. 30 сл.

⁸⁸ Там же, стр. 32 сл.

Вторым крупным городом Боспорского царства была Фанагория. Из надписей и отдельных находок известно о существовании в городе акрополя. Возможно именно там и стояли статуи богов, царей и знатных граждан. О сосружении этих памятников до III в. мы знаем из надписей⁸⁹. Известно и о существовании в Фанагории святилища Афродиты⁹⁰, сохранившегося, вероятно, и в III—IV вв.

По Фанагории III—IV вв. очень мало материалов. Все каменные кладки, расположенные ближе к современной поверхности, сохранились плохо, так как из них на протяжении многих веков выбирали ценный в этих местах камень. В III в., как и в предшествующее время, основным строительным материалом для сооружения жилых зданий Фанагории был саман⁹¹. Камни клали лишь в основание стен; при сооружении печей, цистерн и вымостке полов применяли кирпич, дома покрывали черепицей. Для утепления крыш в III в. на деревянные перекрытия помещений клали слой сухой морской травы — камки, а на нее слой земли с золой⁹².

Из объектов, относящихся к III в., при раскопках Фанагории были найдены остатки нескольких зданий, но плана ни одного из них восстановить не удалось. Некоторые из домов имели большие подвальные помещения с каменными стенами⁹³, которые иногда были покрыты глиняной обмазкой, побелены и приспособлены под жилье⁹⁴. Такие подвалы часто встречаются и в Танаисе, Горгиппии, Патрее.

В районе Фанагорийского Керамика открыты керамические печи, функционировавшие как в III, так и в IV в. н. э.; в центральной части города расчищены остатки винодельни с двумя цистернами и примыкавшие к ней помещения. Интересно, что винодельня была построена на месте, где в предшествующее время находились богатые общественные сооружения⁹⁵. Каких-либо катастрофических разрушений города в течение III в. незаметно. Но обеднение городской жизни, упадок ремесла и торговли проявляются здесь так же, как и в Пантикапее в течение III, и IV в. Хотя в слоях III—IV вв. не обнаружено богатых построек, их остатки в виде множества облицовочных мраморных плиток — белых, пестрых, красных и алебастровых желтого цвета, столь характерных для декора позднеантичных зданий, — найдены в свалке, появившейся в результате расчистки города после гуннского погрома. По-видимому, богатые постройки продолжали там существовать вплоть до IV в. Слой IV в.

⁸⁹ IOSPE, II, 351, 353, 361; СА, VII, 1941, стр. 252, № 4, рис. 4 = КБН, 975, 976, 980, 984.

⁹⁰ Strabo, X, 2, 10.

⁹¹ М. М. Кобылина. Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 100.

⁹² Там же.

⁹³ М. М. Кобылина. Исследование Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг. СА, 1963, № 4, стр. 130.

⁹⁴ М. М. Кобылина. Раскопки центральной части Фанагории..., стр. 101.

⁹⁵ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 88

сохранил отчетливые следы пожарищ и разрушений. Город подвергся в это время жестокому разгрому. Но уже в конце IV в. он начинает вновь застраиваться, хотя теперь занимает значительно меньшую территорию. Вместе с тем наблюдается непосредственная преемственность населения, сохранившего старые традиции. По-видимому, число жителей Фанагории после гуннского погрома уменьшилось, но состав населения не сменился полностью. Так, например, в слоях V в. были открыты монументальные остатки зданий, построенных в традициях античной архитектуры ⁹⁶.

Есть все основания предполагать, что в III в., во всяком случае в первой его половине, процветающим городом была Горгиппия. Из надписи известно, что в конце II и в начале III в. там на средства фиаса навклеров был восстановлен храм Посейдона и поставлены его статуи ⁹⁷. Ранее, в начале II в., Фарнакион соорудил святилище Афродиты Судоначалницы ⁹⁸. В 187 г. правитель Горгиппии Геродор воздвиг статую своего отца Неокла ⁹⁹, найденную в 1939 г. К началу III в. относятся надписи на пьедесталах двух статуй, вероятно портретных, поставленных знатными гражданами ¹⁰⁰. В 1962 г. были найдены обломки еще одной мраморной статуи типа статуи Неокла. Во время земляных работ на территории города неоднократно находили мраморные статуи и их части, обломки мраморных архитектурных деталей: архитравов, карнизов, рельефных фриз, антаблементов, а также известняковые барабаны колонн ионического ордера. При раскопках 1962 г. был раскрыт угол большого общественного здания и в районе его много обломков мраморных плит с надписями, среди которых были надписи конца II — начала III в. н. э. Все это свидетельствует о богатом архитектурном оформлении центральной части города. На другом участке была открыта часть городского квартала с широкой вымощенной каменными плитами улицей, к которой примыкали жилые дома (рис. 3). Ширина улицы, достигавшая 7,5 м, необычна даже для крупных боспорских городов (рис. 4). Она напоминает широкие улицы провинциальных римских городов эпохи Антонинов и Аврелиев. По-видимому, это была магистральная улица, связывавшая акрополь с городскими воротами. Верхний уровень вымостки относится к III в. н. э. Было установлено, что планировка города, определившаяся в IV в. до н. э., не изменялась до III в. н. э., только повышался уровень мостовой, которая при ремонтах поднималась. Эта устойчивая планировка, однако, была нарушена в середине или во второй половине III в. н. э.; непосредственно на плитах вымостки в это время была сооружена глинобитная постройка, направление стен

⁹⁶ М. М. К о б ы л и н а. Исследования Фанагории..., стр. 131.

⁹⁷ ИАК, вып. 37, стр. 38, № 2=КБН, 1134; С. А. Ж е б е л е в. Боспорские этюды. ИГАИМК, 104, Л., стр. 45 сл.

⁹⁸ ИАК, вып. 23, СПб, 1907, стр. 46, 47=КБН, 1115.

⁹⁹ М. М. К о б ы л и н а. Скульптуры Боспора, стр. 172; Л. А. Е л ь н и ц к и й. Подпись под статуей из Анапы. ВДИ, 1949, № 4, стр. 132 сл.=КБН, 1119.

¹⁰⁰ IOSPE, II, 399; А. И. Б о л т у н о в а. Подпись под статуей из Горгиппии. СА, XXVIII, М., 1958, стр. 110=КБН, 1120, 1121.

Рис. 3. Горгиппия. Вымостка улицы III в.

которой не совпадало с направлением каменных стен домов, стоявших вдоль улицы с IV в. до н. э. вплоть до III в. н. э. Глинобитное здание было построено после их разрушения и гибели всего городского квартала. Анализ нумизматических находок заставляет отнести эту катастрофу еще к первой половине III в. н. э. Разрушенные здания восстановлены не были. На участках, не потревоженных земляными работами времени турецкого владычества, были обнаружены помещения, сохранившие мощный горелый слой III в. и упавшие при пожаре перекрытия черепичной крыши. Каменные фундаменты домов, находившихся по обеим сторонам улицы, частично разрушенные при позднейших земляных работах, позволяют все же восстановить типы жилых зданий Горгиппии III в. н. э. Дома, по-видимому, имели черепичные крыши, стены некоторых домов были сложены из плохо обработанных известняковых камней на глине (рис. 5). Техника кладки каменных стен была аналогична применяемой строителями других городов Боспора. Некоторые из домов имели стены из слабо обожженного кирпича на каменных цоколях. Встречалась и комбинированная кладка, где наряду с камнями попадаются куски черепицы. У домов были внутренние дворики, вымощенные каменными плитами, водостоки в виде каменных желобов выводили нечистоты на улицу. Дома состояли из нескольких помещений. В одном из домов II—III вв. обнаружены остат-

ки керамической мастерской с большой прямоугольной гончарной печью. Интересно, что на соседних участках были найдены остатки гончарных печей III—II в. до н. э. и I в. н. э. Это позволяет предполагать наличие в Горгиппии, как и в других крупных греческих городах, специальных кварталов, населенных ремесленниками одной и той же специальности. Гибель наиболее поздней из открытых здесь гончарных мастерских совпадает по времени с разрушением других домов.

Приведенные выше материалы подтверждают расцвет экономической и культурной жизни Горгиппии в первые века, в частности во II — начале III в. н. э. Однако исторические судьбы Горгиппии, которая была самым южным и окраинным из крупных боспорских городов, несколько отличались от судьбы других городов азиатской части Боспора. По-видимому, окраинное положение города было опасным. Не случайно в начале II в. Савромат I восстанавливает «пришедшие в упадок» городские стены¹⁰¹.

В первой половине III в. город, вероятно, подвергался нападениям врагов; были разрушены отдельные кварталы или даже весь город. Эта катастрофа, очевидно, произошла до нападения врагов на Танаис и тем более она не связана с разрушениями городов европейской части Боспора, так как последние подверглись разгрому не ранее конца 60-х годов или даже в 70-х годах III в. Имеющиеся данные пока не позволяют связать разрушение Горгиппии с нападением каких-либо определенных племен. Можно предположить, что она была разрушена во время первого морского похода готов на Питиунт, когда они использовали боспорский флот для грабежа прибрежных городов. Но два обстоятельства свидетельствуют против такого предположения. Во-первых, город после разрушения не смог оправиться, что вряд ли могло произойти после простого грабежа и пожара; во-вторых, в Горгиппии и в ее округе отсутствуют боспорские монеты, чеканенные после 234 г. Все это заставляет считать, что город был отторгнут от Боспора соседними племенами, теснившими Боспор с юга.

Несколько иначе сложилась судьба другого еще более отдаленного боспорского города Танаиса. Танаис выделяется из всех городов Боспора своей правильной формой. Его оборонительные стены ровным прямоугольником очерчивают город, благодаря чему он напоминает своей формой римский лагерь. В Танаисе найдено большое число надписей III в. В них сообщается главным образом о строительных работах¹⁰²; в трех из них упоминается имя архитектора Аврелия Антонина, который, видимо, руководил работами по восстановлению городских укреплений и других общественных построек¹⁰³. Часть надписей поставлена членами

¹⁰¹ Т. В. Блаватская. Строительная надпись из Горгиппии. ВДИ, 1951, № 2, стр. 117; А. И. Болтунова. Надписи Боспора. ВДИ, 1959, № 4, стр. 101.

¹⁰² IOSPE, II, 430—435=КБН, 1245—1252, 1256—1258.

¹⁰³ IOSPE, II, 429, 433—434=КБН, 1252, 1249—1250.

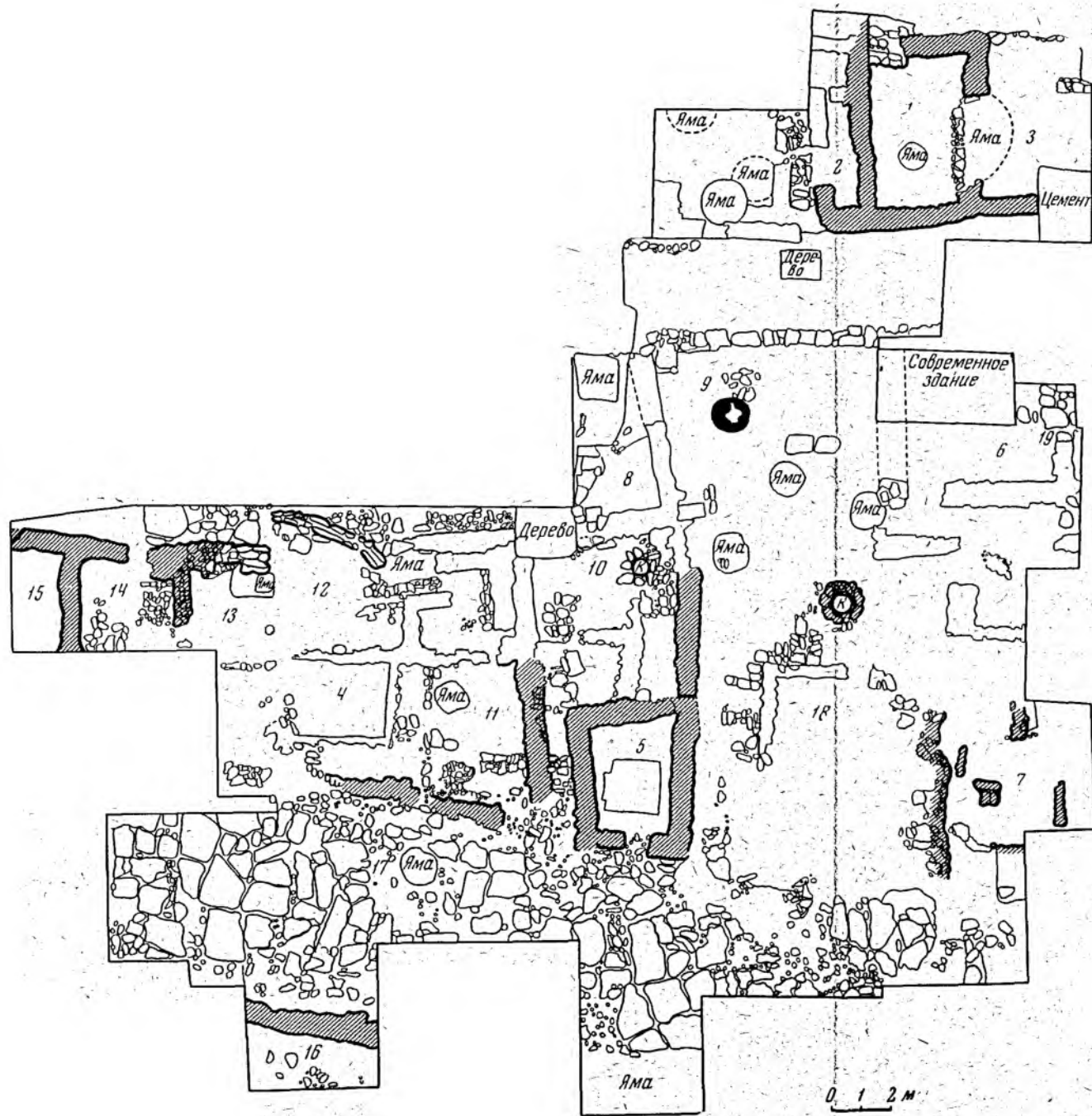

Рис. 4. Горгиния. План раскопа «Город» 1959—1963 гг.:

1—3, 5, 14—16 — помещения II—III вв. н. э.; 7—остатки гончарной печи II—III вв. н. э.; 6, 8, 9 — помещения с остатками гончарного производства II в. до н. э.—I в. н. э.; 11, 12—двор с водостоком III в. н. э.; 17—улица; к — колодцы; заштрихована кладка II—III вв. н. э.

Рис. 5. Горгиппия.
Дом III в. н. э.

религиозных коллегий ¹⁰⁴. В отличие от крупных боспорских городов в Танаисе почти не было найдено надписей о возведении статуй ¹⁰⁵ и, думается, не случайно. Этот город был значительно сильнее варваризован, чем остальные крупные города Боспора. Обычаи греко-римских городов были ему чужды. Раскопки Танаиса, которые систематически проводятся в течение последних лет экспедицией под руководством Д. Б. Шелова ¹⁰⁶, обнаружили большие комплексы жилых построек, товарные склады, оборонительные стены, остатки ремесленного производства, раскрыли особенности этого города. Одинаковая ориентация открытых в Танаисе зданий свидетельствует о единой планировке города в II—III вв., причем направление стен зданий в основном совпадает с ориентацией оборонительных стен ¹⁰⁷. Стены домов сложены из плохо обработанных камней на глиняном растворе. Черепица для покрытия крыш применялась редко. Неод-

¹⁰⁴ IOSPE, II, 444—457=КБН, 1276—1289.

¹⁰⁵ Лишь на одном обломке В. В. Латышев прочитал в надписи упоминание о постановке статуи, но дата этой надписи неизвестна. IOSPE, II, 426=КБН, 1240.

¹⁰⁶ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 86—87 (здесь приводится литература о старых раскопках Танаиса); Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г., стр. 74 сл.; он же. К истории Танаиса, стр. 118 сл.; он же. Раскопки Танаиса в 1956 г., стр. 62 сл.; он же. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 126 сл.; он же. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1960 г. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 78 сл.; он же. Исследования Танаиса в 1961 г. КСИА, вып. 95, стр. 91 сл.; он же. Итоги археологического изучения Танаиса. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 79 сл.

¹⁰⁷ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 86, 87; Д. Б. Шелов. Новые данные о древнем Танаисе, стр. 116.

нократно встречались помещения с большими подвалами, глубина которых достигала трех метров. В этих подвалах хранились запасы товаров. Так, в одном из подвалов было найдено 375 светлоглиняных узкогорлых амфор и 40 больших красноглиняных амфор III в. н. э.¹⁰⁸, в других было по 100 и более однотипных амфор.

Находясь вдали от боспорских городов, Танаис был форпостом Боспорского царства в богатом варварском районе, крупнейшим торжищем варваров, и эта его особая роль наложила отпечаток на всю жизнь города. Она проявилась в существовании особых должностных лиц, отсутствующих в других боспорских городах, в большом количестве варварских имен в танаисских надписях, в варварском облике городской культуры¹⁰⁹, во множестве погребов — складов амфор и запасов зерна. Вместе с тем Танаис был не только торговым, но и ремесленным центром. Раскопками Хицунова там найдены гончарные печи; существовали и другие виды ремесел, например стеклодувное и ювелирное¹¹⁰. Особенность географического расположения Танаиса была причиной того, что и судьба его в позднеантичный период сложилась иначе, чем у других городов Боспора. Наибольший расцвет Танаиса приходится на II — первую половину III в. н. э.¹¹¹ В это время здесь проводятся большие строительные работы как хозяйственного, так и оборонительного значения. К первым относится восстановление рыночной площади — агоры в 220 г.¹¹², ко вторым — восстановление укреплений¹¹³ и сооружение рва, который был высечен в материковой скале на глубину 3,4 м¹¹⁴. Но, несмотря на все эти меры, в середине III в. город подвергся жестокому разгрому. Многие дома погибли в пожаре, склады с амфорами были погребены под камнями завалившихся стен. Последняя из надписей Танаиса относится к 244 г.

Жизнь в городе прекратилась до середины IV в. Некоторая стабилизация экономики Боспорского царства, наблюдавшаяся в последней четверти III в. в других боспорских городах, Танаиса не коснулась. В IV в. н. э. над развалинами домов III в. появляются новые сооружения, хотя в некоторых случаях, не имея возможности ни восстановить погибшие здания, ни расчистить площади для новых домов, жители оживающего города просто огораживали развалины подпорными стенами, чтоб они не рушились, и использовали их для жилья¹¹⁵, а в одном из разрушенных

¹⁰⁸ Д. Б. Шелов. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг., стр. 132.

¹⁰⁹ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 27.

¹¹⁰ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса, стр. 126; Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева. Стеклоделие Танаиса. СА, 1966, № 2, стр. 176.

¹¹¹ Д. Б. Шелов. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг., стр. 127.

¹¹² IOSPE, II, 430=КБН, 1245.

¹¹³ IOSPE, II, 429, 433, 434=КБН, 1252, 1249, 1250.

¹¹⁴ Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса в 1961 г., стр. 92.

¹¹⁵ Д. Б. Шелов. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг., стр. 183.

зданий была расчищена часть подвала, заваленного камнями в III в., и оборудован погреб ¹¹⁶. Во второй половине IV в. через полужасыпавшийся ров сооружается дорога или каменный пандус и строится новая оборонительная стена ¹¹⁷. В Танаисе пока не обнаружены катастрофические разрушения второй половины IV в., которые отчетливо видны в городах и поселениях европейской и азиатской частей Боспора. По-видимому, Танаис и его округа во II—IV вв. н. э. находились в особых условиях; периоды расцвета и гибели города не совпадают с основными вехами истории других городов Боспора.

К сожалению, у нас нет никаких материалов для характеристики другого пограничного боспорского города — Феодосии. Из надписи конца III или IV в. н. э. некоего Александра сына Фарнака ¹¹⁸, найденной в Феодосии, и из уже упоминавшейся надписи 306 г. Аврелия Валерия Сога, наместника Феодосии ¹¹⁹, известно, что Феодосия в IV в. продолжала входить в Боспорское царство и, по-видимому, сохраняла еще традиции античного города. Небольшие раскопки, проводившиеся на ее территории, выявили культурный слой III—IV вв. н. э. и остатки каменных кладок стен. О характере города и его истории в этот период сказать ничего нельзя.

Интересный материал о жизни рядового боспорского города азиатской части Боспора дали раскопки Кеп, осуществляющиеся регулярно начиная с 1957 г. экспедицией под руководством Н. И. Сокольского. Кены продолжали существовать вплоть до IV в. н. э., но слои III и особенно IV в. свидетельствуют о некотором упадке городской жизни ¹²⁰ по сравнению с периодом I—II вв. когда он жил наиболее интенсивной жизнью ¹²¹. Следов катастрофических разрушений в III в. не наблюдается ¹²², так что упадок городской жизни отражает, вероятно, общий для всех городов Боспора процесс рустификации. Все дома имели сырцовые стены на каменных основаниях, верхняя плоскость которых была выровнена, иногда с применением черепиц и обломков керамики. Не исключена возможность, что имелись и постройки из обожженных кирпичей, куски и даже целые экземпляры которых встречаются довольно часто. Дома крыли черепицей. Дома имели несколько помещений и мощные дворики с водостоками, аналогичными найденным в Горгии. Внутри помещений встречены сооружения из поставленных на ребро каменных плит, очень

¹¹⁶ М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса. «Древности Нижнего Дона», стр. 153.

¹¹⁷ Д. Б. Шелов. Исследование Танаиса в 1961 г., стр. 92.

¹¹⁸ IOSPE, IV, 197=КБН, 951.

¹¹⁹ ИАК, вып. 10, стр. 26, № 21=КБН, 64.

¹²⁰ Н. М. Сокольский. Раскопки городища Кеп в 1961 г., стр. 55.

¹²¹ О н ж е. Раскопки в Кехах в 1960 г., стр. 89.

¹²² Хотя отдельные следы пожаров в слое III в. имеются (см.: Н. И. Сокольский. Раскопки в Кехах в 1959 г., стр. 64).

Рис. 6. Китей. Храмовый стол с надписью 234 г.

характерные для поселений европейской части Боспора III в. н. э. Город был разрушен в IV в., вероятно во время гуннского нашествия. Под завалом сырцовых стен здания в 1962 г. был найден клад, насчитывавший около 750 позднебоспорских монет, поблизости от него — скелет убитого человека ¹²³.

Что касается малых городов европейской части Боспора, то предметы, свидетельствующие о богатстве города в III в. н. э., были найдены в Китее. Этот город на рубеже II и III вв. и в первой половине III в. переживал, по-видимому, период наивысшего расцвета. Возможно, что мощные оборонительные стены уберегли его от разрушения в конце III в. Впрочем, небольшой масштаб раскопок, проводившихся на этом поселении, не дает нам оснований для решения вопроса о том, в какой степени Китей был затронут разрушительной волной вражеских вторжений. Археологический материал IV в. н. э. свидетельствует о том, что жизнь там продолжалась. Своим богатством город обязан, вероятно, хлебной торговле. В 1918 г. у подножья акрополя этого городища был найден каменный храмовый стол с надписью о сооружении в 234 г. храма богу Гремящему с прилегающими к нему домом и оградой ¹²⁴ (рис. 6). Здесь, у подножья акрополя, и

¹²³ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кенах в 1962 г., стр. 112.

¹²⁴ Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1935, стр. 60 сл. = КБН, 942.

находился, наверное, этот храм, в котором стояли стол и мраморные часы обычного римского типа с высеченной полусферой и головой быка ¹²⁵. За исключением раскопок некрополя и оборонительной стены города, сколько-нибудь серьезных археологических изысканий на городище Китея не производилось ¹²⁶.

[Прекрасным образцом небольшого боспорского промыслового города является Тиритака. Раскопки, проводившиеся под руководством В. Ф. Гайдукевича, позволили выявить ее планировку. С севера на юг проходила улица; по обеим ее сторонам располагались жилые дома; позади них и отчасти между ними находились винодельни с давяльными площадками и рыбозасолочные цистерны ¹²⁷. Различная ориентировка стен зданий III в. свидетельствует, что единой планировки города в III в. не существовало. Дома не теснились один около другого, и внутри городских стен было достаточно места для производственных сооружений.

Богатых домов в Тиритаке не обнаружено; по-видимому, представители рабовладельческой верхушки боспорского общества предпочитали селиться в крупных городах. В Тиритаке удалось полностью раскрыть дом, построенный в III в. и просуществовавший до гуннского погрома в 70-х годах IV в. План дома не имел существенных отличий от домов III в., открытых в Илурате и Мирмекии. В центре дома находился дворик, вымощенный каменными плитами, с водостоком. Через двор попадали в жилые и хозяйственные помещения. Со двора вела лесенка в помещения второго этажа. К дому примыкала цистерна для засолки рыбы. В помещениях найдены большие пифосы, в которых хранилось зерно, каменные ступы, очаги, много керамики и другие вещи. План дома, строительные приемы, внутреннее устройство и инвентарь — все свидетельствует о продолжении традиций предшествующего времени, о том, что характер жизни рядового боспорского населения в IV в. существенно не изменился. После гуннского нашествия жизнь в Тиритаке возродилась, и одно из помещений разрушенного дома было использовано под жилье в конце IV—V вв. н. э. ¹²⁸

[В Киммерике, на западном склоне горы Опук, на разных террасах одного из холмов и около него были раскрыты остатки трех зданий, погибших в III в. По-видимому, это были жилые дома горожан среднего достатка ¹²⁹. Был найден комплекс вырытых в пределах одного двора и тщательно

¹²⁵ Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства к югу от Керчи, стр. 115.

¹²⁶ Ю. Ю. Марти. Раскопки Китея в 1928 г. ИТОИАЭ, III, 1929, стр. 116.

¹²⁷ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 173.

¹²⁸ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 110.

¹²⁹ Предположение И. Б. Зеест, что одна из построек на Змеином холме была мукомольной мастерской (КСИИМК, вып. XXIII, 1950, стр. 96 и КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 191 сл.), опровергается находкой нескольких домов аналогичного типа с таким же инвентарем и запасом зерна в Семеновке и Ново-Отрадном. Там нет никаких оснований предполагать существование мукомольных мастерских.

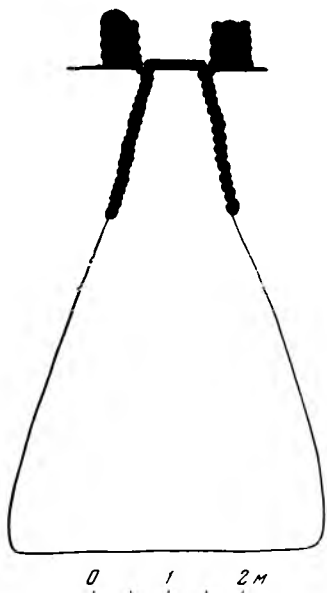

Рис. 7. Киммерик. Разрез зерновой ямы III в.

выложенных камнями зерновых ям, большие размеры которых позволяют судить об экономическом профиле города (рис. 7). Торговля хлебом, как и в Китее, была, вероятно, основой процветания города. И не случайно вблизи была найдена плита с надписью, свидетельствующей о существовании там в III в. *фиаса*¹³⁰ — объединения людей одинаковой профессии, поклоняющихся одному и тому же божеству. Надписи с перечислением должностных лиц и членов *фиасов*, встречаются главным образом в крупных торговых городах: Танаисе¹³¹, Горгиинии¹³², Пантикапее¹³³ и др., но некоторые из них происходят из таких же небольших городков, как и Киммерик: Китея¹³⁴, Зенонова Херсонеса, Мирмекия, Илурата¹³⁵ и даже из небольших поселений, например, из поселения у станицы Ахтанизовской¹³⁶. Общий экономический уровень жизни населения в Ким-

¹³⁰ ИАК, вып. 40, стр. 92, № 1 = КБН, 946.

¹³¹ IOSPE, II, 440—441, 443, 445—456 и др. = КБН, 1259—1292.

¹³² IOSPE, IV, 434; ИАК, вып. 58, стр. 33, № 2; ИАК, вып. 37, стр. 38, № 2; стр. 44, № 3 и др. = КБН, 1129—1136.

¹³³ IOSPE, II, 57; IV, 211; ИАК, вып. 10, стр. 32; № 24; стр. 31, № 23; вып. 37, стр. 1, № 1 и др. = КБН, 77—108.

¹³⁴ ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 60, № 3 = КБН, 942.

¹³⁵ IOSPE, IV, 206; II, 58; МИА, № 85, стр. 90 = КБН, 898, 870, 967.

¹³⁶ ИАК, вып. 14, стр. 116. № 18 = КБН, 1016.

мерике в III в., по-видимому, был таким же, как и в других рядовых боспорских городах типа Илурата или Тиритаки.

Еще один малый боспорский город — Мирмекий имел ряд особенностей, отличающих его от других городов таких же размеров.¹³⁷

В Мирмекии жилые дома первых веков нашей эры были построены на месте акрополя предшествующего времени. Это вполне согласуется с изменением характера поселения, на которое указывают античные авторы. Если в эпоху расцвета города в IV в. до н. э. Псевдо-Скилак называет его «полис» (πόλις), то в I в. н. э. Страбон именует Мирмекий «городком» (πολίχιον) и «селением» (κώμη)¹³⁷. По-видимому, наличие акрополя и богатых общественных построек было присуще городам, в селениях же их не существовало. Но в Мирмекии обнаружено помещение, погибшее в III в. н. э., стены которого были оштукатурены по тростниковой «дранке», расписаны и украшены штукатурными рельефными карнизами с растительным орнаментом¹³⁸. Там открыты дома с мощеными дворами, с несколькими помещениями, среди которых были помещения хозяйственного назначения с одним, двумя или тремя шифсами, врытыми в пол. В помещениях встречались терракотовые статуэтки. Дома были расположены большими блоками, разделенными улицами и переулками, крыши их были черепичными¹³⁹. На территории города во II—III вв. существовали хозяйства с комплексами рыбозасолочных ванн, число которых доходило до десяти¹⁴⁰. По-видимому, во II—III вв. Мирмекий, окрепнув после разрушений и упадка рубежа нашей эры, стал городком промыслового профиля типа Тиритаки. Он был совершенно разрушен во второй половине III в. Но уже в конце III и в начале IV в. жизнь в нем возобновилась, причем в некоторых случаях над развалинами старых домов стали строить новые небольшие жилища, а иногда использовали под жилье даже старые цистерны рыбозасолочных ванн¹⁴¹. В IV в., во время гуннского погрома, Мирмекий был окончательно разрушен.

Раскопки Мирмекии, Танаиса и особенно Илурата дали богатый материал для характеристики жилых городских построек. В Илурате внутри мощных оборонительных стен, на площади около 25 тыс. кв. м, разместились тесно прилегающие друг к другу дома с внутренними мощеными дворами. Длинные кварталы, застроенные домами, были разделены улицами. Дома имели различную планировку. Были дома небольшие, состоящие из одного помещения и двора перед ним; были много-

¹³⁷ Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 6.

¹³⁸ В. Ф. Гайдукевич. Отчет о работах Боспорской экспедиции в 1959 г. Архив ИА АН СССР, д. № 9196, стр. 38; он же. Раскопки Мирмекии, стр. 57.

¹³⁹ В. Ф. Гайдукевич. Отчеты о работах Боспорской экспедиции в 1958, 1959 и 1960 гг. Архив ИА АН СССР, д. № 1852, стр. 15—31; д. № 9196, стр. 23—40; д. № 2417, стр. 33—47.

¹⁴⁰ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг., стр. 204.

¹⁴¹ Там же, стр. 210, 211.

комнатные дома, где помещения располагались по трем сторонам или вокруг внутреннего дворика. Планировка Илурата, его дома, приемы строительства, внутреннее устройство и бытовой инвентарь, находимый в помещениях,— все это имеет прямые аналогии как в небольших городках типа Тиритаки¹⁴² и Мирмекия, так и на сельских поселениях, например на поселениях III в. н. э. у дер. Семеновки. Так, планы домов, открытых в Илурате на участках I (№ 6) и III (№ 5)¹⁴³, аналогичны планам домов центрального квартала поселения у дер. Семеновки и очень близки домам Тиритаки¹⁴⁴. Илуратские дома большего размера, состоявшие из двух и более помещений¹⁴⁵, аналогичны домам юго-западного квартала поселения у дер. Семеновки. В Илурате на участке III имеются дома, в которые вел длинный изогнутый проход¹⁴⁶. Такие же проходы встречены на северо-западном участке поселения у дер. Семеновки. Узкие длинные прямые проходы, соединявшие дома с улицей, встречались и в Танаисе¹⁴⁷, и в северной части поселения у дер. Семеновки. В этой же северной части поселения у дер. Семеновки имеются дома, аналогичные дому № 4, открытому на участке I в Илурате¹⁴⁸.

Бросается в глаза наличие в помещениях Тиритаки, Илурата и Мирмекия одинаковых каменных закомов, печей одинаковой формы, стенки которых состоят из поставленных на ребра каменных плит, а верхняя глиняная плита опирается на центральный столбик, аналогичных встреченным на сельских поселениях. В углах некоторых из помещений имелись полукруглые каменные возвышения — такие же, как и в поселении у Семеновки. Совершенно одинаково устройство лестниц (под которыми помещались каменные ящики с золой) и каменных столиков, под которые ссыпалась зола. В помещениях с печами обычно находились и каменные ступы (иногда по две в одном помещении) и каменные прямоугольные зернотерки. В Киммерике¹⁴⁹, Илурате¹⁵⁰, так же как и в сельских поселениях у деревень Семеновка и Ново-Отрадное¹⁵¹, найдены такие пря-

¹⁴² Е. И. Леви, А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья. АГСП, стр. 244.

¹⁴³ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 92, рис. 86, стр. 119, рис. 124. Правда, в Илурате в этих домах не было каменных лесенок, ведущих на второй этаж, но в поселении у дер. Семеновки лесенки найдены только в трех домах из семи.

¹⁴⁴ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 43, стр. 34, рис. 28.

¹⁴⁵ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 47, рис. 33 а. Дом № 2 на участке I.

¹⁴⁶ Там же, стр. 112, рис. 112.

¹⁴⁷ Д. Б. Шелов. Раскопки северо-восточного участка Танаиса. «Древности Нижнего Дона», М., 1965, стр. 57, рис. 1.

¹⁴⁸ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 74, стр. 65 а.

¹⁴⁹ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 139, рис. 61.

¹⁵⁰ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 125, рис. 132.

¹⁵¹ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора..., стр. 240, рис. 3.

Рис. 8. Каменные загородки и сооружения внутри помещения (поселение у дер. Семеновки)

моугольной формы зернотерки из фиолетового или зеленого плотного камня; по определению геологов, это доломитизированный и кремнистый известняк, месторождения которого известны на южном берегу Крыма.

В Тиритаке и Илурате, как и в сельских поселениях, характерны каменные загородки из поставленных на ребро плит, в верхней части которых проделано сквозное отверстие для привязывания скота ¹⁵². Такая загородка обычно отгораживала ту часть помещения, пол которой был вымощен каменными плитами. Интересно, что в Тиритаке, в доме на участке V—VI, на камнях вымостки за такой загородкой были найдены камка и песок ¹⁵³, служившие, вероятно, подстилкой для скота. Совершенно то же наблюдалось и в поселении у дер. Семеновки (рис. 8).

¹⁵² И. Т. Кругликова. Поселения Европейского Боспора в III в. н. э. «Schriften der Sektion für Altertums Wissenschaft der DAdW zu Berlin», Т. 28, Berlin, 1961, табл. 16, рис. 6.

¹⁵³ Т. Н. Книпович, Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 48.

Дом-усадыба III—IV вв. в Тиритаке ¹⁵⁴, так же как и дома в Илурате, имел верхний этаж, что не было редкостью и в сельских поселениях III в. Уровни полов помещений часто были углублены по сравнению с уровнем поверхности улиц или дворики. Большинство домов в городах этого времени имело деревянные, земляные или соломенные крыши (Илурат, Танаис). Однако там были и дома, крытые черепицей. Не говоря уже о таких крупных городах, как Пантикапей, Фанагория, Горгиппия, где черепица в слоях III—IV вв. является обычным явлением, обломки кровельных черепиц не редкость и в Мирмекии, Тиритаке, Илурате. В сельских же поселениях они либо встречаются редко, либо полностью отсутствуют (поселение у дер. Семеновки).

Техника кладки стен домов III в. н. э. в Киммерике, Илурате, Тиритаке, Горгиппии, Нимфее и Танаисе была совершенно идентична той, которая встречается в мелких сельских поселениях типа поселений у Семеновки, Ново-Отрадного и др. Стены сложены из плохо обработанных камней, пространство между которыми заполнялось мелкими камешками. Камни крепились на земляном растворе; широко применялась подтечка скалы. В городах и в поселениях, расположенных на холмах, часто сооружали подпорные стены, к которым пристраивали помещения.

Можно констатировать, таким образом, много общих черт как в планировке и отделке, так и во внутреннем убранстве домов в небольших городах и в поселках европейского Боспора в III в. н. э. Такое же большое сходство имеется и в характере бытового инвентаря этих городов и поселений.

Во всех поселениях и в городах Боспора в слоях III в. н. э. встречаются однотипные каменные ступы и зернотерки, одинаковые типы красноглиняных и светлоглиняных амфор, простой и краснолаковой посуды, лепных сосудов, светильников, украшений и т. д. В Танаисе, Илурате и в поселении у дер. Семеновки найдены одинаковые железные косы, в Илурате, Кепах и в поселении у дер. Семеновки — одинаковые шиферные плитки ¹⁵⁵, в последних двух пунктах — одинаковые цедилки на трех ножках, костяные иглы для вязания сетей (рис. 9), орудия для обработки кожи (рис. 10) ¹⁵⁶. Однотипные терракоты в виде сидящей богини в высоком головном уборе ¹⁵⁷ и фигурки-гротески с подвесными ногами были найдены в Пантикапее, Фанагории, Горгиппии, Илурате, Мирмекии, Кепах, в сельских поселениях у деревень Золотое и Тасуново. Таким образом, уровень жизни и быт в мелких городах Боспора и в сельских поселениях в III в. н. э. почти не различались. По-видимому, так же жили и средние

¹⁵⁴ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, стр. 379.

¹⁵⁵ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат, стр. 53, рис. 41, 1.

¹⁵⁶ Там же, стр. 72, рис. 64; стр. 131, рис. 140; стр. 157, рис. 8; стр. 126, рис. 133.

¹⁵⁷ М. М. К о б ы л и н а. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 161, табл. XXXVI, 1—2.

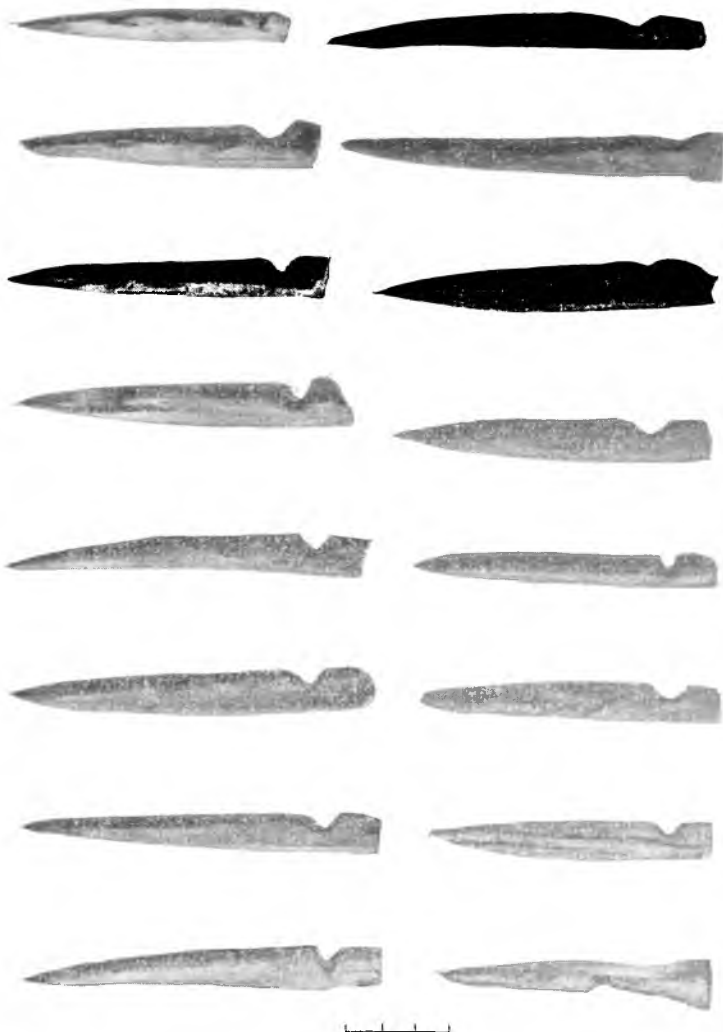

Рис. 9. Иглы для вязания сетей (из поселения
у дер. Семеновк!!)

Рис. 10. Костяные орудия:
из поселения
у дер. Семеновки

1, 2 — для обработки кожи;

3 — для шлифования

слои городского населения в крупных городах. Во всяком случае, характер находок в некрополях возле деревень Кыз-Аул, Ново-Отрадное и Семеновка мало чем отличается от инвентаря погребений первых веков нашей эры из некрополей Пантикапея и Танаиса. Сходство быта свидетельствует, возможно, и об одинаковом экономическом положении основной массы жителей городов и сельских поселений.

Приведенные материалы позволяют говорить, что к III в. н. э. в жизни городов Боспора произошли существенные изменения, связанные, вероятно, с изменением социальной основы жизни, с появлением новых социальных отношений. Сельское хозяйство вновь стало основным занятием городских жителей. Вместе с тем упадок ремесла и торговли уменьшили приток богатств в города, уменьшились и возможности поддержания городской культуры.

Изменение общего облика боспорских городов в первые века нашей эры и особенно в III—IV вв. связано с изменением не только экономического уровня жизни, но и этнического состава жителей в городах.

В III в. резко увеличивается число иранских имен в боспорских надписях. Из 215 имен в надписях Северного Причерноморья, которые Л. Згуста считает именами с достоверно иранской основой, около 200 относятся к римскому времени¹⁵⁸. А из лиц, упомянутых в тех надписях, которые

¹⁵⁸ Л. Згуста. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

могут быть датированы более точно, 134 человека, носившие иранские имена, жили в III в., 49 человек — во II в. и 15 человек — в I в. н. э. Из 134 лиц, носивших иранские имена, 96 известны по надписям Танаиса, 20 упоминаются в надписях из Пантикапея, 16 — из Ольвии. Число иранских имен намного превышает число имен фракийских. По последним данным И. Руссу, в Северном Причерноморье имеется всего 103 фракийских имени, из них в городах Боспора III в. н. э. лишь 13, при этом пять из них не чисто фракийские, а, возможно, фрако-иранские¹⁵⁹. Згуста отмечает, что для Боспора характерны иранские имена поздней группы, которую он связывает с сарматской волной, а не с ранней, связываемой им со скифами. И. Руссу считает, что фракийские имена на Боспоре правильнее относить к местным локальным группам, а не объяснять их проникновением фракийцев. Появление новой этнической группы населения сказалось и в изменении характера погребений — появляются земляные склепы, распространяется обычай класть в могилы зеркала и погребать лошадей.

Увеличение числа иранских имен в надписях Боспора в III в. н. э. надо объяснять возросшей ролью сарматских элементов в жизни городов. Это согласуется с распространением на Боспоре так называемых загадочных знаков Северного Причерноморья. В последней работе, посвященной этим знакам, Э. И. Соломоник связывает их со скифо-сарматским населением¹⁶⁰.

На горлах амфор III в. из поселения близ дер. Семеновки были процарапаны различные знаки сходного типа¹⁶¹. Учитывая, что на одних амфорах процарапаны греческими буквами имена, например АТТИАС, а на других стояли только знаки, можно предположить, что это знаки именные и что они означают принадлежность амфоры тому или иному лицу. Такие знаки есть на известняковой плите из Илурата¹⁶², подобные знаки были вырезаны, уже после обжига в гончарной печи, на одном из кирпичей, найденных в Горгипии, на стенке лепного краснолощеного сосуда из поселения у дер. Семеновки. Они имеются на ювелирных изделиях и в том числе на рукояти кинжала из царской могилы III в. в Пантикапее, на каменных плитах с надписями и на массе других изделий¹⁶³. При раскопках поселения у дер. Мысовки на полуострове Казантип, где, вероятно, был Гераклий Птолемея, найдено грузило с именем САКТАС¹⁶⁴

¹⁵⁹ I. L. Russu. Elementi traco-getice în Scita și Bosporul Cimmerian. SCIV, 1958, 2, стр. 303.

¹⁶⁰ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 48 сл.

¹⁶¹ И. Т. Кругликова. Сарматские знаки на амфорах из поселений у дер. Семеновки. КСИА, вып. 89, стр. 97 сл.

¹⁶² В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 103, рис. 101.

¹⁶³ См.: Э. И. Соломоник. Указ. соч.

¹⁶⁴ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора..., стр. 254, рис. 11, 1.

Рис. 11. Грузило с вдавленной надписью
(из поселения у мыса Казантип)

(рис. 11), в основе которого иранское слово «sag», что значит «олень»¹⁶⁵. Мы можем констатировать, таким образом, усиление сарматских элементов в одинаковой степени как в городах, так и в сельских поселениях во II и особенно в III в. н. э.

Отсутствие надписей и малое число раскопанных комплексов IV в. не позволяют нам так же уверенно говорить о продолжении этого процесса в IV в. Но в то же время и нет данных, указывающих на прекращение проникновения варварских элементов на территорию Боспорского царства. Вероятно, ведущая роль в это время перешла к аланам. О тесных связях с ними Боспора свидетельствует известная надпись старшего аланского переводчика из Тамани¹⁶⁶ и сходство погребального инвентаря, находимого в аланских могильниках Северного Кавказа¹⁶⁷, с вещами из могил Госпитальной улицы в Керчи или из некрополя Фанагории.

На изменение облика городов оказало влияние и распространение на Боспоре христианской монотеистической религии. Отпала необходимость строить храмы, возводить статуи и алтари, приносить votивные изображения многочисленным языческим богам. Христианство, являясь продуктом распада рабовладельческого общества, в свою очередь подрывало основы полисной идеологии, уравнивая рабов и рабовладельцев, противопоставляя рабовладельческому полису небесный «град божий».

Боспорские города в позднеантичный период по своему характеру приближались к греческим городам Западного Причерноморья и резко от-

¹⁶⁵ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 179.

¹⁶⁶ ИАК, вып. 40, стр. 112, № 28—208 г.—КБН, 1053.

¹⁶⁷ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900; Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гияль в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 296 сл.; она же. Могильник Байтал-Чапкан. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. II, Ставрополь, 1950; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962, рис. 3—5, 13, 25, 27.

личались от римских городов, основанных в Дунайских провинциях. Только Танаис, оборонительная система которого была построена во II в. н. э., своими очертаниями напоминал провинциальные города, основанные в эпоху империи. Архитектурное оформление боспорских городов было гораздо беднее, чем римских провинциальных. Впрочем, тенденции к богатому оформлению зданий были и на Боспоре ¹⁶⁸, но, по-видимому, возможностей здесь было меньше, так как несмотря на кратковременные периоды расцвета в первые века нашей эры, городская культура Боспора неудержимо клонилась к упадку.

Боспорские города в III—IV вв. отличались от других греческих и римских городов Запада не только архитектурой и меньшей роскошью, но и строительными приемами, техникой кладки и строительными материалами. Римские постройки III—IV вв. в Дунайских и Балканских провинциях возводились большей частью в смешанной технике, из камня и кирпича на известковом растворе. В самом Риме и в Остии в это время возводили главным образом кирпичные постройки. На Боспоре же преобладает каменная кладка из плохо обработанных камней и без раствора, а в районах, бедных камнем, — сырцовая кладка ¹⁶⁹. Иногда в слоях III в. встречается комбинированная кладка из камней и черепиц. Она известна в Фанагории ¹⁷⁰ и в Горгиппии. Этот способ кладки распространен и в римских провинциях. Кирпичи, обожженные в гончарных печах, в стенах боспорских зданий встречаются редко. Впрочем, кирпичная кладка частично была применена в термах Пантикапея ¹⁷¹. В слоях III—IV вв. кирпичи встречаются в Кепах ¹⁷². В Горгиппии некоторые из домов имели кирпичные стены на каменном доколе, но слабо обожженные горгиппийские кирпичи из плохо промешанной глины с органическими включениями имеют мало общего с крепкими хорошо обожженными кирпичами Рима и его провинций.

В наиболее крупных городах Боспора обнаружены большие керамические печи, свидетельствующие о существовании керамического производства в Горгиппии во II—III вв., а в Пантикапее и Фанагории — вплоть до IV в. н. э. Выявлены следы деятельности местных металлургов, короппастов, резчиков по кости и камню, ювелиров ¹⁷³. Сведения о большом фло-

¹⁶⁸ Маленький кусочек мозаики из черноаморных кубиков найден в Пантикапее на раскопе Северный в 1955 г. Были там и здания, облицованные мраморными плитками, иногда цветными.

¹⁶⁹ Постройки с сырцовыми стенами встречаются главным образом на Таманском полуострове — в Фанагории, Кепах и др.

¹⁷⁰ М. М. Кобылина. Раскопки центральной части Фанагории..., стр. 100.

¹⁷¹ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 114.

¹⁷² Н. И. Сокольский. Работы в Кепах в 1958 г., стр. 70; о н же. Раскопки в Кепах в 1960 г., стр. 89.

¹⁷³ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 90; И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 173;

те, которым воспользовались готы, бораны и герулы для нападения на города восточного и южного берегов Черного моря, говорят о существовании ремесленников-судостроителей¹⁷⁴. Склады амфор в Танаисе¹⁷⁵, крупные зернохранилища в Киммерике¹⁷⁶, комплексы рыбозасолочных ванн в Тиритаке¹⁷⁷, большие винодельни в Тиритаке, Пантикапее, Нимфее, Фанагории, Патрее, Кепах и других местах¹⁷⁸ свидетельствуют о производстве продуктов для продажи, т. е. о развитии торговли. Надписи купцов, сведения о существовании торговых кораблей, употребление в быту импортных товаров, большое количество монет в обращении среди населения, а так же находки гирь подтверждают большое развитие в городах товарно-денежных отношений.

Таким образом, археологические и эпиграфические источники показывают, что состав населения городов Боспора в III в. был очень разнообразен. Наряду с землевладельцами там жили рабы и вольноотпущенники, ремесленники, торговцы, чиновники и др.

Подводя итоги, можно сказать, что в III в. н. э. наиболее крупные города Боспора сохраняли старые традиции античной городской культуры; заметно стремление подражать городам римских провинций, главным образом старым греческим. В первой половине III в. там еще воздвигали статуи, украшали акрополь, сооружали общественные здания. Отдельные города Боспора сохраняли свои характерные особенности. Так, например, Танаис продолжал сохранять роль торгового центра, обслуживающего варварскую периферию, Тиритака — ярко выраженный промыслово-хозяйственный облик; Пантикапей и Фанагория продолжали оставаться центрами ремесла и торговли, хотя в течение III в. они заметно рустифицировались; Китей и Киммерик, как и ранее, были центрами хлебной торговли. В течение первой половины III в. еще продолжалась оживленная городская жизнь, но после потрясений середины III в. не все города смогли оправиться. Танаис и многие мелкие города европейской части Боспора временно или окончательно прекратили существование. Азиатская часть Боспора, по-видимому, не была затронута этой катастрофой. Но об-

И. Т. Кругликова. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. Там же, стр. 174 сл.; В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 57; А. П. Иванова. Художественные изделия из дерева и кости. АГСП, стр. 31; Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. Там же, стр. 350 сл.

¹⁷⁴ В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле..., стр. 45; о наличии военного флота говорят и морские победы Савромата II (КБН, 1237).

¹⁷⁵ Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1956 г., стр. 78.

¹⁷⁶ Найденны три близко расположенных зерновых ямы, глубиной 6,5 м при диаметре дна 4,5 м. См.: И. Т. Кругликова. Раскопки Киммерика, стр. 134.

¹⁷⁷ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 33, 48, 57, 58 и др.

¹⁷⁸ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958, стр. 363 сл.; М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 88.

щий упадок экономики, сокращение торговли, изменение социально-экономической основы жизни, упадок городской жизни — все это одинаково затронуло обе части Боспорского государства.

В течение первых веков нашей эры и особенно в III в. происходят глубокие изменения как в городах, так и в деревнях, и постепенно стирается контраст между ними, хотя полностью он и не исчезает.

Археологические раскопки в некоторых случаях выявили отдельные постройки, комплексы сооружений и целые кварталы жилых домов, выяснили характер планировки некоторых городов и дали возможность судить об их архитектуре. Крупные зернохранилища, рыбозасолочные ванны, керамические печи, бытовые вещи и орудия труда, найденные археологами, позволили восстановить картину экономической жизни городов.

Эпиграфические и нумизматические источники, полностью соответствующие археологическим данным, позволяют выделить три этапа в развитии городов позднеантичного Боспора. Первый этап относится к концу II — первой половине III в.; в это время развивалась торговля с южным Причерноморьем и малоазийскими городами¹⁷⁹, внутрибоспорская торговля и торговля с соседними племенами. Цари, купцы и богатые граждане возводили на свой счет статуи и другие памятники в крупных городах¹⁸⁰, ставили посвятельные надписи, строили общественные здания¹⁸¹, ремонтировали и возводили новые городские стены, ворота, башни¹⁸². Широко развернулась деятельность религиозных коллегий¹⁸³.

Для разных городов этот период заканчивается неодинаково. Горгия поддается вражескому нашествию в конце 30-х, Танаис — в 40-х годах III в. Последняя датированная надпись, относящаяся к концу этого периода, приходится на 250 г.¹⁸⁴

Между 250 и 275 гг. города Боспора, как и все Боспорское царство, переживали жестокий кризис. Ряд городов европейской части Боспора был разрушен около 270 г. и прекратил существование. Среди них Илурат, Киммерик, Гераклий; другие, хотя и были сильно разрушены, но жизнь в них потом вновь возродилась: Мирмекий, Тиритака, Пантикапей и др. На азиатской стороне этих разрушений не замечено.

¹⁷⁹ IOSPE, II, 42—44; IV, 194=КБН, 54, 55, 59, 953.

¹⁸⁰ IOSPE, II, 23, 34, 41—46, 310, 399, 357; IV, 194; ВДИ, 1947, № 3, стр. 205, № 1; СА, XXVIII, 1958, стр. 110=КБН, 35, 52—55, 58—60, 902, 1121, 1049, 953, 56, 1120.

¹⁸¹ IOSPE, II, 47, 429—430; ИАК, вып. 40, стр. 112, № 28; ИАК, вып. 37, стр. 38, № 2=КБН, 63, 1252, 1245, 1053, 1134.

¹⁸² IOSPE, II, 48, 431—435=КБН, 897, 1247—1250, 1252.

¹⁸³ IOSPE, II, 58, 440, 441, 443, 445—456; IV, 435; ИАК, вып. 10, стр. 32, № 24; ИАК, вып. 10, стр. 31, № 23; ИАК, вып. 37, стр. 44, № 3; ИГАИМК, вып. 104, стр. 60, № 3; ИРАИМК, II, стр. 96, № 1—2=КБН, 870, 1268, 1263, 1262, 1277, 96—98, 23, 78—79, 81, 83, 84, 88, 942, 1136, 1142, 1182, 1250, 1285—1287.

¹⁸⁴ IOSPE, II, 44 (из Пантикапея)=КБН, 59.

После 275 г. наступила некоторая стабилизация. В городах стали возводить новые памятники, общественные постройки и оборонительные сооружения¹⁸⁵. В столице Боспорского царства частично реконструировались городские сооружения, возводились новые подпорные стены террас¹⁸⁶, хотя на некоторых участках пришедшие в упадок террасы возобновлены не были и образовались новые мостовые и новая планировка, соответственно склону горы¹⁸⁷. Этот «послеготский» период продолжался до 70-х годов IV в., когда гуннские орды, вторгшиеся на Боспор, разорили его города. Для этого времени характерно обеднение городов, их сильная варваризация.

Города Боспора в течение всего позднеантичного периода продолжали оставаться по своей природе античными городами, хотя в результате развернувшегося глубокого кризиса рабовладельческой системы и внутренних социально-экономических потрясений они претерпели довольно существенные изменения. Как известно, античные города были основаны на земельной собственности и на земледелии и земельный собственник являлся там в то же время городским жителем. Это полностью относится и к городам Боспора Киммерийского. Однако в силу быстрого развития ремесла и торговли и в результате концентрации населения в городах возникала необходимость во многих специальных институтах для обслуживания городского населения. Города становились административными центрами, возрастало число ремесленников, купцов, ростовщиков и людей других профессий, характерных для города. Развивалась специфическая городская культура. В эпоху расцвета Боспорского царства земледельческая основа экономики античного города, особенно в крупных центральных городах Боспора, таких, как Пантикапей и Фанагория, выступала не столь явственно¹⁸⁸.

Со II в. наблюдается рустификация городов Боспора. Процесс этот тесно связан с изменениями их социального строя и экономической жизни; разложением рабовладельческих отношений, изменением социального и этнического состава жителей, упадком ремесла и торговли и с особыми внешнеполитическими условиями. Ведущую роль снова заняла земледельческая основа экономики античного города; земледельцы вновь стали составлять подавляющее большинство городского населения, особенности городской культуры отступили на задний план. Археологические раскопки ярко отражают это явление. Так, в Пантикапее и в Фанагории, на местах, где в предыдущие периоды были богатые жилые кварталы или обще-

¹⁸⁵ IOSPE, II, 29, 49, 363; ИАК, вып. 10, стр. 26, № 21; вып. 58, стр. 38=КБН, 36, 64—65, 103, 1051, 1112.

¹⁸⁶ В. Д. Б л а в а т с к и й. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., стр. 179.

¹⁸⁷ Там же, стр. 171.

¹⁸⁸ Устойчивая внешнеполитическая обстановка позволяла земледельцам спокойно жить в своих сельских усадьбах, где обрабатывались и хранились сельскохозяйственные продукты.

ственные сооружения, появляются большие зерновые хозяйства ¹⁸⁹ и винодельни ¹⁹⁰. По словам К. Маркса ¹⁹¹, противоположность между городом и деревней тянется через всю историю цивилизации, так как развитие и расцвет городской культуры неизбежно усиливает эту противоположность. Это особенно отчетливо видно при сопоставлении бедных неукрепленных деревень IV—III вв. до н. э. с процветающими боспорскими городами того же времени. Рабовладельцы, владеющие землей и живущие в городах, купцы и ростовщики, владельцы эргастериев и другие богатые жители городов использовали часть прибавочного продукта, полученного от труда рабов и зависимых земледельцев, для украшения городов и развития городской культуры.

Если для всей истории греческих городов на Боспоре характерна противоположность между городом и деревней, то в последний период истории античных городов Боспора, с упадком городской культуры грани между городом и деревней постепенно стираются, хотя и не исчезают совсем.

Решающее значение в перерождении городской культуры Боспора сыграли мощные волны варварских нашествий. Боспор переживал процесс, аналогичный тому, который происходил в Дунайских провинциях Римской империи. Там после кризиса III в. значительно изменился этнический состав городского населения ¹⁹². Вновь влившееся варварское население, получившее права римского гражданства, не было заинтересовано в сохранении античных традиций городской культуры, которые были ему чужды. Города постепенно теряли свой прежний облик. Уже с конца III в. жизнь из городов Паннонии перемещалась в укрепленные сельские поселения городского типа ¹⁹³. Старые античные города или исчезают совсем, или сильно уменьшаются в размерах. И, наоборот, развиваются новые города, ставшие центрами христианской религии. Для этих городов в III—IV вв., так же как и для городов Боспора, характерен процесс рустификации. Интересно, что города, стоявшие в стороне от путей варварских вторжений, дольше сохраняли свой античный облик ¹⁹⁴, что подтверждает роль варваров в угасании городской цивилизации.

¹⁸⁹ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 93.

¹⁹⁰ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 88.

¹⁹¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, М., 1951, стр. 49, 50.

¹⁹² И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римского владычества. М., 1955, стр. 141.

¹⁹³ Ю. К. Колосовская. Рецензия на статью А. Мòcsu «Pannonia» в RE. ВДИ, 1965, № 3, стр. 178.

¹⁹⁴ Ю. К. Колосовская. Выступление на конференции по истории и археологии античного города в Институте археологии АН СССР 8 декабря 1960 г. См. Г. А. Цветаева. Конференция по истории и археологии античного города. ВДИ. 1961, № 3, стр. 223.

Аналогичный процесс изменения городской культуры в позднеантичную эпоху отмечен исследователями и в других частях Римской империи. Заметно сокращается число статуй и изменяется облик материальной культуры в IV в. в городах Фракии и Дакии ¹⁹⁵. При этом, хотя процесс упадка городской жизни начался в результате внутренних социальных изменений еще до активных варварских вторжений, быстрое отмирание античных элементов в городской культуре находится и здесь в связи с ростом влияния варваров ¹⁹⁶. Еще с начала III в. резко сокращается число надписей в галльских городах ¹⁹⁷. В период вандалского завоевания прекращается сооружение городских памятников с надписями в Северной Африке. Там это связано с возникновением «варварского» государства, представлявшего по своей структуре и социальной сущности иной тип политической надстройки по сравнению с Римской империей ¹⁹⁸. Таким образом и здесь, как и на Боспоре, решающим фактором в уничтожении античной культуры были варварские племена, принесшие с собой новые социальные отношения, идеологические представления и обычаи. В то же время в крупнейшем торгово-ремесленном центре Северной Сирии — Антиохии — происходил процесс, обратный тому, который мы наблюдали в наиболее крупных городах Боспора. В IV в. в Антиохии заметно сократилось земледелие на территории города, где до IV в. было много товарных садов и огородов. Город вырос за счет разорившегося сельского населения и крупных земельных собственников, перебравшихся в него из мелких, захиревших городов. Уже со второй половины III в. мелкие города в округе Антиохии пришли в упадок. Впрочем аграризация и упадок многих мелких и средних полисов характерны не только для Антиохии, но и для большинства восточных провинций империи ¹⁹⁹. Еще А. Джонес отметил сокращение числа городских общин в Азии, Галатии и Македонии с III по V в. ²⁰⁰ Таким образом, в самых различных частях Римской империи в позднеантичный период происходят серьезные изменения в жизни античных городов, встречающие параллели и на Боспоре. Отсутствие жилищ богатых граждан в мелких боспорских городах III в. говорит о том, что и на Боспоре наблюдалось переселение богачей в крупные города, как это было, например, в Антиохии. А тот факт, что после разорения в 70-х годах III в. многие малые города Боспора не были восстановлены, свидетельствует о перемещении экономической жизни в круп-

¹⁹⁵ В. И. В е л к о в. Градът в Тракия и Дакия через късната античност. София, 1959, стр. 129, 179.

¹⁹⁶ Там же, стр. 258.

¹⁹⁷ Е. М. Ш т а е р м а н. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 19.

¹⁹⁸ Г. Г. Д и л и г е н с к и й. Северная Африка в IV—V вв. М., 1961, стр. 264 сл.

¹⁹⁹ Г. Л. К у р б а т о в. Ранневизантийский город. Л., 1962, стр. 90, 94—98.

²⁰⁰ А. Н. М. J o n e s. The cities of the Eastern Roman provinces. Oxford, 1938, стр. 91.

ные города, как это было в восточных областях империи, или в деревни и крупные усадьбы, что также характерно для римских провинций, в частности для Паннонии²⁰¹. Таким образом, хотя Боспор и не входил в состав Римской империи, его социально-экономическое развитие шло в том же русле, что и у более крупного античного рабовладельческого государства, каким являлась Римская империя.

Источники позволили нам восстановить картину постепенного упадка городской жизни на Боспоре, но они не дают возможности выяснить, каковы были социально-экономические причины этих изменений. Для восстановления аналогичных изменений, происходивших в других частях античного мира, исследователи обладают значительно большим количеством письменных источников. О сходстве внешних проявлений этого процесса на Боспоре и в других областях мы уже говорили. Оно позволяет нам предположить и близость социально-экономических причин, порождающих сходные явления при одинаковых социально-политических условиях. Упадок городов в Северной Африке, был тесно связан как с социальными процессами и изменениями в соотношении среднего и крупного землевладения, так и с последствиями вандалского завоевания. Оно окончательно подорвало городской строй, привело к обезземеливанию средних муниципальных землевладельцев и разрушило земельную собственность античного типа²⁰². Процесс разорения мелких и средних землевладельцев, составлявших основное ядро городских куриалов, характерен и для Антиохии IV в. Это они тратили средства, полученные от эксплуатации их земельных владений, на исполнение муниципальных обязанностей, на украшение городов. С разорением куриалов и упадком их покупательной способности связан упадок ремесла, торговли и общего благосостояния городов. Вместе с тем рост крупного землевладения путем разорения куриалов, захвата городских общинных земель и земель, контролируемых муниципальной организацией, привел к тому, что в IV в. Антиохия утратила связь с земледелием и власть над хорой, т. е. черты, характерные для античного города²⁰³. Разорение средних землевладельцев и рост крупных земельных владений наблюдается и в городах позднеантичного времени на территории Северной Болгарии²⁰⁴. Там представители крупного землевладения предпочитали селиться вне городов или на их окраинах в укрепленных виллах, где они имели свои ремесленные мастерские, обслуживавшие нужды их хозяйства. Кроме того, в IV в. на территории Римской империи большие земельные владения были сосредоточены в руках христианской церкви.

²⁰¹ Ю. К. Колосовская. Рецензия на статью А. Mócsy «Pannonia», стр. 177.

²⁰² Г. Г. Дилигенский. Указ. соч., стр. 264.

²⁰³ Г. Л. Курбатов. Указ. соч., стр. 69, 82, 93 и др.

²⁰⁴ В. И. Велков. Указ. соч., стр. 172.

Расцвет городской жизни во всех провинциях падает на II — начало III в. н. э. Он был тесно связан с устойчивым экономическим положением муниципальной знати. Ее разорение и обезземеливание привели к развитию новых социальных отношений и подорвали основы античной городской организации. Можно предполагать, что аналогичный процесс проходил и на Боспоре. Очень может быть, что уменьшение числа деревень и рустификация городов, так же как гибель пригородной усадьбы, появление укрепленной виллы на Темир-горе отражали процесс концентрации земельных владений в руках немногих и вытеснение ими мелких и средних землевладельцев. Разорение деревень европейского Боспора в 70-х годах III в. вызвало бегство населения в укрепленные города. Но то, что деревни так и не были восстановлены, отражает, возможно, тот факт, что земли, на которых они находились, были в руках крупных землевладельцев, не заинтересованных в их восстановлении. Конечно, всякие выводы, основанные на предположениях и аналогиях и лишенные документальных свидетельств, могут быть сделаны лишь предварительно и гипотетично. Не исключена возможность, что социально-экономические условия в боспорских городах позднеантичного времени имели и свои специфические, не известные пока особенности.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Типы сельских поселений

Античные авторы, упоминая о населенных пунктах Боспора, называют их городами (πόλις)¹, городками (πολίχμιον)², деревнями (κώμη)³, дере-

¹ Так называют большинство известных нам городов Боспора.

² Так называют Мирмекий Скилак, Стефан Византийский, Псевдо-Арриан, Страбон. У Страбона (VII, 4, 5, XI, 2, 6) он фигурирует и как κώμη.

³ Птолемей упоминает деревни Синда, Бата и Ахея (P t o l., V, 8, карта II, 8). Деревней называют Ахиллий (S t r a b o, XI, 2, 6; P s. A r r., 69), Казеку (A r r., 30; P s. A r r., 76), Корокондаму (S t r a b o, XI, 11, 8; S t e p h. B y z. Указ. слово), Парфений (S t r a b o, VII, 4, 5). Патрасис и Киммерик Азиатский Страбон называл деревнями (S t r a b o, XI, 2, 4 и 8), а у других авторов они названы городами.

вушками ($\kappa\acute{\omega}\mu\iota\omicron\nu$) ⁴ и местечками или поселками ($\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$) ⁵. Различия в терминах, которыми обозначали поселения, отражали, по-видимому, неравенство их административного положения и находились, вероятно, в прямой связи с их размерами и состоянием. Однако уловить различия в содержании этих терминов не всегда удастся. Что касается определения $\pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ — обычный греческий город, то оно не требует объяснений. Πολίχμιον — это уменьшительное от πολίχνη , употребляемого Фукидидом в смысле «укрепление» ⁶, а Плутархом как «маленький городок» ⁷. В этом же последнем значении Платон ⁸ и Исократ ⁹ употребляют слово πολίχμιον . Судя по Платону ¹⁰, древние авторы понимали $\kappa\acute{\omega}\mu\eta$ — деревня в смысле, противоположном городу. То же значение — «небольшое сельское поселение» имеет и $\kappa\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ у Плутарха ¹¹ и Страбона ¹². Слово $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ Фукидид применяет и к только что основанным греками городам ¹³, и просто к частному земельному владению ¹⁴. Выявление дифференциации населенных пунктов Боспора затрудняется еще и из-за противоречивости их определений у древних писателей. Так, например, Мирмекий в IV в. до н. э. Скилак называет городом ¹⁵, тогда как Артемидор около 100 г. до н. э. называл его уже городком (πολίχμιον) ¹⁶, а Страбон в I в. до н. э. даже деревней ($\kappa\acute{\omega}\mu\eta$) ¹⁷, что находится в полном соответствии с разрушением города и его упадком незадолго до I в. до н. э. ¹⁸ У авторов V в. н. э. он вновь называется городком ¹⁹. Напротив, Эсхин, говоря о событиях V в. до н. э., называет Нимфей поселком ($\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$) ²⁰, тогда как уже Псев-

⁴ Деревушкой Страбон (XI, 2, 8) назвал Акру, вслед за ним Псевдо-Арриан называет ее деревней, тогда как Плиний (NH, IV, 86) считает ее городом.

⁵ Псевдо-Арриан (76) поселком называет Порфмий, тогда как у Стефана Византийского он назван деревней. В схождениях к Демосфену (VIII, 23, 33) поселками названы Нимфей и Феодосия, тогда как у других авторов они назывались городами. Плиний же называл Нимфей бывшим городом (IV, 86). В схождениях к Эсхину поселком названы Келы, у других авторов выступающие как город. У Стефана Византийского поселком назван Зефирий, а Плиний его считает городом.

⁶ Thuc., VII, 4, 6.

⁷ Plut. Timol., XI, 11.

⁸ Plat. Resp., 370 d.

⁹ Isocr. Orat., 5, 145.

¹⁰ Plat. Leg., 626 c.

¹¹ Plut. Moralia, 773 b.

¹² Strabo, X, 5, 3.

¹³ Thuc., I, 100.

¹⁴ Там же, 106.

¹⁵ Scyl., 68=SC, I, стр. 84.

¹⁶ Steph. Byz. Указ. слово.

¹⁷ Strabo, XI, 2, 6=SC, I, стр. 132.

¹⁸ Е. Г. Кастанаян. Период позднего эллинизма в истории городов Боспора. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 214 сл.

¹⁹ Steph. Byz., Указ. слово=SC, I, стр. 263; Ps. Arr., 76=SC, I, стр. 282.

²⁰ Aesch., III, 171=SC, I, стр. 370.

до-Скилак²¹ и вслед за ним Страбон²² считают его городом. Наименование ряда боспорских поселений деревнями (*κῶμη*) впервые появляется у Страбона. Он пользовался источниками конца II — первой половины I в. до н. э., поэтому в его географии отражено состояние населенных пунктов периода после Митридатовых войн и потрясений II в. до н. э., во время которых ряд городов подвергался разрушениям и опустел. Новые поселения уже не получили прав городов, каким они пользовались раньше, и попали у Страбона в число деревень. Среди них были Патрасис, который Гекатей Милетский называл городом²³, упомянутый выше Мирмекий и Киммерик, находившийся в азиатской части Боспора и фигурирующий как город у Псевдо-Скимна²⁴ во второй половине II в. до н. э., а позднее, в I в. н. э., вновь названный городом Плинием²⁵ и Помпонием Мелой²⁶. К сожалению, последние два писателя не упоминают деревень совсем, перечисляя только города. Позднее, во II в. н. э., в перипле Арриана и в картах Птолемея встречаются названия деревень, не известных авторам более раннего времени: Бата, Ахея, Казека, Синда. Что касается III и IV вв. н. э., то нет никаких письменных источников о дифференциации поселений и приходится опираться на данные более раннего либо более позднего времени.

В перипле Псевдо-Арриана и в географическом словаре Стефана Византийского, написанных, вероятно, в V в. н. э. и являвшихся чисто компилятивными работами, повторяются названия деревень, уже встречавшихся у Страбона (Акра, Ахиллий, Корокондама) и у Арриана (Казека). Кроме того, Стефан Византийский называет деревней Порфмий, который у Псевдо-Арриана именуется *χωρίον* — поселком. Интересно, что определение боспорских поселений как *χωρίον* встречается либо у авторов IV в. до н. э. и в схолиях к ним, либо у позднеантичных компиляторов Псевдо-Арриана и Стефана Византийского. Это могло бы быть результатом прямого заимствования у древних авторов. Однако обращает на себя внимание тот факт, что пункты, названные у Эсхина и в схолиях *χωρίον*²⁷, у авторов V в. н. э. именуются городами. Вместе с тем у Псевдо-Арриана местечком (*χωρίον*) назван Порфмий, не встречавшийся у более ранних авторов, а у Стефана Византийского Зефирий, именующийся у Плиния городом. Поэтому можно предположить, что авторы V в. н. э. использовали и более поздние свидетельства, относящиеся к эпохе упадка городской жизни на Боспоре, когда некоторые города захирели.

²¹ P s. S c y l., 68=SC, I, стр. 84.

²² S t r a b o, VII, 4, 4=SC, I, стр. 124.

²³ H e k a t., 198=SC, I, стр. 3, 198.

²⁴ P s. S c y m n., 895=SC, I, стр. 90.

²⁵ P l i n. NH, V, 15, 18=SC, II, стр. 180.

²⁶ P o m p. M e l a, I, 112=SC, II, стр. 118.

²⁷ Кепы, Нимфей, Феодосия.

Трудно сейчас установить разницу в правовом положении деревень (κώμη) и местечек (χωρίον). Можно предположить, что и те и другие были сельскими поселениями и различались лишь внешним видом, размерами и наличием или отсутствием укреплений²⁸, так же как город (πόλις) и городок (πολίχμιον) различались лишь размерами и оформлением, а в правовом отношении принадлежали к одному разряду — городских поселений. Сельские же и городские поселки различались между собой правами, характером самоуправления, размерами, числом жителей, наличием культовых построек, удельным весом ремесла и торговли, экономическим уровнем жизни населения и многими другими особенностями. К сожалению, источники не дают возможности проследить различий внутри самих сельских поселений. Нельзя с уверенностью сказать, следует ли рассматривать боспорские деревни, определяемые термином «κώμη», как независимые сельские общины типа встречаемых в римское время в Азии²⁹, с общинной собственностью на землю, или же этот термин касается лишь внешних особенностей поселений, отличающих их от городов. Не можем мы также установить, какие из деревень III—IV вв. н. э. расположены на городских, частных, племенных или храмовых землях; о наличии последних на Боспоре в предшествующий период мы знаем из хорошо известной надписи 151 г. н. э., найденной в Фанагории, согласно которой боспорский царь Римиталк увеличил до прежних размеров уменьшившиеся с течением времени земли, посвященные богине в Фианнеях, а также и число обрабатывавших их пелатов³⁰. О существовании деревень на царских землях в IV в. до н. э. свидетельствует упоминание Полиена о назначении царем Левконом для управления селами специальных должностных лиц — эпимелетов³¹. То же следует и из свидетельства Диодора Сицилийского о предоставлении царем Евмелом земельных наделов тысяче переселенцев из Каллатия³², для чего была размежевана Псоя, находившаяся, вероятно, во владении царя. Нет никаких данных о землях, принадлежавших городам. Находились ли загородные усадьбы, обнаруженные вблизи Мирмекия³³, на Темир-горе³⁴ и вблизи современных деревень Октябрьское³⁵ и Партизаны, на городской или на частной земле,

²⁸ Судя по свидетельству Фукидида (I, 106) о том, как отряд коринфян попал на землю частного лица, обведенную глубоким рвом и не имевшую выхода, χωρίον могли быть укрепленными.

²⁹ Е. С. Голубцова. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. М., 1962, стр. 11, 42 сл.

³⁰ IOSPE, II, 353 = КБН, 976.

³¹ Polyæn. Strateg., VI, 9, 3.

³² Diod., XX, 25.

³³ В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. АГСП, стр. 119, примеч. 3.

³⁴ В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa rustica на Темир-горе. СА, VII, 1931, стр. 45—59.

³⁵ И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений Боспора. ВДИ, № 2, 1963, стр. 72.

сказать нельзя. К сожалению, эпиграфические памятники Боспора, за исключением упомянутой выше надписи 151 г., не дают никаких материалов для социальной характеристики боспорских деревень. Данные литературных источников, как мы видели, относятся к IV в. до н. э. и лишь с большими оговорками могут быть использованы для характеристики сельских поселений позднеантичного периода.

Несколько больше данных можно почерпнуть из археологических источников. Благодаря археологическим исследованиям удалось выделить несколько типов сельских поселений, различающихся характером планировки. К первой группе относятся неукрепленные деревни, вероятно *κῶμαι*, расположенные на поле и представляющие собой группу изолированных домов, отстоящих один от другого на 30—50 м и отделенных, видимо, приусадебными участками³⁶. Все известные до настоящего времени поселения такого типа относятся к периоду с VI—V вв. до н. э. по III в. до н. э.

Ко второму типу относятся поселения, расположенные на холмах, в местах, удобных для сооружения укреплений. Может быть, их можно идентифицировать с *χωρίον*. Жилища на этих поселениях, сконцентрированные на ограниченной территории, теснятся одно около другого и не имеют приусадебных участков. Они объединены в блоки и кварталы, разделяющиеся улицами и переулками. В большинстве своем эти поселения относятся к двум последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры. Многие из них гибнут в последней трети III в. н. э., некоторые, большей частью на территории азиатского Боспора, доживают до гуннского погрома 70-х годов IV в. н. э. К третьему типу поселений принадлежат сельские виллы, относящиеся к различным периодам истории Боспора и обнаруженные как в европейской, так и в азиатской его частях. Что касается периода IV—II вв. до н. э., то известны лишь неукрепленные виллы этого времени, тогда как в I в. до н. э.—I в. н. э. и вплоть до III в. н. э. появляются сельские виллы или усадьбы с мощными внешними каменными стенами, способными выдержать нападения врагов.

Из сельских поселений позднеантичного времени лучше всего исследования поселки второго типа, расположенные в европейской части Боспора. Основной особенностью их является сходство внешнего облика, планировки, характера построек с тем, что встречается в городах Боспора этого же времени и особенно в малых. В европейской части Боспора, где было много природного камня, дома в этих поселениях, как и в городах, строили из плохо обработанных камней. Вместо связывающего раствора применялась разведенная глина или просто земля. Многие дома были двухэтажными. Размеры жилых зданий были неодинаковы. Дома имели раз-

³⁶ И. Т. Кругликов а. Сельская территория Боспора. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 115.

личное число помещений. Иногда дом состоял из нескольких изолированных помещений со смежными стенами. Часто перед входами в помещения находились дворики. Большинство домов имело помещения для скота с яслями для сена, сооруженными из поставленных на ребро каменных плит. В верхней части последних нередко делали сквозные отверстия для привязывания скота. Крыши домов в сельских поселениях большей частью были земляными или соломенными в отличие от городов, где преобладали крыши черепичные.

Внутреннее убранство и бытовой инвентарь жилищ рядового городского и сельского населения были почти идентичны. Помещения отапливались печами прямоугольной формы с каменными или кирпичными стенками и верхней глинобитной плитой, края которой загибались вверх. Иногда около печей имелись еще маленькие очажки для подогревания пищи³⁷, которые могли быть и переносными³⁸. Встречались также каменные сооружения в виде лежанок или столиков, под них выгребалась горячая зола для дополнительного обогрева помещения. Полы были земляными или глинобитными, иногда они были частично вымощены каменными плитами. Не исключено, что отдельные помещения имели настилы из досок.

Дворики всегда были вымощены плитами. Каменные стены помещений и дворики не всегда параллельны, строители допускали иногда сооружение закругляющихся и косо направленных стен (Семеновка, Илурат, Золотое Восточное — в бухте). Распространено было сооружение различного рода водосточных желобов, или выводящих воду со дворов на улицу (в Илурате), или находящихся внутри помещений и отводящих нечистоты из отделений для скота в специальные ямы (в Семеновке). Для всех поселений II—III вв., в том числе и для малых городов Боспора, характерно широкое использование плоских камней для различного рода внутренних загоронок, закровов, столиков, сидений и лежанок.

Характерной чертой сельских поселений является наличие около них мощных зольников, часто в виде зольных холмов, что роднит их со скифскими городищами.

Компактная планировка сельских поселений на Боспоре, аналогичная планировке городов, была следствием особенностей исторического развития Боспора и его взаимоотношений с окружающими племенами. Подавляющее большинство сельских поселений первых веков нашей эры было укреплено либо располагалось в труднодоступных местах. По-видимому, постоянная военная опасность в этот период заставляла сельских жителей укреплять свои поселения. Сооружение каменных оборонительных

³⁷ Н. И. Соколовский. Отчет о работах Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1963 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 2733, стр. 52.

³⁸ И. Т. Кругликова. Поселение у дер. Семеновки. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 77, рис. 30, 1.

стен вокруг всего поселка было под силу только большому числу людей. Поэтому укрепление поселков неизбежно связано с их укрупнением, изменением их планировки, так как внутри огражденной стенами территории должно было уместиться все население поселка. Однако обнесение поселка каменными стенами и постройка тесно примыкающих один к другому домов вместо разрозненных, удаленных друг от друга, как это было прежде, еще не означали превращения поселка в город.

Вспомним, что Тацит на рубеже I и II вв. н. э., описывая германские племена, сообщает, что они строили деревни (*vici*) не так, как римляне, не в виде соединенных между собой и примыкающих друг к другу строений, но что каждый окружал свой дом свободным пространством, так что дома были удалены один от другого ³⁹. Античная деревня в римском понимании — это тесно расположенные, примыкающие друг к другу дома. Поэтому особенности планировки сельских позднеантичных поселений Боспора не являются чем-то исключительным. Следовательно, поселения III в., исследовавшиеся на территории европейской части Боспора у деревень Семеновки, Золотое, в бухте к западу от Золотого Восточного, у Ново-Отрадного и др., вполне могли служить примером того, что Тацит называл *vici*, а Страбон *κῆμαι*. Только это были укрепленные *κῆμαι*. Сам по себе факт укреплений в деревнях не является чем-то специфически боспорским. Укрепленные деревни существовали в римское время в различных провинциях. Об укреплениях деревни, возведенных крестьянином Тимофеем сыном Меннее на свой счет, говорит надпись ⁴⁰ из Сирии. Известны укрепленные поселения в Африке. М. И. Ростовцев отмечал, что в период империи, несмотря на развитие больших и процветающих городов, Малая Азия оставалась страной крестьян и деревень. Даже в больших городах преобладал сельский образ жизни ⁴¹. Императорские домены там обрабатывались главным образом силами сельских общин. Деревни в Малой Азии представляли собой скопления домов крестьян с местом для рынка, святилищем, помещениями для местных властей и представителей правительства ⁴².

Можно предположить, что и поселения второго типа представляли собой такие же укрупненные села. Участки, которые обрабатывали жители этих сел, так же как и жители городов типа Илурата и более крупных, находились вне границ поселений.

³⁹ Тацит. *Герм.*, 16, 1. Но размеры городов все же значительно превышают размеры сельских поселений.

⁴⁰ SEG, VI, 674; И. С. Свенцицкая. Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э. ВДИ, 1961, № 3, стр. 51.

⁴¹ М. R o s t o v t z e v. The Social and Economic History of Roman Empire. Oxford, 1926, стр. 239.

⁴² Там же.

Поселения европейской части Боспора

Лучше всего из боспорских сельских поселений первых веков нашей эры изучено поселение, расположенное на берегу Азовского моря у дер. Семеновки. Его укрепленная часть занимала небольшой холм, выступающий в море в виде мыса (рис. 12). Часть поселения находилась вне укреплений у подножья холма, на высоком берегу бухты и на склонах второго холма, примыкающего к ней. Основная часть поселения располагалась внутри укреплений на вершине основного холма и на террасах, устроенных с помощью каменных подпорных стен и тянувшихся несколькими ярусами вдоль его склонов. Главная улица тянулась с востока на запад через всю вершину холма (рис. 13). Еще три улицы, почти параллельные первой и соединявшие их поперечные переулочки, разделяли поселение на кварталы, которые состояли из различных по размерам и планировке жилых блоков. Эти блоки представляли собой комплекс изолированных жилищ со смежными стенами, пристроенными к общей длинной стене. Последняя являлась одновременно и подпорной стеной террасы. Входы в жилища чаще всего были с южной стороны. Северные стены, как правило, дверей не имели. Только у небольшой группы помещений, примыкавших к южной оборонительной стене, входы находились с северной стороны. В этом случае надежной защитой от северных ветров был комплекс двухэтажных домов, расположенных к северу, по другую сторону узкой улочки. Жилые блоки, вероятно, строились одновременно для нескольких семей. Наиболее ранние строительные остатки, обнаруженные на поселении, относились еще к концу III — началу II в. до н. э. Какова была планировка поселения в раннюю эпоху его существования, мы не знаем. Первоначально дома не стояли так близко один к другому, не было больших искусственных насыпей с целью выравнивания почвы, и жители использовали для застроек лишь удобные участки. Однако можно заметить, что направление стен III—II вв. до н. э., обнаруженных в различных частях поселения, обычно совпадает с направлением стен зданий, построенных в первые века нашей эры. Благодаря большим земляным работам конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. была сnivelирована значительная площадь на выступающем в море холме. Были устроены террасы, проложены улицы, возведены оборонительные стены. Планировка поселения с тех пор не менялась. Производились лишь отдельные перестройки и подсыпки. Площадь поселения после возведения оборонительных стен несколько сократилась. Но это компенсировалось более плотной застройкой укрепленной части поселения и возведением домов с двумя этажами.

Все дома имели каменные стены, деревянные перекрытия и земляные или соломенные крыши. Иногда крыши делали из плетеных прутьев или камыша и обмазывали глиной. Куски такой обмазки, обожженной при пожаре, с отпечатками прутьев, находили в завале помещений непосредственно под обуглившимися плахами деревянных перекрытий.

Рис. 12. Общий вид бухты и раскопа на поселении у дер. Семеновки

Стены домов были сложены из плохо обработанных камней различных размеров. Крупные камни иногда лежали во всю толщину стены, более мелкие клали в два и в три ряда. Угловые камни и камни, поставленные по обеим сторонам дверных проемов, были массивнее, чем остальные; внутренние стены были тоньше наружных. Внутри помещений стены были обмазаны глиной. Никаких следов штукатурки, а тем более росписей, в помещениях III в. н. э. не обнаружено. Вместе с тем среди камней, употребленных при кладке оборонительной стены в конце I в. до н. э. или в начале I в. н. э., сохранились куски расписной полихромной штукатурки. Такие же куски и обломки штукатурки, покрытой красной краской, встречались в мусорном слое I в. до н. э. — I в. н. э., лежавшем поверх стен эллинистических построек у подножья и за пределами городской стены. Следы стенных росписей свидетельствуют о том, что поселение, находившееся на этом холме в позднеэллинистическую эпоху, было значительно богаче, чем поселение первых веков нашей эры. Может быть, в этом поселении было какое-нибудь богато украшенное общественное здание, камни которого после разрушения были использованы для постройки оборонительной стены. Никаких следов общественных построек или каких-либо других зданий, выделяющихся отделкой, на поселении III—IV вв. н. э. не обнаружено. Наоборот, бросается в глаза удивительная однотипность внутреннего убранства домов и однородность находимых в них вещей.

Многие из домов III в. н. э., по-видимому, были двухэтажными. Об этом свидетельствуют каменные лесенки, пристроенные к наружным стенам около входных дверей, а также упавшие при пожаре перекрытия и полы вторых этажей с находившимися там бытовыми вещами. В первых

этажах домов находились хозяйственные помещения. Обычно они разделялись на две части. В задней части помещения пол был вымощен каменными плитами. Мощеная часть отделялась от передней половины загородками из поставленных на ребро каменных плит. Часто роль загоронок выполняли каменные лари или ясли — прямоугольные сооружения из двух параллельных рядов таких же стоящих на ребре каменных плит. Иногда эти сооружения были небольшими, всего из четырех плит⁴³. Иногда они имели вытянутую форму и занимали в длину более половины помещения⁴⁴, в некоторых случаях такие ясли были пристроены к обеим продольным стенам помещений и тогда из передней части помещения в заднюю можно было попасть только через узкий проход между яслями. В верхней части плит, образующих загородки или стенки ларя, иногда имелись сквозные отверстия, вероятно для привязывания скота. Эти отверстия, вымостка и ясли заставляют предполагать, что заднее отделение хозяйственного помещения было предназначено для зимнего содержания не крупного скота. В передней половине помещения, чаще всего вблизи входа⁴⁵, находились: глинобитная печь для выпечки хлеба, каменные ступы, в которых толкли зерно, одна или две зернотерки для приготовления муки и большие амфоры, корчаги или корзины с запасами зерна. Здесь же хранились сельскохозяйственные и другие орудия, рыболовный инвентарь и посуда.

На втором этаже находились жилые комнаты. Судя по находкам в слоях, лежавших выше упавшего перекрытия первого этажа, в жилых комнатах второго этажа были зернотерки, ткацкие станки с глиняными пирамидальными грузиками, глиняные сосуды с пищей, культовые статуэтки. Различие в инвентаре первых и вторых этажей, так же как вообще между жилыми и хозяйственными помещениями, было скорее количественное, чем качественное. В жилых комнатах находок было значительно меньше. Передняя часть помещений большей частью не замащивалась. Полы здесь были деревянными или земляными. Часто в одном из углов находилась дугообразная каменная загородка. Угол внутри нее был забит камнями, образующими плоское возвышение, поднимающееся на 0,3—0,4 м выше уровня пола и, возможно, служившее для целей культа (рис. 14). Это соображение подтверждается находкой в одном из помещений под камнями такой платформы, в углу у основания одной из стен, кучки костей от двух куриц — вероятно жертвы, принесенной при постройке дома⁴⁶.

Перед хозяйственными помещениями находились вымощенные каменными плитами дворiki. Иногда же их не было, и вход был прямо с улицы

⁴³ Размеры наиболее маленьких 0,35 × 0,45 м; 0,7 × 0,6 м.

⁴⁴ Размеры наибольших 2,35 × 0,45 м; 2 × 0,6 м; 1,95 × 0,5 м.

⁴⁵ Обычай помещать печь рядом со входом связан, по-видимому, с отсутствием специальных дымоходов и необходимостью выпускать дым через дверь.

⁴⁶ И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок поселения у дер. Семеновки. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 44.

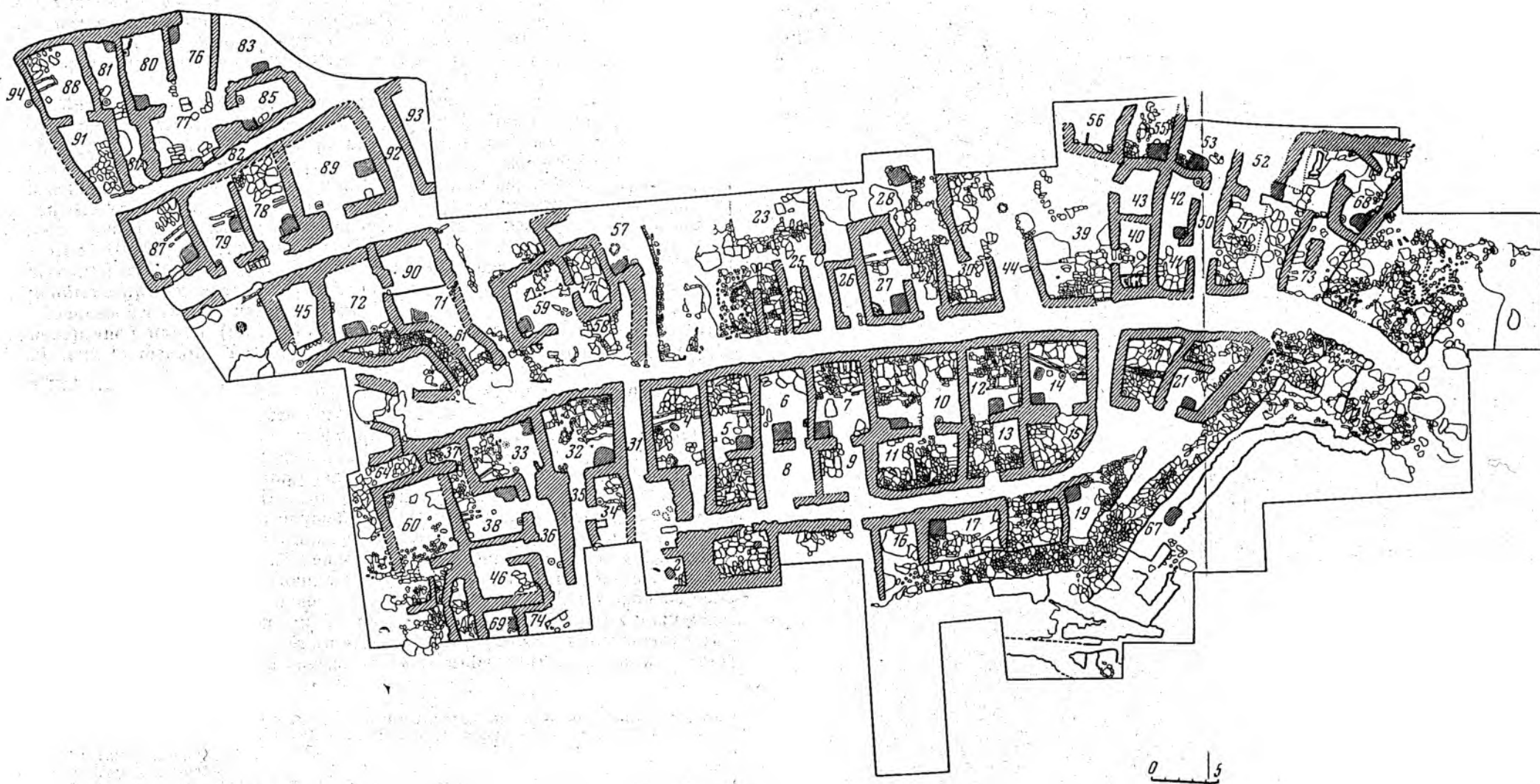

Рис. 13. План поселения у дер. Семеповки
 Цифрами обозначены помещения; заштрихована кладка стен III в. н. э.; частая штриховка—печи в помещениях

или через длинные узкие коридоры. Как правило, помещения были слегка углублены в землю и при входе в дом с улицы приходилось спускаться по нескольким ступенькам. Чаще всего помещения имели форму четырехугольников. В некоторых случаях все четыре стены были разной длины, и форма была неправильной. Размеры всех помещений, как и домов, различны.

Можно выделить дома, состоявшие из двора и двух, трех или четырех помещений, иногда вместо двора был длинный коридор. У некоторых домов жилая часть была на втором этаже над хозяйственной, в других случаях они располагались рядом, а кое-где даже имели изолированные входы непосредственно с улицы. Однотипны размеры и устройство печей. Их стенки из поставленных на ребро каменных плит поддерживают лежащую поперек верхнюю глинобитную плиту, размеры которой колеблются от 0,85 до 1,1 м в длину и от 0,75 до 1 м в ширину. Высота печи чаще всего 0,5 м, но иногда достигает 0,75 м. Во многих помещениях были каменные сооружения типа ларей из поставленных на ребро каменных плит, каменные столы ⁴⁷ из двух плит, стоящих на ребре, и лежащей на них поперечной плиты (рис. 15), каменные лежанки ⁴⁸ в виде длинных покрытых плоскими камнями ящиков, в которые выгребали горячую золу.

Из 17 ручных мельниц, найденных в домах, только четыре жернова имели круглую форму, все остальные были стандартными, прямоугольными с воронковидными углублениями в центре ⁴⁹, из твердого доломитизированного известняка фиолетового цвета или из зеленого кремнистого известняка (рис. 16). В жилищах нет зерновых ям, только небольшие зольные ямы или погребки. Все зерновые ямы были вне поселения. В помещениях зерно хранилось в больших широкогорлых красноглиняных амфорах ⁵⁰, в больших лепных корчагообразных сосудах, в корзинах и каменных ларях; было найдено более 75 раздавленных амфор, значительно большее число крупных лепных сосудов и только один пифос.

Во всех помещениях преобладала лепная посуда ⁵¹, которая выделялась и обжигалась здесь же на поселении. Из 56 найденных в жилищах светильников лишь шесть были оттиснуты в формах ⁵² и обожжены в гончарных печах, остальные пятьдесят были вылеплены ⁵³ из той же глины,

⁴⁷ И. Т. К р у г л и к о в а. Исследование сельских поселений античных государств юга СССР. «Acta Archaeologica», Budapest, 1962, № 14, стр. 217, рис. 3.

⁴⁸ Там же, рис. 2.

⁴⁹ Там же, рис. 4.

⁵⁰ Там же, стр. 221, рис. 7; И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 252, рис. 10; о н а ж е. Итоги семилетних раскопок поселения у дер. Семеновки, стр. 47, рис. 17, 6.

⁵¹ И. Т. К р у г л и к о в а. Исследование сельских поселений..., стр. 227, рис. 14.

⁵² Там же, стр. 226, рис. 13, 4.

⁵³ Там же, стр. 219, рис. 5 б.

Рис. 14. Дугообразная загородка в углу помещения 32 (поселение у дер. Семеновки)

что и лепные горшки и грузила, заготовки которых из еще не обожженной глины были найдены на поселении. Из грузил преобладали пирамидальные, с отверстием для подвешивания⁵⁴. В одном из помещений их найдено 29, в других 20, 12, 11 и меньше, причем некоторые из них были не обожжены совсем или плохо обожжены. Вместе с ними находили грузила, сделанные из ручек амфор⁵⁵, но число последних в одном доме ни разу не превышало двух. Часто встречались костяные иглы для вязания сетей. Иногда их было по пять, восемь и больше. Довольно редко встречались бронзовые, стеклянные и краснолаковые сосуды. Зато очень распространены были лепные горшочки и миски, поверхность которых перед

⁵⁴ И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений..., стр. 230, рис. 16.

⁵⁵ Аналогичные найденным на поселении у дер. Ново-Отрадное. См.: И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора, стр. 242, рис. 5, 4.

Рис. 15. Каменный столик в углу помещения 34
(поселение у дер. Семеновки)

обжигом покрывалась красной краской и залащивалась ⁵⁶. По-видимому, в быту населения такие сосуды успешно конкурировали не только с краснотерракотовой, но и с простой боспорской посудой, изготовленной в городских ремесленных мастерских с помощью гончарного круга. Часто находили приспособления для рыбной ловли: бронзовые и железные крючки разных размеров ⁵⁷, пробковые и деревянные поплавки, сети из крученого шнура ⁵⁸, каменные грузила. Стандартны типы сельскохозяйственных орудий: небольших железных сошников, кос и серпов ⁵⁹. В раскопанных

⁵⁶ И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений..., стр. 227, рис. 14.

⁵⁷ Там же, стр. 224, рис. 10.

⁵⁸ И. Т. Кругликова. Поселение у дер. Семеновки, стр. 76, рис. 29, 4.

⁵⁹ И. Т. Кругликова. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора III в. СА, 1959, № 3, стр. 137 сл. К сожалению, железо в условиях данного поселения сохраняется очень плохо, и чаще всего железные орудия находили в сильно разрушенном состоянии. Еще более это относится к бронзе.

Рис. 16. Грузила, горшки и зернотерка в обрушившемся слое второго этажа (поселение у дер. Семеновки, помещение 14)

помещениях были найдены одинаковые глиняные примитивные статуэтки богини. Ни одной терракотовой статуэтки богини, сделанной в городских ремесленных мастерских, на данном поселении не найдено. Единобразие материальной и духовной жизни обитателей поселка в III в. н. э. не связано, однако, с натурализацией их хозяйства. Напротив, монеты ⁶⁰ и импортные предметы, как, например, краснолаковое блюдо ⁶¹, амфоры, стеклянные и бронзовые сосуды, амулеты из египетской пасты, пробковые поплавки и т. д., постоянно находимые в помещениях, заставляют говорить о тесных торговых связях жителей поселка с боспорскими городами и о наличии у них товарного производства. Упомянутое же выше единообразие быта следует объяснить одинаковым социально-экономическим положением основной массы сельскохозяйственного населения боспорских поселений III в. н. э. Вместе с тем на материале данного поселения можно все же заметить развитие процесса социальной дифференциации. Так, например, имелись случаи укрупнения дома в III в. н. э., когда из трех изолированных домов, имевших самостоятельные входы с одной из улиц,

⁶⁰ И. Т. Кругликова. Монеты из поселения у дер. Семеновки. НЭ, IV, 1964, стр. 118 сл.

⁶¹ И. Т. Кругликова. Поселение у дер. Семеновки, стр. 78, рис. 31, 1.

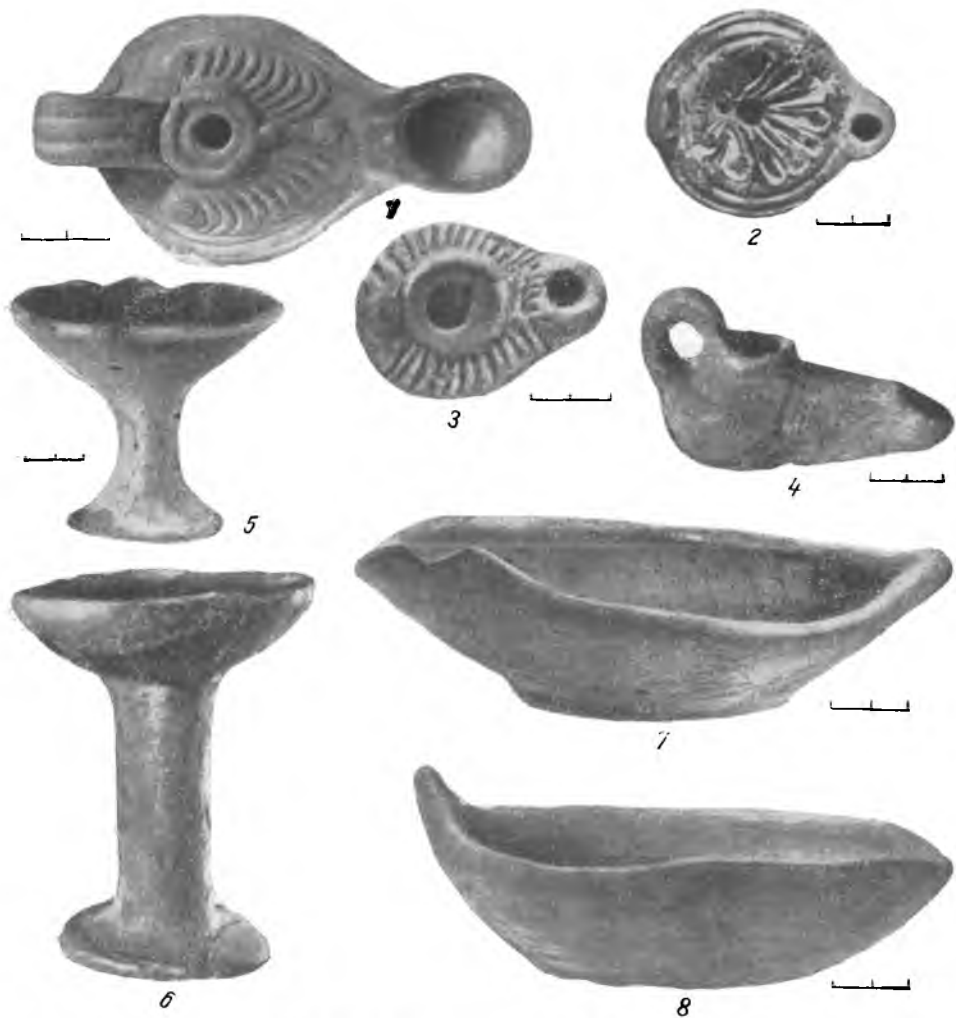

Рис. 17. Святильники III в. н. э. из поселения у дер. Семеновки:
1—3 — *оттиснутые в форме*; 4—8 — *лепные*

был сделан один большой дом с четырьмя помещениями и большим двором, образовавшимся из слияния трех длинных проходов. Эти перестройки отражали, по-видимому, изменения социально-экономического положения отдельных семей и свидетельствовали о росте социального неравенства среди жителей сельских поселений III в. н. э. Кроме различных размеров домов, об этом же говорят неравномерное распределение импортных вещей и сравнительно редкие находки привозной краснолаковой, серебряной или бронзовой посуды. Эти выводы подтверждаются материалами, полученными при исследовании других сельских поселений Боспора III в. н. э. Хотя все остальные поселения изучались значительно хуже, чем поселение у дер. Семеновки, полученные данные хорошо дополняют нарисованную выше картину.

Одно из поселений, подобных описанному, обнаружено на берегу Азовского моря у северной окраины дер. Ново-Отрадное (рис. 1, 3) ⁶². Поселение расположено на небольшом холме, на расстоянии 1,5 км к северо-востоку от северного конца оборонительного вала, начинающегося у Узунларского озера. Холм находится в настоящее время почти в 750 м от берега моря и в 500 м от впадающей в море речки Аджи-ели. Небольшие раскопки, проведенные на поселении ⁶³, выявили оборонительную стену, сооруженную, по-видимому, в I в. до н. э. и по размерам и по характеру кладки напоминающую оборонительную стену поселения у дер. Семеновки. С внутренней стороны к стене примыкали каменная вымостка и стены построек I в. н. э. с каменными сооружениями из стоящих на ребре каменных плит типа ларей, встречаемых и на поселении у дер. Семеновки. Так же, как и там, непосредственно над стенами I—II вв. н. э. лежат стены III в. н. э., сохраняя прежнее направление. Аналогичен и способ кладки стен из плохо обработанных камней, хотя на данном поселении применяются и новые строительные приемы — сочетание каменных стен с глинобитными.

К III в. н. э. на этом поселении относятся два расположенных рядом помещения с изолированными входами и смежной каменной стеной. Перед ними находился вымощенный каменными плитами двор или площадь. Планировка помещений и найденный в них бытовой инвентарь также сходны с планами и инвентарем домов из поселения у дер. Семеновки. Так, например, внутри каждого помещения, слева от входа были глинобитные прямоугольные печи, вблизи стояли каменные ступы. Одно из помещений, в котором было немного находок, по-видимому, было жилым, другое имело явно хозяйственное назначение. Там находились две прямоугольные

⁶² И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора..., стр. 237 сл.

⁶³ Раскопана площадь около 160 кв. м на верхнем плато холма и 43 могилы некрополя у подножья его. См.: Т. М. Арсеньева. Раскопки у дер. Ново-Отрадное в 1959 г. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 66 сл.; она же. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное. СА, 1963, № 1, стр. 192 сл.

ручные мельницы ⁶⁴, сельскохозяйственные орудия, рыболовный инвентарь, большие амфоры с зерном и много лепных сосудов. Кроме железной мотыги ⁶⁵ с утяжеленной верхней частью, являющейся пока единичным экземпляром, все другие предметы хозяйственного назначения имели прямые аналогии на поселении у дер. Семеновки и в других местах. Было найдено 15 амфорных ручек, которые использовались как грузила ⁶⁶, несколько маленьких и больших бронзовых рыболовных крючков ⁶⁷, обуглившиеся куски сетей из крученого шнура, обломок железной косы, садовый нож, краснолаковые сосуды и лепные горшочки с красной залощенной поверхностью. Из 40 монет, найденных на поселении, были две римских, одна херсонесская, остальные боспорские. Весь комплекс находок свидетельствует о том, что жители данного поселения принадлежали к тому же социальному классу, что и жители поселения у дер. Семеновки, так же как и они занимались земледелием и рыболовством и имели тесные торговые связи с боспорскими городами.

В 3 км к востоку от дер. Ново-Отрадное, на холме, чуть восточнее деревни Золотое на берегу моря было найдено поселение (рис. 1. 4), существовавшее одновременно с описанными выше. Оно занимало обширную площадь на вершине холма. Со стороны моря доступ к нему затрудняет довольно крутой обрыв берега (достигающий 5—7 м высоты). Со стороны суши имеется небольшой земляной вал. Возможно, что под ним скрыты остатки оборонительной стены, которые еще не раскапывались. На одном из покатых склонов холма находился некрополь. Его местоположение напоминает расположение некрополя на поселении у дер. Ново-Отрадное. Часть дома III в. н. э., обнаруженная раскопками, свидетельствует о том, что и здесь дома были каменными и не имели черепичных крыш. Стены зданий, как и на всех других поселениях, были из необработанных камней, положенных в два ряда. Пространство между плохо подогнанными камнями закладывали мелким бутовым камнем и щебенкой. Небольшие раскопки, проведенные в 1953 г., не позволяют говорить ни о его планировке, ни о характере отдельных жилищ. Но многочисленные находки из зольника, расположенного на краю городища, свидетельствуют о близком сходстве бытового инвентаря обитателей данного поселения с вещами, найденными при раскопках у дер. Ново-Отрадное. Встречаются те же типы крупных боспорских амфор с реберчатыми и гладкими стенками и лепных сосудов из глины с примесью мелкотолченой ракушки. Одинаковы формы грузил, сделанных из ручек амфор. Но количественное соотношение обломков лепных и краснолаковых сосудов на данном поселении было иным, чем на поселении у дер. Семеновки. На последнем, расположенном

⁶⁴ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора..., стр. 240, рис. 3.

⁶⁵ Там же, стр. 241; рис. 4, 1.

⁶⁶ Там же, стр. 242, рис. 5, 4.

⁶⁷ Там же, рис. 5—7, и стр. 243, рис. 5 а.

вдали от крупных городов Боспора, место столовой краснолаковой керамики частично занимали подражавшие ей лепные красноощенные сосуды. На поселении же у дер. Золотое встречалось значительно больше различных привозных краснолаковых сосудов, в том числе и малоазийского происхождения, тогда как красноощенных сосудов почти нет. Найдены здесь и терракотовые изображения сидящей богини в высоком головном уборе и даже обломок статуэтки с подвесными конечностями, не известные на поселении у дер. Семеновки, но широко распространенные в городах Боспора. Примерно в 2 км к востоку от поселения у дер. Золотое, в осыпях берегового обрыва обнаружены остатки еще одного поселения III в. н. э. с каменными стенами домов (рис. 1, 5).

На расстоянии около 1 км к востоку (рис. 1, 6), северо-западнее разрушенной дер. Сююрташ, в 1955 г. были проведены небольшие раскопки поселения первых веков нашей эры (известного как поселение в бухте у Золотого Восточного⁶⁸). Поселение это было расположено не на холме, а на склоне над бухтой, хорошо защищенной с запада, юга и востока высокой грядой холмов и только с севера открытой к морю. Оно возникло в I в. н. э. и существовало, вероятно, до IV в. н. э. Оно было известно еще А. А. Дирину, который владел этой территорией и раскапывал некрополь этого поселения в 1895 г.⁶⁹ А. А. Дирин отмечал наличие на этом поселении построек из дикого камня, зерновых ям, цистерн для воды и, кроме того, «на отлогом берегу моря груды золы, в которой много черепков, обломков, статуэток и битого стекла»⁷⁰.

Небольшой раскоп, заложенный в 1955 г. на склоне у бухты, обнаружил небольшую постройку из двух помещений (рис. 18). В одном из них находились остатки глинобитной печи и разбитой каменной ступы, стоящей около дверного проема, через который можно было проникнуть из большого прямоугольного помещения в небольшую, вероятно хозяйственную, пристройку, или дворик с закругляющейся стеной. Пол дворика был вымощен каменными плитами. Все стены сложены из необработанных камней, положенных в два ряда, с забутовкой между ними. Среди находок преобладали обломки реберчатых амфор; встречались черепки простой посуды, краснолаковых мисок, пифосов, лепных сосудов, светильников, стеклянных сосудов, а также пирамидальные грузила, пряслица и другие вещи.

Находки обломков черепиц свидетельствуют, что дома этого поселения наряду с глинобитными и соломенными крышами имели и черепичные, чего мы не встречали на описанных выше сельских поселениях. Кроме того, здесь найден кусок розовой цемянки, что, возможно, свидетельст-

⁶⁸ И. Т. Кругликова. Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря. СА, XXVIII, 1958, стр. 227 сл.

⁶⁹ А. А. Дирин. Мисс Зюк и сделанные на нем археологические находки. ЗООИД, т. XIX, 1896, стр. 126 сл.

⁷⁰ Там же.

вует о том, что поблизости находилась винодельня. По характеру находок это поселение очень близко поселениям у деревень Золотое и Ново-Отрадное. Раскопанное жилище находит прямые аналогии в домах поселения у дер. Семеновки, где также имелись постройки с дворами, стены которых были закруглены. Так же как и на поселении у дер. Семеновки, жизнь здесь продолжалась и в IV в. н. э., о чем свидетельствуют отдельные находки краснолаковых сосудов. Но раскапывавшиеся жилища прекратили свое существование еще в III в. н. э., вероятно в результате той же катастрофы, которая уничтожила и соседние поселения.

Примерно в 6 км к северо-востоку от данного поселения исследовалось еще одно поселение, близкое к нему по времени и типу (рис. 1, 7). Оно также было расположено вблизи моря на нескольких скалистых плато между скалами и впадавшей в море речкой, сейчас полностью высохшей. К северу от одного из плато на окраине поселения находятся три больших зольных холма. А. А. Дирин писал: «Против деревни Куль-Тэпэ, раскинувшейся недалеко от моря и прилегающей к южной стороне скалистой гряды, тянувшейся над морем, среди скал лежат большие холмы пепла,

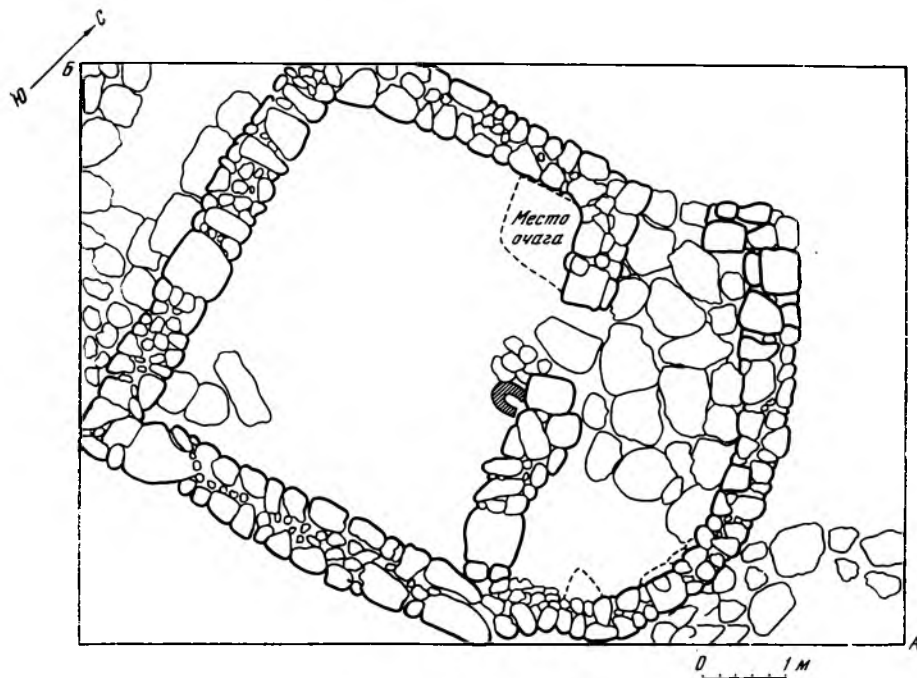

Рис. 18. План дома на поселении у бухты вблизи б. дер. Сююрташ (Золотое III)

в которых много черепков (попадают куски, покрытые черным лаком), битых стеклянных сосудов, по рассказам — монет. Холмы эти высотой от 2 до 6 сажен» ⁷¹. Холмы образовались или в результате сброса золы и мусора с более высокого места на лежащие ниже холмы, которые в дальнейшем оказались полностью засыпанными золой, битой посудой и мусором, или же вследствие длительного сноса золы в одно и то же место, почему в конце концов и возникли высокие холмы. Интересно, что подобное явление было обнаружено и у города Гераклия (мыс Казантип) ⁷². Там два высоких зольных холма (рис. 19) находились в стороне от поселения, остатки которого обнаружены на берегу моря. Зольники же находились вдали от моря, ближе к горе. Такое их расположение заставляет предполагать, что зольники имели какое-то особое значение, возможно связанное с культом, ибо в противном случае было бы проще сбрасывать золу и мусор с обрывистого берега в море.

Мощный зольник обнаружен также у поселения Золотое, где зола сбрасывалась с расположенного на возвышенном плато поселения вниз в сторону берега моря, хотя до самого моря зольник не доходил. Имелся зольник и на описанном выше поселении у бухты к северо-западу от разрушенной дер. Сююрташ и на поселении у дер. Семеновки. Там зола сбрасывалась с холма вниз по откосу. Но в обоих случаях значительных зольных холмов, как у Гераклия или у дер. Куль-Тэпэ, не найдено. Раскоп, заложенный на склоне одного из зольников в Куль-Тэпэ, показал, что зольник представляет собой типичную мусорную свалку, аналогичную по характеру найденной там керамики зольнику у Гераклия. Зола не исследовалась, но по внешнему виду напоминает золу от сгоревшего кирпича. Среди находок преобладают обломки реберчатых амфор III в. н. э. и лепных сосудов. Много черепков простой керамики, краснолаковых сосудов; есть обломки пифосов и кости животных. Поблизости от зольника, на возвышенности обнаружены следы культурного слоя III в. н. э. и остатки каменных кладок. В 500 м к западу, ближе к берегу моря, западнее высохшей речки, на высоком обрывающемся к морю плато в канавах заметны остатки каменных кладок и культурного слоя, тоже III в. н. э. Еще далее к западу сохранился колодец, выложенный камнем и, по-видимому, тоже относившийся к античному времени. Разведки выявили своеобразный характер данного поселения, а именно: отсутствие сконцентрированного в одном месте укрепленного природой или человеком поселения типа поселений, описанных выше. Здесь находились как бы отдельные усадьбы. Можно предполагать, что здесь мы видим результаты разрастания одной семьи, к которой некогда принадлежали владельцы отдельных домов.

⁷¹ А. А. Д и р и н. Указ. соч., стр. 126. Это поселение осталось неисследованным, ибо А. А. Диринов интересовался только некрополем, а могильника данного поселения ему найти не удалось.

⁷² И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения Боспора..., стр. 253.

Рис. 19. Зольник вблизи Гераклия (Казантипский полуостров)

Видимо, такая же картина была и на поселении у бухты к северо-западу от разрушения дер. Сююрташ, где постройки раскинуты на значительном пространстве у смежных бухт.

Что касается поселений у Семеновки, Ново-Отрадного, Михайловки Золотого и др., то, может быть, из-за особенностей их географического положения, они были в большей мере сконцентрированы и обнесены каменными стенами. Кроме того, они были крупнее. Возможно, что по отношению к таким двум типам поселений и применяли различные термины: *κῆμα* и *χωρίον*. Но, может быть, между ними были и более глубокие социальные различия, заключающиеся в различных формах землевладения, о чем мы пока не имеем данных.

Группа описанных выше поселений первых веков нашей эры, расположенных на берегу Азовского моря, дает нам представление о многочисленных прибрежных поселениях, жители которых сочетали занятие земледелием с рыболовством. Не случайно в зольниках этих поселений всегда встречается огромное количество створок мидий—морских ракушек,

широко употреблявшихся в пищу. Жизнь на берегу моря представляла значительные экономические выгоды, тем более что продукты рыболовства пользовались большим спросом и на внешнем и на боспорских городских рынках. В настоящее время известно значительно больше приморских поселений первых веков нашей эры, расположенных на территории европейской части Боспора. Мы охарактеризовали лишь одну их группу, наиболее близко расположенных друг к другу и лучше изученных.

Следует упомянуть еще ряд поселений, лежащих вдали от моря. Очень может быть, что некоторые из них при дальнейших исследованиях можно будет отождествить с каким-либо из названных Птолемеем и до сих пор не известных городов. Но пока по размерам, по внешнему виду строительных остатков, по характеру находок их можно считать поселениями, близко напоминающими поселения у Семеновки, Ново-Отрадного и др. Как уже указывалось выше, обращает на себя внимание факт диспропорционального распределения поселений первых веков нашей эры в приморской и в глубинной частях Керченского полуострова. Если на землях, удаленных от моря, остатки поселений, прекративших свое существование в период III—II вв. до н. э., очень многочисленны, то поселения первых веков нашей эры встречаются там сравнительно редко и обычно на холмах, которые легко укрепить и защитить.

Среди такого типа поселений представляет особый интерес поселение, расположенное в 4 км к юго-востоку от дер. Ново-Николаевки (рис. 1, 9)⁷³. Это поселение находится непосредственно на линии Узунларского вала. Для поселения был выбран один из примыкавших к валу холмов. Поселение перекрыло вал и вышло за его границы, в связи с чем были сооружены дополнительные укрепления, огибавшие поселение с запада. Время его основания пока еще неясно. Время гибели — то же, что и у большинства поселений европейской части Боспора. К поселению примыкают мощные зольники. Среди найденной в золе керамики преобладали обломки амфор, аналогичные найденным на поселении у дер. Семеновки. Кроме того, было много обломков краснолаковых мисок, простых боспорских сосудов, сделанных с помощью гончарного круга, и лепных сосудов. Несмотря на отдаленность от моря, здесь встречаются створки мидий, хотя и в небольшом количестве. По характеру находок данное поселение сходно с теми из описанных выше приазовских поселений, которые расположены ближе к центральным боспорским городам. Оно отличается от поселения у дер. Семеновки и тем, что здесь встречаются обломки черепиц,

⁷³ Это поселение в 1940 г. обследовалось Боспорской археологической экспедицией. См. предисловие к сборнику «Боспорские города» (МИА, № 25, 1952, стр. 10). Автор называет его городищем в районе бывшего хутора Пьялы Сарай. В 1962 г. там проводил небольшие разведочные раскопки Восточно-Крымский отряд под руководством И. Т. Кругликовой. Работами на данном поселении руководила Т. М. Смирнова.

а значит, имелись дома с черепичными крышами. О том, что данное поселение было богаче, свидетельствует значительно большее количество краснолаковых и стеклянных сосудов и отсутствие красноощенной посуды.

Примерно в 9 км к востоку от этого поселения у дер. Тасуново⁷⁴ было обнаружено поселение такого же типа (рис. 1, 15). Оно располагалось на скалистом холме и существовало с I по III в. н. э.⁷⁵ Вероятно, оно было укреплено, но небольшие размеры раскопок не позволили пока найти следов оборонительных стен. Стены домов были сложены из плохо обработанных камней различных размеров и формы. Щели между небрежно пригнанными камнями были забиты щебнем или заполнены землей. Строители применяли здесь те же приемы, что и на поселениях у Семеновки, Ново-Отрадного, Золотого и др. Очень редко встречались обломки черепиц; по-видимому, лишь незначительное число зданий на этом поселении имело черепичные крыши. Небольшие кусочки штукатурки и цемьянки свидетельствуют о наличии домов с оштукатуренными стенами и о применении цемьянки для полов или для виноделен и цистерн. Однако относились ли оштукатуренные дома к III в. н. э. или к более раннему времени, сейчас сказать трудно. Отдельные предметы, найденные при раскопках, аналогичны вещам, встречавшимся на поселении у Семеновки, Ново-Отрадного и др., что отражает сходство хозяйственного профиля и общность социально-экономического положения всех поселений. Одинаковы сосуды со сквозными отверстиями, служившие, вероятно, для производства сыра⁷⁶, костяные проколки, обычно называемые иглами для вязанья сетей⁷⁷, типы лепной посуды и светильников, а также характер привозных ремесленных изделий. Особенно интересны на этом поселении примитивно вылепленные женские статуэтки. Некоторые из них идентичны многочисленным лепным статуэткам богини из Семеновки⁷⁸, другие оттиснуты в формах и представляют стандартный тип сидящей богини в высоком головном уборе типа статуэтки, найденной в поселении у дер. Золотое⁷⁹. Находки эти говорят об одинаковых религиозных представлениях жителей всех этих поселений. Большие размеры данного поселения, его стратегическое положение, близость к оборонительному валу и находка там каменного ядра заставили В. Д. Блаватского и Д. Б. Шелова предположить, что оно

⁷⁴ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Разведки на Керченском полуострове. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 102 сл.

⁷⁵ Там же, стр. 109.

⁷⁶ Там же, стр. 105, рис. 41, 7; И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок поселения у дер. Семеновки, стр. 47, рис. 17, 5.

⁷⁷ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 105, рис. 41, 2; И. Т. Кругликова. Поселение у дер. Семеновки, стр. 76, рис. 29, 5.

⁷⁸ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 111, рис. 45, 4; И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок..., стр. 48, рис. 18, 3.

⁷⁹ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 110, рис. 44, 1; И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора..., стр. 241, рис. 4, 2.

представляло собой как бы двойник Илурата ⁸⁰. Не отрицая такой возможности, мы обращаем в то же время внимание на сходство его с другими поселениями европейской части Боспора — как с теми, о которых говорилось выше, так и с рядом укрепленных поселений, расположенных ближе к столице Боспора Пантикапею.

Среди последних следует отметить поселение у дер. Михайловки (рис. 1, 14), находящееся примерно в 3 км к юго-востоку от дер. Тасуново ⁸¹. Так же как и другие поселения первых веков нашей эры, оно расположено на холме, вблизи которого была холмообразная насыпь-зольник. К I в. до н. э. или к I в. н. э. относится сооружение его оборонительных каменных стен. Последние, как и на поселении у дер. Семеновки, были возведены непосредственно над остатками домов, разрушенных во II или в I в. до н. э. Помещения же III в. н. э. были расположены на насыпном грунте, который покрывал развалины построек I—II вв. н. э. Укрепления в III в., возможно, уже потеряли свое значение, хотя стены еще продолжали стоять и помещения были пристроены к ним с внутренней стороны. Стены домов были сложены из плохо обработанных камней. Черепица не применялась, полы были земляные и вымощенные каменными плитами. В III в. н. э. жизнь на поселении еще продолжалась, но слоя, соответствующего IV в. н. э., там уже не обнаружено. По-видимому, в это время поселение прекратило свое существование, как и большинство сельских поселений этого района.

Около 3,5 км к северо-востоку от поселения у дер. Тасуново и в 1,5 км от дер. Либкнехтовки ⁸² (рис. 1, 16) имеется еще одно поселение, существовавшее до III в. н. э. Оно сохранило отчетливые следы пожара, разрушившего его постройки в I в. н. э. В золе, среди углей и упавших камней стен найдены боспорские терракоты, рельефные краснолаковые сосуды, чернолаковые блюда и амфоры, свидетельствующие об экономическом расцвете поселения в I в. до н. э.—I в. н. э. Слои III в. были значительно беднее. Но характер находок, расположение поселения на холме, наличие большого зольника роднят его с описанными выше поселениями у деревень Семеновки, Ново-Отрадного, Михайловки и др.

Расположение такого типа поселений на высоких холмах не только повышало их обороноспособность, но и обеспечивало хорошую видимость и возможность передавать световые сигналы, предупреждая об опасности. К этому типу принадлежит еще ряд поселений, обнаруженных разведками, но не подвергавшихся раскопкам. Наиболее восточным является поселение у дер. Фронтное (1, 1) ⁸³. Там обнаружены следы земляного вала

⁸⁰ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 113.

⁸¹ Открыто сотрудником Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции ИА АН СССР В. В. Веселовым. Раскопки начаты в 1963 г. (см. Б. Г. Петерс Раскопки городища у с. Михайловка в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1963, стр. 119 сл.).

⁸² Открыто в 1959 г. В. В. Веселовым. Раскопки начаты в 1965 г.

⁸³ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 102, № 13.

и раскопано несколько могил первых веков нашей эры⁸⁴. Среди подъемного материала встречалась керамика I—III вв.

Другая группа поселений того же типа, ютившихся на высоких холмах, расположена к востоку от поселений у Михайловки и Тасуново. Эта часть Керченского полуострова как в предшествующую эпоху, так и в первые века нашей эры была заселена значительно плотнее. Поселения описываемого типа располагались довольно равномерно, на расстоянии 4—6 км одно от другого. Такое равномерное размещение укрепленных поселений в глубинной части европейской территории Боспора связано, вероятно, с тем, что они одновременно выполняли определенные стратегические функции: служили убежищами для жителей неукрепленных поселений, сигнальными постами в случае опасности и местом жительства воинов.

Поселение на высоком холме к северу от дер. Андреевки (рис. 1, 17) располагалось на искусственных террасах. У подножья холма сохранился колодец. Обнаружены каменные подиорные стены и кладки зданий, зольник и много керамики I—III вв. н. э.⁸⁵ Слои со следами пожарищ относятся к I и III вв. н. э. и свидетельствуют о двух катастрофах, которые пережило это поселение. По-видимому, оно прекратило свое существование в III в. н. э. в результате нападения врагов.

Менее чем в 6 км к востоку находилось другое поселение, расположившееся на высоком холме к западу от кургана Куль-оба. Там также видны каменные кладки стен, сохранился колодец и найдена керамика, относящаяся к периоду от III в. до н. э. до III в. н. э.⁸⁶ Около 4 км к северу от него (рис. 1, 21) и примерно в 2,4 км севернее пос. Октябрьского, на южном склоне холма, к северу от развалин дер. Туркмен⁸⁷ было такое же поселение с остатками каменных стен и колодцем. При осмотре его были найдены обломки сосудов первых трех веков нашей эры: зернотерки, грузила, куски пифосов и небольшой тарапан от домашней виноделии. Поселение это, вероятно, занимало площадь около 3—4 га. В 6 км к северу от него, севернее развалин дер. Кёзы⁸⁸, у колодца, на холме (рис. 1, 22) было небольшое поселение площадью около 1 га. Наиболее поздние находки на поверхности поселения относятся к III в. н. э. В полукилометре к западу от дер. Войково было еще одно поселение, существовавшее, судя по подъемному материалу, вплоть до III в. н. э.⁸⁹ В 5 км северо-восточнее, у дер. Бондаренково⁹⁰ было следующее поселение, а еще через 5,5 км к во-

⁸⁴ Раскопки ИА АН УССР. Еще не опубликованы.

⁸⁵ С. А. Семенов, В. Э. Кунин. Разведки на Керченском полуострове. АИБ, стр. 260, № 12. В 1965 г. на поселении проведены разведочные раскопки экспедицией под руководством автора. Работы вел Д. С. Кирилин.

⁸⁶ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 101, № 2; С. А. Семенов, В. Э. Кунин. Указ. соч., стр. 258, № 4.

⁸⁷ Разведки В. В. Веселова.

⁸⁸ С. А. Семенов, В. Э. Кунин. Указ. соч., стр. 261, № 18.

⁸⁹ Там же, стр. 259, № 7.

⁹⁰ В. В. Веселов. Разведки на Керченском полуострове. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 241.

стоку находилась Темир-гора, на склонах которой обнаружены мощные зольники и каменные кладки, свидетельствующие о находившемся здесь поселении, которое существовало, по-видимому, с III в. до н. э. по IV в. н. э.⁹¹ Ближе к Пантикапею, примерно в 4,5 км к юго-западу от него, на холме у хутора Восход (бывшая Джарджава) также обнаружены следы поселения первых веков нашей эры (рис. 1, 19).

К востоку от Узунларского вала были встречены и другие типы поселений первых веков нашей эры, а именно, не располагавшихся на высоких холмах и не имевших ясно выраженных укреплений. О некоторых из них, расположенных на берегу Азовского моря, мы уже упоминали. Их местоположение не всегда легко установить без проведения раскопок, но об их существовании свидетельствуют скопления керамики первых веков нашей эры. По-видимому, к этому второму типу поселений относились изолированные постройки типа вилл. Они концентрировались в восточной части Керченского полуострова, внутри территории, укрепленной Узунларским валом. Одна из таких вилл, лучше сохранившаяся благодаря тому, что она находилась на горе, на некультивируемом участке, была раскопана в 70-х годах XIX в. на Темир-горе. На основании отчета А. Луценко, время ее существования, судя по монетным находкам, относят к I—II вв. н.э.⁹² Однако сбор подъемного материала в районе Темир-горы дал много находок III в. н. э., и не исключена возможность, что вилла погибла в III в. н. э. Возможно, что подобные усадьбы существовали и в ряде других мест, где проведенные исследования обнаружили культурные слои I—III вв. н. э. незначительной мощности и на небольшой площади. Может быть, подобного типа памятники находились к юго-западу от дер. Марьевки⁹³, к юго-западу от дер. Огоньки⁹⁴, к северо-востоку от дер. Костырино⁹⁵. Скопления керамики первых веков нашей эры, часто сопровождаемые небольшими развалами камней, были обнаружены при разведочных работах и в крайней северо-восточной части Керченского полуострова у деревень Маяк, Капканы, Глазовка, Партизаны, а также вблизи Узунларского вала у деревень Державино и Тамарино⁹⁶. Однако остатков построек римского времени там не найдено.

⁹¹ В. В. Веселов. Разведки на Керченском полуострове, стр. 240, 241.

⁹² В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa rustica на Темир-горе, стр. 45 сл. и 59.

⁹³ На небольшой возвышенности в 1956 г. автором были проведены разведочные раскопки и открыт слой I—III вв.

⁹⁴ На небольшой возвышенности в 100 м от северного берега озера Тобечик, на краю деревни обнаружен золистый слой, относящийся к периоду с III в. до н. э. по III в. н. э., и остатки каменной вымостки III в.

⁹⁵ На мысу, выступающем в озеро Тобечик, имеется слой IV в. до н. э.—IV в. н. э. В. Ф. Гайдукевич при сборе подъемного материала обнаружил свидетельства существования на этом месте поселения с V в. до н. э. (В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 213).

⁹⁶ Разведки В. В. Веселова.

Подавляющая часть описанных выше сельских поселений обоих типов кончает свое существование в III в. н. э. Их постройки погибли в пожаре, а орудия труда, запасы продовольствия и домашняя утварь, оставленные в помещениях, свидетельствуют о неожиданности катастрофы. Лишь на некоторых поселениях жизнь вскоре вновь возродилась. На развалинах и под слоем пожарища кое-где возникают отдельные жилища — приюты уцелевших от разгрома семей. Недостатком рабочей силы и необходимостью срочного сооружения пристанища надо объяснить примитивность и грубость этих сооружений. На поселении у дер. Семеновки на холме, где завалы камней от множества обрушившихся построек и мощных оборонительных стен было под силу расчистить лишь большому коллективу людей, построек конца III—IV вв. н. э. не обнаружено. На склонах соседнего холма, где стояли изолированные постройки и камни от разрушившихся стен легко скатывались вниз, в конце III в. было построено новое здание. Открытое раскопками помещение было очень маленьким (около 7 кв. м) и имело неправильную форму. Углы его были скошены и закруглены; стены сложены из мелких необработанных камней на глине. Одна из стен была пристроена непосредственно к склону холма и как бы облицовывала его. У другой стены камни нижнего ряда стояли на ребре и сдерживали бут, заполняющий внутреннюю ее часть. Бросается в глаза небрежность кладки стен, возможно объясняющаяся отсутствием умения у строителей. Строить стены из крупных камней, из которых была сложена большая часть зданий предшествующего периода, было не под силу маленькому коллективу. Из развалин выбирали лишь мелкие камни. Специалистов-строителей тоже не было. Здесь обнаруживается не восстановление разрушенного поселения, а просто сооружение одного или нескольких изолированных домов.

Вероятно, то же самое было и на некоторых других поселениях, где найдены следы жизни IV в. н. э., например на поселении в бухте к западу от дер. Золотое. В конце III и в IV в. н. э. жизнь в сельских неукрепленных поселениях европейской части Боспора, по-видимому, только теплилась. Подавляющее большинство населения жило в городах, сельская территория была разорена, жители бежали, были перебиты или уведены в плен. Новое заселение земель началось уже после V—VI вв. н. э., когда на этой территории снова появляется целая серия неукрепленных поселений.

Поселения азиатской части Боспора

Несколько иначе развивается в позднеантичный период история сельских поселений азиатской части Боспорского царства. Археологические исследования выявили здесь значительно больше, чем в европейской части, сельских поселений, существовавших в III и в IV вв. н. э. На этих поселениях не зафиксированы катастрофические разрушения и четкие слои пожаров второй половины III в. н. э. В противоположность европей-

ской части Боспора, где в конце III и в начале IV в. н. э. жизнь на большинстве сельских поселений замирает, многие поселения азиатской стороны в это время оживляются⁹⁷ и даже возникают новые поселки⁹⁸ сельского типа. Может быть, это объясняется тем, что часть сельского населения европейских поселений Боспора в критический период второй половины III в. н. э. переселилась на другую сторону пролива. Не случайно при раскопках одного из поселений на Фанталовском полуострове исследователи обратили внимание на поразительное сходство планировки дома IV в. н. э., найденных там орудий труда и бытового инвентаря с помещениями на поселении у дер. Семеновки⁹⁹. Во второй половине IV в. н. э. поселения азиатской части Боспорского царства подверглись жестокому разрушению. Мощные слои пожарищ, а на одном поселении даже скелет убитого человека, свидетельствуют о нападении врагов¹⁰⁰, вероятнее всего гуннов. На территории азиатской части царства неукрепленных поселений первых веков нашей эры было значительно больше, чем на европейской. Однако и здесь в I в. до н. э. — I в. н. э. усиленно возводили оборонительные стены и валы вокруг существующих поселений, а иногда специально строили только небольшие крепости поблизости от поселений или непосредственно на поселениях, существовавших в позднеэллинистическое время¹⁰¹. Особенно четко прослеживается система таких крепостей в северо-западной части Таманского полуострова. Там их выявлено 10¹⁰². Н. И. Сокольский установил, что они расположены на расстоянии от 2,5 до 10 км одна от другой, но «как правило, так, что между соседними крепостями обеспечивалась зрительная связь»¹⁰³. Интересно, что для того же времени тот же принцип расположения укреплений отмечен нами в ев-

⁹⁷ В. Д. Б л а в а т с к и й. Пятый год работ в Синдике. КСИА, вып. 74, 1959, стр. 44, пос. Западно-Зеленское. На многих раскапывавшихся поселениях к концу III — началу IV в. н. э. относятся новые постройки: поселение «Двенадцатый километр», Пятиколодезное (В. Д. Б л а в а т с к и й. Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 120—125).

⁹⁸ Поселение «Десятый километр» (там же, стр. 119).

⁹⁹ Н. И. С о к о л ь с к и й. Крепость на городище у хутора Батарейка I. СА, 1963, № 1, стр. 187.

¹⁰⁰ Там же, стр. 188.

¹⁰¹ М. М. К у б л а н о в. К истории азиатского Боспора. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 215; Н. И. С о к о л ь с к и й. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 2290, стр. 61 сл.

¹⁰² Поселения были нанесены на археологическую карту, опубликованную К. Герцем. См.: К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. Н. И. Сокольский детально их обследовал, нашел следы крепостей и провел на некоторых из них раскопки. См.: Н. И. С о к о л ь с к и й. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г., стр. 101—104 и указанные ниже работы.

¹⁰³ Н. И. С о к о л ь с к и й. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. «Българска Академия на Науките. VI Conférence internationale d'études classiques des pays socialistes», София, 1963, стр. 2).

ропейской части Боспора. Это свидетельствует о единой системе обороны Боспора, осуществляемой боспорскими царями во второй половине I в. до н. э., а возможно, и в начале I в. н. э. Вероятнее всего, строительство этих сооружений надо связывать с грандиозными работами по укреплению боспорских границ, которые, судя по свидетельству Страбона ¹⁰⁴, осуществил Асандр, а может быть, продолжали и его преемники. Эти крепости отличались от укрепленных сельских поселений европейского Боспора меньшими размерами и тем, что их стены были сделаны из сырцовых кирпичей ¹⁰⁵ или просто из глины в виде валов. Это связано с отсутствием в данном районе строительного камня, в изобилии имеющегося на Керченском полуострове. Так же как и у укрепленных поселений в европейской части Боспора, основная функция крепостей к III — IV вв. была утрачена, но жизнь на их развалинах продолжалась.

Прежде чем перейти к характеристике отдельных сельских поселений азиатской части Боспора, следует остановиться на трех из них, которые Страбон называет «*κῆμναι*» и которые можно было бы взять за эталон при характеристике деревень. Они носили названия: Ахиллий ¹⁰⁶, Патрей, Корокондама ¹⁰⁷. К сожалению, локализация всех этих поселений предположительна.

Ахиллий, по словам Страбона, лежит у устья Меотиды, там, где пролив (Керченский. — И. К.) наиболее узок ¹⁰⁸. Его помещают в районе косы Чупки. Он либо находился на самой косе и в настоящее время покрыт морем, либо лежал у основания косы, вблизи хутора Ильичевка ¹⁰⁹. Там обнаружено поселение площадью около 12 га, существовавшее с позднеэллинистического времени по IV в. н. э. ¹¹⁰, и находившаяся на холме крепость, окруженная рвом и занимавшая площадь примерно 70×70 м ¹¹¹.

Вторую из названных Страбоном деревень — Патрей ¹¹² локализуют на северном берегу Таманского залива ¹¹³. Поселение там существовало

¹⁰⁴ Strabo, VII, 4, 6.

¹⁰⁵ Н. И. Соколовский. Крепость на городище у хутора Батарейка I. СА, 1963, № 1, стр. 190.

¹⁰⁶ Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 6; P. s. Agr., 69.

¹⁰⁷ Что касается деревень, упоминаемых Птолемеем (Бата, Ахея, Синда), то все они находились, по-видимому, уже вне Таманского полуострова.

¹⁰⁸ Strabo, VII, 4, 5, XI, 2, 6; см. также у Псевдо-Ариана (P. s. Agr., 69).

¹⁰⁹ А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г., «Труды этнографо-археологического музея I МГУ», № 3, М., 1927, стр. 34—35; Д. Б. Шелов. Городище около хутора Ильичевка. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 230.

¹¹⁰ Там же, стр. 228.

¹¹¹ Н. И. Соколовский. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г., стр. 103.

¹¹² Strabo, XI, 2, 8.

¹¹³ М. О. Пономчевый. Географический очерк Босфорского царства. «Кубанский сборник», т. II, Екатеринодар, 1891, стр. 28; В. Ф. Гайдукевич. Бос-

с VI в. до н. э. вплоть до IV в. н. э. и далее в эпоху средневековья. В первые века нашей эры оно значительно разрослось¹¹⁴. В I в. н. э. там была сооружена крепость с сырцовыми стенами и ров¹¹⁵. На поселении найдено несколько виноделен, в том числе две II—III вв. н. э., богато отделанные здания¹¹⁶, два клада монет, один из которых был зарыт в 70-х годах I в. н. э.¹¹⁷, второй — после 337 г. н. э.¹¹⁸

Корокондаму к числу деревень, кроме Страбона¹¹⁹, относят Псевдо-Арриан¹²⁰ и Стефан Византийский, использовавший данные Артемидора¹²¹. Некоторые исследователи предполагают, что она находилась на мысе Тузла¹²² и, возможно, в настоящее время уже смыта морем. В. Соколов, обследовавший это место в начале XX в., отмечал, что и тогда большая часть городища уже обрушилась в море. Он отмечает также, что «богатством построек оно не отличалось». Здесь не найдено архитектурных украшений, мрамора, которыми изобилует городище Тамани — город Гермонасса. На городище были видны ямы, фундаменты, сложенные из местного «дикаря», битая посуда, черепица и пр.¹²³ В. Д. Блаватский считает возможным отождествить с Корокондамой античное поселение, находящееся на расстоянии около 6,5 км к западу-юго-западу от станицы Таманской¹²⁴, но подтвердить это раскопками ему не удалось.

Эти скудные данные о боспорских деревнях азиатской части Боспора I в. до н. э. в том случае, если считать правильной их локализацию, позволяют нам представить их в виде обширных неукрепленных поселений. Крепости, построенные на таких поселениях в I в. до н. э., не меняли их

порское царство. М.—Л., 1949, стр. 203—204; А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. «Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина», т. XIII, вып. 2, М., 1950, стр. 145.

¹¹⁴ А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях..., стр. 138.

¹¹⁵ Н. И. Соколовский. Отчет о работах Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1964 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 2861, стр. 68 сл.

¹¹⁶ А. С. Башкиров. Раскопки Патрея в 1948—1951 и 1961 гг. Отчеты о раскопках хранятся в Архиве ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 165, 249, 374, 506, 661, 2386.

¹¹⁷ Ю. С. Крушкoл. Патрейский клад 1950 г. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 116 сл.

¹¹⁸ К. В. Голенко. Второй Патрейский клад монет. НЭ, I, 1960, стр. 223 сл.

¹¹⁹ Strabo, XI, 2, 8.

¹²⁰ P. S. A. g. g., 64.

¹²¹ Steph. Byz. Указ. слово.

¹²² В. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. ИТУАК, № 56—57, 1919, стр. 46; Н. П. Сорокина. Тузлянский некрополь. М., 1957, стр. 48.

¹²³ В. Соколов. Указ. соч., стр. 46.

¹²⁴ В. Д. Блаватский. Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 121.

общего характера. От городов, помимо правового положения, они отличались простотой оформления, более скромными постройками. Сам характер домов, число хозяйственных помещений тоже должны были отличаться от городских. Но на данных поселениях из-за их малой изученности мы этого проследить не можем.

К тому же разряду сельских поселений, существовавших в позднеантичный период, принадлежит еще ряд поселений, открытых на Таманском полуострове, древних названий которых мы не знаем. В северо-западной части Таманского полуострова исследовались пять таких поселений. Поселение у хутора Кучугуры на берегу Азовского моря существовало с IV в. до н. э. по IV в. н. э. Культурный слой занимает обширную площадь и прослежен на двух участках, отстоящих один от другого на расстоянии 1 км. Очевидно, поселение состояло из отдельных изолированных хозяйств. При строительстве домов III в. н. э. здесь был применен своеобразный строительный прием: кладка стен чередующимися слоями из плитняковых камней и глины¹²⁵. В I в. до н. э. или в I в. н. э. на поселении была сделана насыпь прямоугольных очертаний (примерно 140×110 м)¹²⁶, что, по-видимому, связано с постройкой крепости.

Поселение Красноармейское находится в 800 м к северу от станицы Запорожская, вдали от берега моря¹²⁷. Культурный слой тянется примерно на 0,5 км с востока на запад. Две зольные холмообразные насыпи на поселении заставляют нас вспомнить сельские поселения европейской части Боспора, для которых такие зольники очень характерны. В I в. до н. э. на поселении была построена крепость, сгоревшая и разрушенная в I в. н. э. На ее развалинах в позднеантичное время были сооружены жилища, свидетельствующие о том, что укрепления в этот период для сельских поселений значения не имели¹²⁸.

Раскопки, проводившиеся Н. И. Сокольским в поселении Батарейка I, находящемся на северном берегу Донского залива, немного западнее станицы Запорожской, открыли крепость, построенную в I в. до н. э. и сгоревшую в I в. н. э. За пределами крепости было сельское поселение¹²⁹, существовавшее со II в. до н. э. по IV в. н. э. и позже, в период средневековья. Площадь неукрепленного поселения достигала 27 га¹³⁰. В свежеспаханном слое, затронувшем главным образом слои III—IV вв.

¹²⁵ М. М. Кубланов. Указ. соч., стр. 204—212.

¹²⁶ Там же, стр. 212—217 (поселение Кучугуры II).

¹²⁷ Н. И. Сокольский. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р=1, д. № 2524, стр. 57—59.

¹²⁸ Н. И. Сокольский. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции в 1962 г., стр. 57—59.

¹²⁹ Н. И. Сокольский. К истории северо-западной части Таманского полуострова, стр. 20; о н же. Крепость на городище у хутора Батарейки I, стр. 179 сл.

¹³⁰ Н. И. Сокольский. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г., стр. 59.

и I—II вв. н. э., прослеживаются следы нескольких десятков жилищ, зольники, не менее восьми виноделен¹³¹. Найденные там прямоугольные жернова с конусовидным углублением аналогичны встречавшимся на поселениях европейской части Боспора. Поражает большое количество найденных там пифосов. В III в. н. э. на разрушенных сырцовых стенах крепости были сооружены жилища, погибшие в пожаре в IV в. н. э. Интересна конструкция печей, сложенных из сырцовых кирпичей и имевших прямоугольную форму, как и на поселении у дер. Семеновки. В одной из таких печей было найдено 100 лепешковидных рыболовных грузил, часть которых еще не успели обжечь. В помещении IV в. н. э. был найден железный сошник, аналогичный наконечникам плугов из Семеновки, и другие орудия¹³². Каменная ступа, жернов, обугленные зерна ячменя, пшеницы и ржи, хранившиеся в амфорах и лепных горшках, многие формы сосудов — все это является прямыми аналогиями найденным на поселении у дер. Семеновки. Но здесь, кроме того, были обнаружены краснолаковая посуда IV в. н. э. и монеты, свидетельствующие о том, что данное поселение относится уже к следующему — IV — веку. Здесь полностью отсутствовали сосуды с краснолаковой поверхностью, но встречались сероглиняные с черным лощением. Крыши помещений, по-видимому, были соломенными или камышовыми¹³³.

Еще одно поселение такого же типа находилось в 3 км к западу от станции Запорожской, посреди современного села Батарейка¹³⁴. Здесь также имелось неукрепленное поселение с холмообразным зольником и небольшой крепостью. Следы виноделен, сосуды с отверстиями для приготовления молочных продуктов, множество обломков пифосов свидетельствуют о сельскохозяйственном характере поселения. Так же как и предыдущее, оно существовало вплоть до IV в. н. э.

На противоположном берегу Донского залива, на берегу моря находилось последнее из исследовавшихся в этом районе позднеантичных поселений, так называемая Каменная Батарейка¹³⁵. И здесь было неукрепленное поселение, растянувшееся на площади около 13—15 га, два холмообразных зольника и небольшая крепость, занимавшая всего $\frac{1}{4}$ га¹³⁶. При обследовании вспаханного слоя на месте поселения были обнаружены следы трех виноделен, найдена масса обломков пифосов, сосудов со сквозными отверстиями и других бытовых вещей, свидетельствующих об одина-

¹³¹ Н. И. Сокольский. К истории северо-западной части..., стр. 20.

¹³² Там же, стр. 188, рис. 7.

¹³³ Там же, стр. 187.

¹³⁴ Н. И. Сокольский, руководивший раскопками, назвал это поселение Батарейка II. См.: Н. И. Сокольский. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции в 1962 г., стр. 94—101.

¹³⁵ К. Герц. Указ. соч., стр. 110.

¹³⁶ Н. И. Сокольский. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции в 1962 г., стр. 104.

ковом образе жизни и занятиях обитателей данного поселения и жителей поселений, описанных выше. Здесь обнаружены следы жизни с эпохи позднего эллинизма до средневековья. В интересующий нас позднеантичный период поселение жило интенсивной жизнью, но укрепления уже потеряли свое значение, на развалинах сырцовых крепостных стен были вырыты хозяйственные ямы ¹³⁷.

Большое число сельских поселений, существовавших в III и IV вв. н. э., было обнаружено в юго-западной части Таманского полуострова ¹³⁸. По-видимому, они не имели оборонительных укреплений. Большинство поселений, на которых был слой первых веков нашей эры, продолжало существовать и в III—IV вв. н. э. На Бугазском поселении, находившемся на южном берегу Таманского полуострова в 15 км к юго-востоку от станицы Таманской, обнаружены каменные фундаменты стен и ямки для столбов, поддерживавших крышу позднеантичного здания ¹³⁹. На поселении, лежавшем к востоку от хутора Яхново, на южном берегу Цукурского лимана в слое III—IV вв. были остатки каменной вымостки из рваных плитняковых и необработанных камней ¹⁴⁰. Слой этого времени имелся и на Западно-Цукурском поселении ¹⁴¹. К западу от указанных поселений на распаханном поле исследовались поселения Западно-Зеленское и Северо-Зеленское ¹⁴², находившиеся на расстоянии 900 м одно от другого. На обоих имелся слой III—IV вв. н. э., но никаких строительных остатков этого времени не обнаружено.

Немного северо-западнее этих поселений, у берега моря находилось упомянутое выше поселение, отождествляемое В. Д. Блаватским с Корондоймой (Пятиколодезное—рис. 1, 42) ¹⁴³. Оно расположено на холме и на его склонах и существовало уже в VI—V вв. до н. э. В наиболее поздних его античных слоях обнаружены винодельня конца II или III в. н. э. и

¹³⁷ Н. И. Сокольский. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции в 1962 г., стр. 104 сл.

¹³⁸ См.: В. В. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. ИТУАК, № 56; А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г.; А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, 1931, № 1; 1932, № 7—8; А. А. Иессен, А. А. Миллер. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, 1932, № 11—12. Результаты работ Синдской археологической экспедиции под руководством В. Д. Блаватского с 1950 по 1954 г. опубликованы в КСИИМК, вып. 48, 51, 58, 70, 74, в «Вестнике АН СССР», 1951, № 10. Ссылки на соответствующие выпуски приводятся ниже.

¹³⁹ В. Д. Блаватский. Второй год работ Синдской экспедиции. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 152.

¹⁴⁰ В. Д. Блаватский. Третий год работ в Синдике. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 94.

¹⁴¹ Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 162; он же. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 99.

¹⁴² В. Д. Блаватский. Пятый год работ в Синдике, стр. 41—46.

¹⁴³ В. Д. Блаватский. Четвертый год раскопок в Синдике, стр. 121.

остатки зданий III и IV вв. н. э.¹⁴⁴ Существование винодельни говорит о сельскохозяйственном профиле поселения. Одинаковая ориентация стен зданий на разных участках и в различные периоды¹⁴⁵ свидетельствует о твердой планировке поселения.

В 12 км к востоку от станицы Таманской, на берегу моря, на одной из спускающихся к морю террас были проведены раскопки поселения «Двенадцатый километр»¹⁴⁶. Там обнаружены каменная вымостка и цоколь стены III в. н. э. и остатки здания, существовавшего в конце III—IV в. н. э. В этом же слое были найдены обломки глиняных сосудов с отверстиями и обломки жерновов ручных мельниц, т. е. вещи, чаще всего встречаемые на сельских поселениях. Найденная черепица заставляет предположить, что на поселении имелись здания, крытые черепицей¹⁴⁷.

В 2 км к западу от этого поселения, также на нижней береговой террасе на площади около $\frac{1}{3}$ га было обнаружено скопление античной керамики. При раскопках на этом участке, названном «Десятый километр»¹⁴⁸, было установлено, что поселение возникло здесь в позднеантичное время. Характер этого поселения определить пока не удалось.

Даже небольшие разведки, проводившиеся в юго-восточной части Таманского полуострова в окрестностях Анапы и по нижнему течению Кубани, позволили открыть ряд поселений, существовавших там, судя по отдельным предметам, найденным на поверхности, в III в. н. э. Но поскольку археологические раскопки не производились и время гибели поселений не установлено, неизвестно, дожили ли они до IV в. Лишь на одном из них, расположенном вблизи станицы Раевской, производились систематические исследования¹⁴⁹. Однако слои позднеантичного времени оказались сильно попорченными, а камни стен выбраны. Все же о существовании поселения в III—IV вв. н. э. свидетельствуют отдельные предметы: боспорская монета-статер IV в. н. э. и три серебряные монеты, явившиеся варварскими подражаниями римским денариям, обломки амфор, краснолаковых и других сосудов III—IV вв. Возможно, к III в. следует относить и свинцовую гирию, аналогичную гириям из поселения у дер. Семеновки. Несмотря на наличие на Раевском городище отдельных предметов IV в. н. э., вопрос о том, принадлежало ли оно в это время Боспор-

¹⁴⁴ В. Д. Блаватский. Четвертый год раскопок в Синдиксе, стр. 125—127.

¹⁴⁵ Там же, стр. 126.

¹⁴⁶ Там же, стр. 119.

¹⁴⁷ Там же, стр. 120—121.

¹⁴⁸ Там же, стр. 119.

¹⁴⁹ В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, ч. II, М., 1889, стр. 112; Н. В. Анфимов. Отчет о работе Восточно-Синдской экспедиции в 1952 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 730, стр. 41; В. Д. Блаватский. Исследования Раевского городища в 1954 г. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 49; Н. А. Онайко. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг. Там же, стр. 56; она же. Раскопки Раевского городища в 1962 г. КСИА, вып. 103, 1963, стр. 125 сл.

скому царству, остается открытым. Также неясен вопрос и о поселении близ хутора Красно-Батарейного. Находившееся там городище было связано с целой системой оборонительных сооружений. Там имелся укрепленный акрополь или крепость с остатками каменных фундаментов зданий, отделенная от остального городища рвом. Городище в свою очередь было обнесено крепостной стеной, валом и рвом¹⁵⁰. Продолжали ли они функционировать до IV в. — неизвестно. Вещи, датируемые II и III вв. н. э., на городище имелись, в том числе плита с именным знаком Тиберия Юлия Евпатора и монеты боспорских царей от Рискупорида I до Рискупорида III¹⁵¹. Может быть, это поселение, как и Горгиппия, уже в III в. н. э. оказалось отторгнутым от Боспора? Для окончательного ответа на этот вопрос нужны дополнительные исследования.

Против станицы Варениковской на правом берегу Кубани Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. обнаружила укрепленное поселение римского времени, находящееся на возвышении и окруженное с двух сторон рвом, а с двух других — обрывом. Оно занимало площадь 500×200 м. Его центральная часть была отделена от остального городища еще одним рвом, образуя распространенный в Предкавказье тип укрепления с двойным рвом¹⁵². Тогда же были зафиксированы небольшие укрепленные поселения римского времени в 5 км к востоку от станицы Вышестеблиевской и в 1,5 км к северо-западу от курганов Близицы (рис. 1, 48 и 53)¹⁵³.

К северо-востоку от Горгиппии, вблизи станицы Гастогаевской находится еще одно укрепленное городище, окруженное каменными оборонительными стенами и рвом. Собранный на поверхности подъемный материал относится к III в. н. э., но в выбросе из ямы имелись обломки боспорской черепицы и амфор, свидетельствующие о том, что поселение на этом месте существовало и в предшествующий период. Возможно, здесь было одно из пограничных боспорских поселений, хорошо укрепленное в силу особенностей его местоположения. Необходимость укреплять поселения этого района, по-видимому, стала особенно ощутимой в конце I в. до н. э. и в первые века нашей эры, но укрепления существовали и позже. К западу от станицы Гастогаевской, в Суворово-Черкасском, на северном берегу Витязевского лимана, на выступающем мысу в 1931 г. было обнару-

¹⁵⁰ Н. А. Захаров. Вновь найденная плита со знаком из района кубанских плавень. «Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии», т. I (III), вып. 5—6, 1929, стр. 9, 10; Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 45—47. Н. В. Анфимов предполагает, что здесь был боспорский город Гаргаза.

¹⁵¹ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев 1959, стр. 54, № 6. Автор приводит выдержки из архивных материалов.

¹⁵² А. А. Иессен, А. А. Миллер. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 59.

¹⁵³ Там же. стр. 58—59.

жено укрепленное городище, на котором преобладала керамика римского времени ¹⁵⁴. Вблизи Горгииппи, на восточной окраине современной станции Анапской обнаружено укрепленное поселение Батарейка площадью около $\frac{1}{7}$ га ¹⁵⁵. Судя по подъемному материалу, оно существовало в I в. до н. э. и в первые века нашей эры. Недалеко от него, вблизи хутора Рассвет в 1964 г. была обнаружена укрепленная усадьба I в. до н. э. — I в. н. э. ¹⁵⁶

Таким образом, в юго-восточной части Боспорской территории, близкой к границам государства, заметно вновь стремление укреплять поселения. Меньшая изученность данного района не позволяет установить точное время возведения этих укреплений, но, по-видимому, до III в. н. э. они существовали. Наряду с укрепленными поселениями в этом районе в римское время было много и неукрепленных. Такого типа поселение, существовавшее с позднеэллинистической эпохи до III в. н. э., было обнаружено на высоком восточном берегу Витязевского лимана у хутора Капустин, над водокачкой ¹⁵⁷. При разведках в 1927 г. здесь в верхнем позднеантичном слое было обнаружено много сероглиняной, по-видимому, лепной посуды и обратило на себя внимание большое количество рыбных костей ¹⁵⁸, что резко отличало этот слой от нижнего, содержавшего раннегреческий материал.

Северо-западнее этого поселения у дер. Юровки также на вспаханном поле сохранились следы поселения, существовавшего с VI в. до н. э. по III в. н. э., но следов укреплений здесь незаметно. Перечень поселений, найденных при разведочных работах и не подвергавшихся раскопкам, можно было бы значительно увеличить. Разведки А. С. Башкирова в 1926—1927 гг. и Таманской экспедиции ГАИМК в 1931—1932 гг. обнаружили большое число поселений римского времени по берегам Кизилташского и Витязевского лиманов ¹⁵⁹ и к северу от Ахтанизовского лимана. Среди них были и описанные выше укрепленные городища и

¹⁵⁴ А. А. Иессен, А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 60.

¹⁵⁵ Около 500 м южнее километрового столба 14/15, находящегося на шоссе Анапа—Тоннельная, на левом берегу реки Анапки, на мысу высокой террасы у балки Усатовой. См.: Н. В. А н ф и м о в. Отчет о работе Восточно-Синдской экспедиции за 1952—1953 гг. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 817, стр. 23—24. Повторно обследовалось сотрудником Анапской экспедиции В. В. Веселовым в 1962 г.

¹⁵⁶ Раскопки Московского областного педагогического института под руководством Ю. С. Крушкол. Еще не опубликованы.

¹⁵⁷ Оно обследовалось Анапской экспедицией в 1962 г. При повторном посещении в 1964 г. оказалось полностью уничтоженным.

¹⁵⁸ В 1927 г. это поселение обследовала экспедиция во главе с А. С. Башкировым. См.: А. С. Б а ш к и р о в. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. ТСАРАНИОН, 1928, стр. 76. В 1931 г. это же поселение отмечено Таманской экспедицией. См.: А. А. Иессен, А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 60.

¹⁵⁹ А. А. Иессен, А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 61.

небольшие, вероятно типа хуторов, а иногда и довольно большие поселки.

Очень интересны выводы А. А. Миллера о ряде общих черт в планировке и типах оборонительных сооружений городищ римского времени на Таманском полуострове и городищ Нижнего Дона¹⁶⁰. Действительно, обращает на себя внимание тот факт, что в низовьях Дона в I в. до н. э. и в I в. н. э. возникла целая сеть укрепленных городищ, которые существовали до III в. н. э. Они располагались всегда на возвышенных местах — на мысу высокого берега или на холме. Для них характерны глинобитные сооружения; на некоторых, например на Сухо-Чатырском поселении, имелся укрепленный акрополь, где сохранились остатки каменных стен, а рядом через ров — неукрепленное поселение с глинобитными домами.

Почти одновременное возникновение укреплений в европейской части Боспорского царства, в его азиатской части и в низовьях Дона можно объяснить лишь серьезными передвижениями соседних с Боспором племен и социально-экономическими изменениями, происходившими в варварском мире. Не только боспорский царь принужден был заботиться об обороне границ своего царства, но и варварские племена Нижнего Дона не были в безопасности на неукрепленных поселениях.

Все эти поселения продолжали, как правило, существовать и в III в. н. э., но лишь поселения азиатской части Боспора продолжали процветать и позднее. Они, судя по описанным выше поселениям Таманского полуострова, жили полной жизнью и в III, и в IV вв. н. э. Большинство из них представляло собой крупные неукрепленные поселки, занимающие обширные территории. Существовали и небольшие поселки, состоявшие из одной-двух или из группы изолированных усадеб. Наличие зольных холмообразных насыпей роднит эти поселения с их европейскими соседями. На одинаковое социальное положение и экономический уровень жизни и занятий их обитателей указывает сходство бытового инвентаря, находимого на поселениях. Можно, однако, заметить и имеющиеся между ними различия. Большое число виноделен на поселениях Таманского полуострова позволяет предположить большую роль виноградарства в хозяйстве местных жителей. В прибрежных поселениях виноградарство сочетается с рыболовством, а также хлебопашеством и скотоводством. Виноделие сохраняет свою роль и в хозяйстве глубинных поселений. В европейской части Боспорского царства виноделие было распространено лишь в окрестностях крупных городов и связано с усадебным хозяйством рабовладельцев. В отдаленных сельских поселениях занимались хлебопашеством и скотоводством, а на берегах моря — еще и рыболовством. Уже упоминалось о бросающемся в глаза различии планировки поселений этих

¹⁶⁰ А. А. М и л л е р. Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, 1931, № 1, стр. 28.

двух частей царства, что связано с особенностями их внешнеполитического положения на рубеже нашей эры. Близость территории крымских скифов, трудность обороны растянутых северо-восточных границ, постоянный натиск сарматов и других кочевых северопричерноморских племен, которые часто нападали на неукрепленные деревни европейской части Боспора и грабили их, заставляли боспорских правителей и само население заботиться об укреплении поселений, что облегчалось обилием камня и наличием на Керченском полуострове холмов.

Другим было положение азиатского Боспора и особенно его западной части. Там необходимо было укреплять лишь пограничные поселения, а в некоторых случаях можно было ограничиться сооружением крепостей. Различие в положении этих двух частей государства привело и к различной судьбе их сельских поселений в позднеантичное время, на что уже указывалось выше.

Сельское население

Ознакомившись с характером сельских поселений обеих частей Боспорского царства, естественно поставить вопрос о том, кто жил в этих поселениях. Постараемся ответить на него, опираясь на материалы раскопок сельских поселений европейской части.

Судя по инвентарю, находимому в помещениях (орудиям труда, оружию, большому количеству монет), и специальным отделениям для скота, жилища, открытые на поселении у дер. Семеновки, принадлежали свободным земледельцам. То же самое можно сказать и о населении поселка у дер. Ново-Отрадное. Там, в одном из помещений III в. н. э., погибшем от пожара, вместе с железными сельскохозяйственными орудиями (мотыга, ножи и др.), двумя каменными зернотерками, ступой и орудиями рыбной ловли (крючки, сети) найдены наконечник копья, части лошадиной сбруи (колокольчики), монеты и украшения. Набор всех этих вещей в одном помещении может быть доказательством того, что хозяин его был свободным и сам работал на земле, сам рыбачил. В обмен на продаваемые продукты он получал деньги, что свидетельствует о товарно-денежном характере его хозяйства. Поскольку набор бытовых вещей, находимых во всех поселениях, очень однотипен, так же как характер жилищ и их оформление, есть основание полагать, что все эти поселения принадлежали свободным земледельцам, возможно, обязанным платить подати боспорскому царю и нести определенные военные обязанности в виде компенсации за пользование землей. Одинаковый социально-экономический уровень обитателей таких поселений подтверждается и характером их погребений. Раскопки некрополей поселений у деревень Ново-

Отрадное ¹⁶¹, Семеновка ¹⁶², Кыз-Аул ¹⁶³ и поселения в бухте к северо-западу от бывшей дер. Сююрташ ¹⁶⁴ выявили сходные типы могил и одинаковый инвентарь.

В некрополе у дер. Кыз-Аул (современное Яковенково) из 12 могил, поддающихся датировке и относящихся к первым векам нашей эры, лишь одна была грунтовой, покрытой каменными плитами. Все остальные принадлежали к типу плитовых могил, с земляными полами и каменными перекрытиями. В некрополе того же времени у дер. Семеновки было три ящикообразные и две грунтовые могилы, перекрытые плитами. На поселении в бухте к северо-западу от бывшей дер. Сююрташ А. А. Дирин раскопал 40 гробниц, высеченных в известковой скале и покрытых грубо обтесанными плитами, и 20 подбойных могил ¹⁶⁵. Имелись там и могилы со стенками и перекрытиями из каменных плит ¹⁶⁶.

Характерной чертой всех этих могильников являются коллективные погребения, т. е. использование одной и той же могилы в течение длительного времени для повторных захоронений. Число погребенных в одной могиле было различным. Иногда можно насчитать восемь (в Кыз-Ауле) и даже девять костяков в одной могиле (в Ново-Отрадном). В Семеновке это число не превышало четырех. Так же характерны покрытие земляного дна могил морским песком и ориентировка погребений: головой на восток или юго-восток. Только в единичных случаях встречаются костяки, лежащие головой на запад и северо-запад (три случая в Ново-Отрадном и один в Семеновке). Инвентарь всех этих могильников очень схож. Одинаковы формы краснолаковых сосудов ¹⁶⁷ и украшений. Очень много бус, различных пронизей и подвесок, в том числе из египетской пасты в виде фигурок, львов, скарабеев, руки. Встречаются одни и те же типы фибул, проволочных сережек, бронзовых браслетов. Концы некоторых из этих браслетов заканчиваются шишечками (рис. 20, 4) или постепенно утолщаются и заходят один за другой (рис. 20, 3). Иногда, наоборот, концы расплющены и украшены точечным или резным орнаментом (рис. 20, 1, 2). У некоторых проволочных браслетов тонкие концы переплетаются и закручены ¹⁶⁸ (рис. 20, 5). Встречаются перстни с сердоликовыми

¹⁶¹ Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени..., стр. 192—203.

¹⁶² Раскопки Восточно-Крымского отряда в 1961—1962 гг.

¹⁶³ В. Д. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 187—215.

¹⁶⁴ А. А. Дирин. Указ. соч., стр. 126 сл.

¹⁶⁵ А. А. Дирин. Указ. соч., стр. 126—128.

¹⁶⁶ В. В. Шкорпил. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи. ЗООИД, т. XXI, стр. 8.

¹⁶⁷ А. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 189, рис. 57; стр. 200, рис. 73; Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени..., стр. 193, рис. 1; стр. 198, рис. 7.

¹⁶⁸ Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени..., стр. 194, рис. 2; стр. 201, рис. 9.

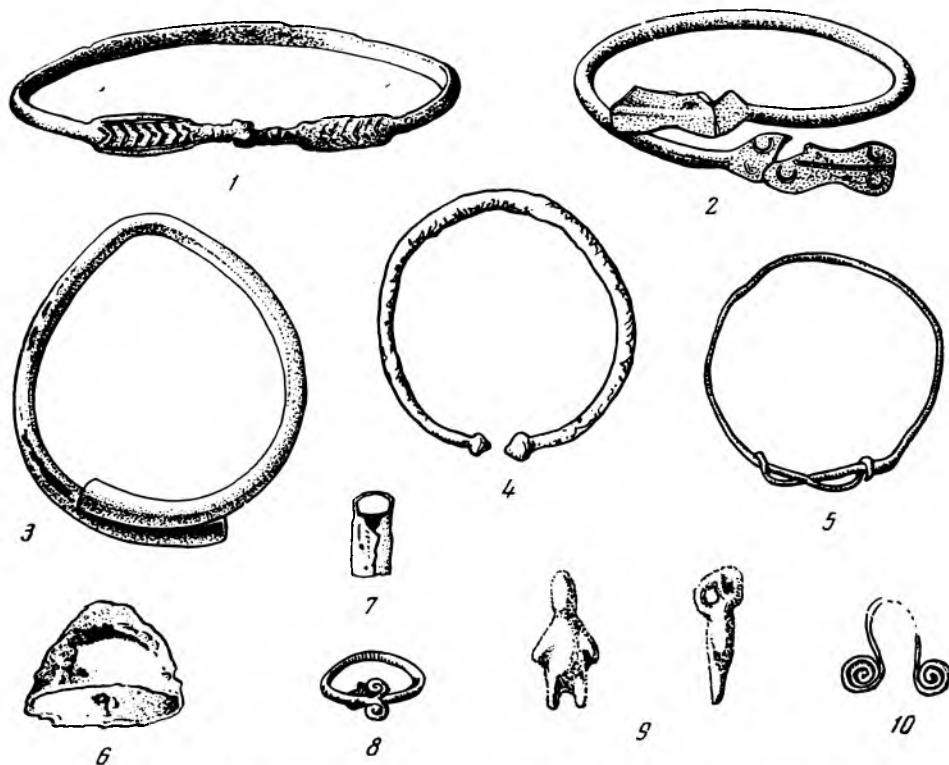

Рис. 20. Бронзовые вещи из могильника поселения у дер. Семеновки:

1—5 — браслеты, 6, 7 — колокольчики, 8 — кольцо, 9 — антропоморфная подвеска;
10 — очковидная подвеска

и стеклянными вставками¹⁶⁹ (рис. 21), бронзовые зеркала. Очень интересны бронзовые антропоморфные фигурки-подвески¹⁷⁰ (рис. 20, 9), бронзовые колокольчики (рис. 20, 6, 7)¹⁷¹, спиральные очковидные подвесоч-

¹⁶⁹ Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени..., стр. 195, рис. 3.

¹⁷⁰ Антропоморфные подвески находили в Чернореченском могильнике и в грунтовом некрополе Неаполя Скифского (В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 127, табл. VI, 4 и стр. 128; Э. А. Сыманович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, № 4, стр. 147, могила 18); они встречались и в некрополе Кыз-Аул (В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 203, могила № 11; стр. 204, могила № 12).

¹⁷¹ Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени..., стр. 203; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 205; Д. Б. Ше-

Рис. 21. Перстень с сердоликовой геммой
из могильника поселения
у дер. Семеновки

ки ¹⁷² (рис. 20, 10) из бронзовой проволоки, найденные в Ново-Отрадном и у дер. Семеновки, а также выполненные в том же стиле перстни с раздваивающимися концами, закрученными двумя спиралями (рис. 20, 8) из Семеновки ¹⁷³. И формы могил и их инвентарь имеют прямые аналогии в других могильниках Крыма первых веков нашей эры, в том числе в грунтовом могильнике Скифского Неаполя, в некрополе у с. Заветное, что также заставляет считать эти могильники принадлежавшими свободным боспорским земледельцам, этнический состав которых был различен. Устройство подбойных могил, деформация черепов, обычай класть в могилы разбитые зеркала и колокольчики свидетельствуют о том, что среди погребенных были и сарматы, входившие в число жителей поселений. А. А. Дири

л о в. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961, стр. 78, табл. XXXIX, 5, 6; Н. О. Б о г д а н о в а. Могильник I ст. до н. э. — III ст. н. э. біля с. Завітне, Бахчисарайського району. «Археологія», XV, 1963, стр. 105.

¹⁷² Такие подвесочки найдены в могильнике у Ново-Отрадного (Т. М. А р с е н ь е в а. Некрополь римского времени..., стр. 198), у дер. Семеновки. Аналогичные были найдены в Поднепровье (А. В. Б о д я н с к и й. Археологические находки в Днепровском Надпорожье. СА, 1960, № 1, стр. 274 сл., рис. 1—3, рис. 4, 10), в Прикубанье (Н. В. А н ф и м о в. Тахтамукаевский могильник. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II, Майкоп, 1961, стр. 200 и табл. III, 11). Очень близкие аналогии очковидным подвескам со спиралями находят в могильниках Кавказа середины I тыс. до н. э. (Е. И. К р у п н о в. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунджи. «Тр. ГИМ», вып. XVI, 1947, стр. 28, рис. 24, 24, 25; о н ж е. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XLVII, 6).

¹⁷³ Подобного типа перстни найдены в Крыму в некрополе у с. Заветного (см.: Н. О. Б о г д а н о в а. Указ. соч., стр. 101) и в Средней Азии (С. А. Т р у д н о в с к а я. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-Кала. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, табл. III, 3).

в некрополе поселения, находившегося вблизи дер. Сююрташ, наряду с 40 высеченными в скале ящикообразными могилами вскрыл 20 подбойных. Они также датируются первыми веками нашей эры. В большинстве могил этой группы встречались сосуды такого же типа, как и в гробницах первой группы¹⁷⁴. Но в противоположность первой группе здесь встречаются пряжки и мечи. Один сосуд из этих могил очень напоминает горшочки с резным орнаментом¹⁷⁵, известные из сарматских погребений Полюжья и Южного Приуралья¹⁷⁶, а также и на Боспоре, где они относятся к III в. н. э.¹⁷⁷ По-видимому, в одной из этих могил была найдена боспорская монета Рискупорида V (262/263—275/276 гг. н. э.), которая позволяет датировать всю группу могил III в. н. э. Не противоречат этой дате и найденные в могилах золотые кольца со вставленными круглыми сердоликовыми камнями, стеклянные позолоченные бусы и керамика. По-видимому, число сарматов среди жителей поселений к III в. н. э. значительно увеличилось, но проникновение их на боспорские земли было постепенным. Как параллельный процесс происходила ассимиляция сармат и сарматизация местного, жившего здесь раньше, населения. Поэтому как на материале из культурных слоев поселения, так и на материале некрополя не всегда можно четко разграничить этнические группы населения.

В. Ф. Гайдукевич основную массу материала, найденного в погребениях у дер. Кыз-Аул, датирует I—II вв. н. э. и считает, что «вещей с ясно выраженными признаками, требующими отнесения их к III в. н. э., очень немного»¹⁷⁸. Т. М. Арсеньева также лишь три могилы относит к III в. н. э. и три — к II—III вв.¹⁷⁹ Надо, однако, учитывать, что могилы с коллективными захоронениями могли содержать разновременные погребения и даже не обязательно сделанные в течение одного столетия. К тому же в них часто клали вещи, служившие уже в течение долгого времени. В могилах, открытых у Семеновки, содержались предметы, аналогичные находимым и в новоотраденском и в кызаульском некрополях, а вместе с тем там встречались такие же сосуды и украшения, как на городище в помещениях III в. н. э.¹⁸⁰ Раскопки поселений первых веков нашей эры свидетельст-

¹⁷⁴ А. А. Д и р и н. Указ. соч., стр. 128.

¹⁷⁵ Там же, табл. V, рис. 14.

¹⁷⁶ К. Ф. С м и р н о в. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 84.

¹⁷⁷ И. Т. К р у г л и к о в а. О местной керамике Пантикапея. МИА, № 33, 1954, стр. 108, рис. 7, 1.

¹⁷⁸ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 209.

¹⁷⁹ Т. М. А р с е н ь е в а. Некрополь римского времени..., стр. 193.

¹⁸⁰ Например, лепной кувшинчик (могила № 4), краснолощенный кувшин (могила № 3), краснолаковая миска (могила № 2), перстни с вставками (могила № 2), кольцо с парными спиральками на концах (могила № 3).

вуют о непрерывном их существовании и не дают оснований предполагать резких и единовременных изменений этнического состава населения. Те же выводы можно сделать и на основании изучения могильников. Это же относится и к азиатской стороне Боспорского царства, где планировка поселений, характер жилищ и бытового инвентаря также свидетельствуют о том, что поселения принадлежали свободным или полусвободным земледельцам. Это население сохраняется в них и в IV в. н. э. Население этих поселков могло быть различным по происхождению. Частично это были потомки жителей неукрепленных деревень предшествующей эпохи, переселившиеся в новые места, более удобные для обитания как с точки зрения безопасности, так и по природным условиям. Они могли обрабатывать и царские, и городские, и общинные земли, получать участки и на территории поместий крупных земельных собственников. В социальном отношении они могли представлять собой как прикрепленных к земле пелатов, существование которых на Боспоре II в. н. э. засвидетельствовано уже упоминавшейся надписью 151 г., так и свободных земледельцев или лично свободных типа колонов. Некоторые из сельских поселений, особенно те, которые находились ближе к границам Боспорского царства, как, например, поселения у деревень Фронтное, Семеновка и др., может быть, возникли как поселки сарматских родов или общин, которым боспорские цари предоставили право пользования землей при условии выполнения ими ряда повинностей, в частности несения военной службы и уплаты податей. Эти сарматские пришельцы, может быть, селились отдельными деревнями, но они могли также размещаться в уже существующих селах, и со временем смешивались с обитавшим в этих селах местным населением, пользовавшимся землей на тех же условиях. По существу они выполняли роль варварских племен, которые в эпоху Римской империи селились на пограничных землях римских провинций на правах колонов.

К концу II или к началу III в. относится часть надписи, вырезанной на мраморной плите, содержащая описание размеров какого-то большого участка земли¹⁸¹. Можно предполагать, что в ней шла речь о размежевании земельных владений, о разделении их на участки, возможно для продажи или для сдачи в аренду. Подобного типа кадастры широко известны в античном мире¹⁸². Несмотря на то, что небольшие размеры сохранившегося отрывка позволяют лишь предположительно

¹⁸¹ ИАК, вып. 37, 1910, стр. 12=КБН, 837,

¹⁸² Так, например, результаты размежевания специально избранными лицами земель, принадлежавших двум храмам в окрестностях Гераклеи (Южная Италия), изложены на двух бронзовых табличках конца IV в. до н. э. Там же были и условия сдачи участков в аренду (см.: Darest, Haussoulier, Reinach. Recueil des inscriptions juridiques grecques. Paris, 1891, стр. 193 сл.).

говорить о содержании надписи в целом, интересно сопоставить ее с уже упоминавшейся надписью 151 г. об увеличении до прежних пределов посвященных богине земель в Фианнеях¹⁸³. В последней, так же как и в табличках из Гераклеи, нашел отражение процесс постепенного уменьшения храмовых владений, захвата их частными лицами и вынужденное вмешательство центральной власти для упорядочения землевладения. Может быть, и данный отрывок также свидетельствует о вмешательстве государства в порядок землевладения и землепользования и при этом, как и в случае с землями в Фианнеях, в интересах крупного землевладения.

¹⁸³ IOSPE, II, 353=КБН, 976.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

Хлебопашество

Основу земледелия Боспора в III—IV вв. н. э., как и в предшествующий период, составляло хлебопашество. О занятии жителей городов и поселений хлебопашеством свидетельствуют найденные при раскопках земледельческие орудия и большое число зернохранилищ, иногда очень крупных размеров. Так, например, при раскопках Киммерика в 1951 г. во дворе дома III в. н. э. были обнаружены три зерновые ямы колоколовидной формы с выложенными камнями горловинами и с отверстиями-продухами в закрывающей их круглой плите. Глубина ям доходила до 6,5 м, а диа-

метр дна достигал 4,5 м¹. Такие большие зернохранилища, находившиеся поблизости от морского порта, были рассчитаны, по-видимому, на длительное хранение зерна, предназначенного, вероятно, для продажи. В каждой из таких ям могло храниться более 76 куб. м зерна, а в трех — почти 230 куб. м (рис. 7).

Комплексы ям более мелких размеров были обнаружены в Пантикапее², Тиритаке³, Мирмекии, Фанагории⁴, в поселении у дер. Семеновки и в других местах.

В наиболее крупных зерновых ямах Пантикапея могло храниться до 12 куб. м зерна, наибольшая из ям Тиритаки имела глубину 3,25 м, диаметр дна — 2,51 м и могла вместить более 22 куб. м зерна. О том, что такие ямы предназначались для длительного хранения зерна на семена или на продажу, свидетельствуют раскопки поселения у дер. Семеновки. Там зерновые ямы помещались за пределами городища, на его окраине, тогда как внутри жилищ зерно хранилось в больших амфорах, корчагах или небольших ямах, вырубленных в скале. Стенки зерновых ям в некоторых случаях сохранили следы глиняной обмазки, которая специально обжигалась для уничтожения насекомых.

По-видимому, для Боспора, как и для других периферийных районов античного мира, характерно хранение зерна именно в земляных зернохранилищах.

Плиний писал, что «целесообразнее всего сохранять хлеб в ямах, которые зовутся сирами, как в Каппадокии, Фракии, Испании и Африке, причем прежде всего следует заботиться о том, чтобы они вырывались в сухой почве, а затем чтобы они выстилались мякиной, далее хлеб сыпается туда в колосе»⁵.

В Италии, наоборот, предпочитали сооружать наземные зернохранилища, судя по совету Колумеллы, при отсутствии амбара «хранить зерно в земле, как это делается в некоторых провинциях за морем...»⁶ Варрон специально отмечает, что при хранении зерна в зерновых ямах необходимо, «чтоб зерно было защищено от соприкосновения с влагой или воздухом», ведь там, куда не достигает ток воздуха, не заводится хлебный червь. Храняемая таким образом пшеница может пролежать даже 50 лет, а просо — более ста⁷.

¹ И. Т. Кругликова. Раскопки Киммерика. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 134 сл.

² И. Б. Зеест. Земляные зернохранилища Пантикапея. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 81 сл.

³ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 52.

⁴ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 95.

⁵ Plin. NH, XVIII, 306.

⁶ Col., I, 6, 15.

⁷ Var., I, 57,2 (см.: Варрон. Сельское хозяйство. Перевод М. Е. Сергеев. М.—Л., 1963, стр. 65).

При раскопках Семеновки, Илурата, Киммерика и других боспорских поселений III в. н. э. было найдено большое количество обуглившихся зерен различных хлебных злаков. В Семеновке, помещения которой погибли в пожаре, почти в каждом доме имелось обуглившееся зерно, хранившееся в больших амфорах, в плетеных корзинах, лепных горшках и корчагах. Среди хлебных зерен из Семеновки преобладали зерна пшеницы мягкой (*triticum aestivum*) и пшеницы карликовой (*triticum compactum*)⁸. Наряду с пшеницей встречается довольно много ячменя (*hordeum sativum*) как двурядного, так и многорядного.

В некоторых лепных горшках были только зерна ячменя, но пшеницы без примеси ячменя почти нет, хотя количественно обычно преобладала пшеница. Найдены также сосуды с просом (*panicum miliaceum*). В одном из лепных горшков были зерна пшеницы и чины с небольшой примесью ячменя и несколькими зернами ржи. Вообще рожь встречалась довольно часто, но всегда лишь по нескольку зерен среди нескольких тысяч зерен пшеницы. Поэтому рожь в Крыму обычно рассматривают как сорняк, а не как специально разводимую зерновую культуру⁹. Однако в Танаисе в слоях первых веков нашей эры была обнаружена и чистая рожь, которая, по-видимому, в районе Дона и Донца уже существовала как самостоятельная культура. Несколько семян крестоцветных растений, найденных среди других зерен в Семеновке, возможно, также принадлежали сорнякам — полевой капусте. Абсолютное преобладание пшеницы свидетельствует о том, что среди употребляемых в пищу хлебных злаков на этом поселении доминирующую роль играла пшеница.

В Киммерике в доме III в. н. э. были найдены сосуды с зернами мягкой пшеницы и многорядного ячменя; там же были зерна чечевицы и зерно-бобовых культур¹⁰ и лишь одно зерно ржи. Пшеницу с ячменем и с примесью зерен ржи нашли в зерновой яме III в. н. э. в Пантикапее¹¹.

При раскопках Н. И. Сокольского в 1960 г. на уже упоминавшемся поселении Батарейка I в Краснодарском крае, в помещении, погибшем при пожаре в IV в. н. э., были найдены обуглившиеся зерна хлебных растений, хранившиеся в больших широкогорлых амфорах и в лепном горшке, — многорядный ячмень, пшеница, просо и рожь. Среди обычной на Боспоре мягкой пшеницы имелось около 25% зерен твердой пшеницы (*triticum durum* Desf.)¹² и более 2% ржи. В 1961 г. на этом же поселении было най-

⁸ Зерна определены А. В. Кирьяновым, М. М. Якубцинером, Е. С. Кильп, В. И. Лысовым и Т. А. Ореховой.

⁹ А. В. Кирьянов. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 93.

¹⁰ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 77—78.

¹¹ Там же, стр. 81.

¹² А. В. Кирьянов. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора, стр. 96.

дено много зерен многорядного ячменя, среди которых были единичные зерна мягкой пшеницы¹³. Там же было найдено очищенное пшено, среди которого было лишь несколько зерен проса¹⁴.

Греческий ботаник Феофраст в своем «Исследовании о растениях» определяет понтийскую пшеницу как легковесную. Он пишет: «...странным исключением из вообще легковесных «трехмесячниц» являются понтийские. Яровая пшеница отличается там твердостью, а озимая мягкостью и эта мягкая пшеница очень легковесна»¹⁵. Он сообщает также, что «тамошние жители производят, по-видимому, посев всех хлебов в два срока: зимой и весной, когда сеются и бобовые»¹⁶. Данные Феофраста подтверждаются найденными на поселениях зернами мягкой и твердой пшеницы. Кроме того, в Крыму и в настоящее время производят как озимый, так и яровой посев.

Среди найденных на хуторе Батарейка I зерен имелось пшено с единичными включениями проса. Пшено найдено и на поселении у дер. Семеновки, что свидетельствует о переработке проса на крупу, для чего, вероятно, использовали каменные ступы. А. В. Кирьянов обращает внимание на большое количество сорняков среди зерен пшеницы на хуторе Батарейка I и объясняет это низкой агротехникой, тогда как на поселении у дер. Семеновки, наоборот, пшеница отличается малым количеством примесей сорняков, что дает ему основание говорить о существовании переложной системы земледелия на Боспоре, об освоении там целинных и залежных земель¹⁷.

По-видимому, правильно предположение В. Д. Блаватского о том, что в течение античной эпохи особых изменений в составе зерновых культур Боспора не произошло. Основными культурами были пшеница, ячмень и просо, культивировались чечевица, вика чечевицеобразная, чина и зернобобовые культуры¹⁸. Хотя на поселениях III—IV вв. н. э. пока не обнаружены все перечисленные культуры, нет оснований предполагать, что население Боспора в III и IV вв. перестало их возделывать.

О технике обработки полей можно судить по характеру земледельческих орудий. Три железных наконечника рал или плугов найдены в Семеновке¹⁹ (из них два восстанавливаются) в различных помещениях III в.

¹³ А. В. Кирьянов. Приложение № 4 к отчету Н. И. Сокольского. О работах Таманской археологической экспедиции в 1961 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 2290, стр. 51.

¹⁴ А. В. Кирьянов. Материалы по земледелию..., стр. 97.

¹⁵ Theophr., VIII, 4, 5 (Русский перевод М. Е. Сергеевко: Феофраст. Исследование о растениях. М., 1951, стр. 255).

¹⁶ Там же, VIII, 4, 6.

¹⁷ А. В. Кирьянов. Материалы по земледелию..., стр. 94.

¹⁸ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах..., стр. 79.

¹⁹ И. Т. Кругликова. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. н. э., СА, 1959, № 3, стр. 137. Полностью восстановлены два лемеха из раскопок 1957 и 1961 гг. (из Семеновки).

Рис. 22. Наконечник плуга
(из поселения у дер. Семеновки)

н. э. Аналогичного типа лемех найден в 1960 г. на хуторе Батарейка I в помещении IV в. н. э.²⁰

Лемехи из Семеновки имеют длину 28,5 см и 28 см, их нижняя расширяющаяся часть — длину 8,8 см и ширину 9 см. Своей формой они напоминают лопаточку. Верхняя удлиненная часть заканчивается загибающимся в виде крючка небольшим шипом для прикрепления к деревянной основе плуга. Нижний расширяющийся конец уплощен и заострен. Подобного типа лемехи находят в большом количестве в Румынии. В дакийской крепости Грэдиштя Мунчелулуй (которую отождествляют с доримской Сармицегетузой — столицей Децебала), где были найдены бесспорные следы металлургического производства, имелось много таких же лемехов. В экспозиции музея Клужа имеется пять лемехов аналогичной формы длиной от 20 до 28 см²¹ — из Грэдиштя Мунчелулуй и из дакийской деревни II—III вв. н. э. Лехинца де Муреш²². Такой же наконечник плуга есть в музее города Себеш. В Констанце имеется аналогичный наконечник плуга, найденный вместе с другим сельскохозяйственным инвентарем между Печеноарой и Дульчешть, в музее Бухареста — несколько наконечников рал или плугов близкого типа, но больших размеров, из Мангалии (длиной от 40 до 45 см) и из Пояны (длиной около 29 см). В музее города Печь находится близкого типа наконечник плуга длиной 25 см из дакийского поселения I в. н. э. .

Все эти наконечники характерны тем, что они выкованы из плоского железного бруска, толщина которого 1—2 см, лопаткообразный расширяющийся конец иногда несколько более удлинен и заострен к концу, иногда более короткий. У всех в месте перехода стержня в лопаточку имеется выгиб, и верхний конец стержня загибается в виде шипа. Большое число образцов такого типа наконечников, найденных в районе, связанном с дако-гетами, и на поселениях даков, где жизнь прекратилась со времени римского завоевания Дакии, свидетельствует об их дакийском проис-

²⁰ Н. И. Соколовский. Крепость на городище у хутора Батарейка I, СА, 1963, № 1, стр. 188, рис. 7.

²¹ Инв. № 3897 и др

²² SCIV, III, 1952, стр. 324, рис. 7.

хождении. Возможно, позднее, когда Дакия вошла в состав Римской империи, этот тип плужного наконечника получил большое распространение. Не случайно, что в Дакии он встречается уже в I в. до н. э. — I в. н. э., в Болгарии такой лемех был найден в Сухополье при раскопках виллы II в. н. э.²³, а на Боспоре — в III и IV вв. н. э. Этот наконечник плуга можно считать одним из вариантов лемеха, принадлежавшего четвертому типу плугов, описанному Плинием. Он более широкий и острый, заканчивающийся острием, как у меча, одновременно прорезает землю и подрезает своими острыми сторонами корни трав²⁴. Лемех, найденный в Семеновке, мог прикрепляться и к ралам и к плугам различной конструкции, как с колесами, так и без них, как с плужным ножом, так и без него. Судить о том, какого типа плуг или рало применяли на Боспоре в III в., по этим лемехам не представляется возможным. По-видимому, на Боспоре не применяли глубокой вспашки поля. Не случайно еще в IV в. до н. э. Феофраст писал, что обрабатывать почву для посева надо в зависимости от места. «В некоторых местах, например, в Сирии нехорошо пахать глубоко, почему там и пользуются маленькими плужками»²⁵. Варрон для обработки легкой кампанской почвы советовал применять маленькие плуги (или рала), с которыми работали на коровах и даже на осликах²⁶. Маленькими ралами предлагал пахать землю и Цельз, чтобы можно было впрягать волов мелкой породы. В настоящее время не представляется возможным установить, знали ли на Боспоре плуг или только рало. Плуг — это рало с ножом и отвалом. Судя по найденным лемехам, рало, бесспорно, существовало на Боспоре. Можно даже утверждать, что такой лемех прикреплялся к ралу с полозом, так как удлинённая часть лемеха с крючком на конце явно прикреплялась к деревянной основе, которая постепенно утолщалась, а расширяющаяся лопаточка слегка опускалась вниз и находилась в другой плоскости. Эта лопаточка, врезающаяся в верхний слой земли, подрезала корни трав. Она не могла опираться на дерево, но находилась на одной плоскости с основанием полоза. Было ли это рало или плуг, пока сказать нельзя. Но тот факт, что в помещении эти лемехи найдены без каких-либо иных железных орудий, скорее всего свидетельствует о том, что ножа и отвала не было. Массивные железные ножи, прикреплявшиеся к плугу перед лемехом для прорезания пластов земли, находили неоднократно в античных виллах Паннонии. Они очень массивны и вряд ли они бы полностью исчезли, сохраняясь в тех же условиях, что и лемехи.

Для обработки хлебных полей в Италии, кроме плугов, применяли мотыги и бороны. Последние до настоящего времени на Боспоре не найде-

²³ Л. Н и д е р л е. Славянские древности. М., 1956, стр. 312, рис. 66, 19.

²⁴ P l i n. NH, VIII, 72.

²⁵ Феофраст. Указ. соч., VIII, 6, 3.

²⁶ М. Е. Сергеев. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958, стр. 52; В а р р о н. Указ. соч., I, 20, 4.

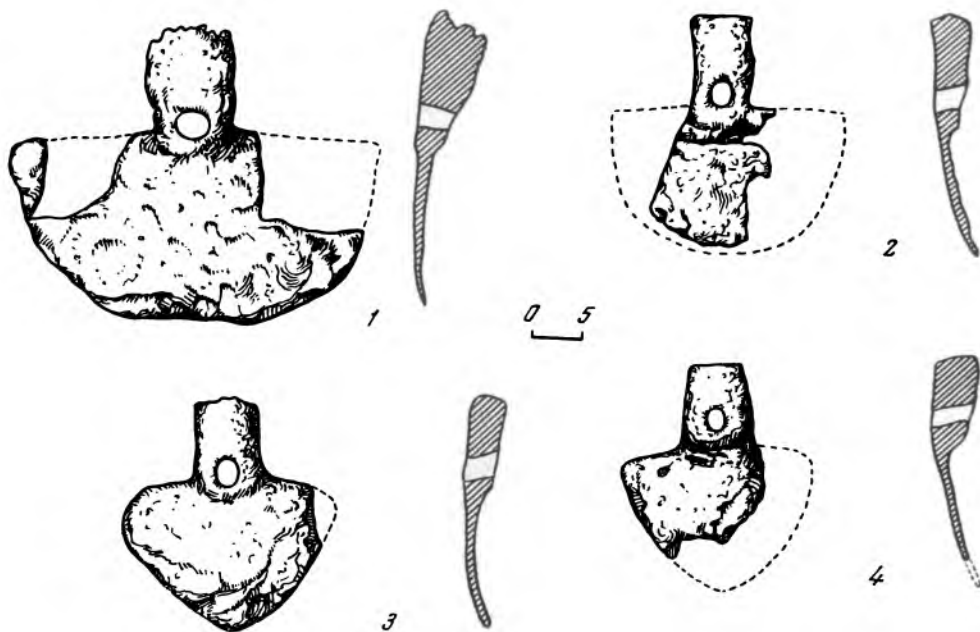

Рис. 23. Мотыги:

1 — из поселения у дер. Ново-Отрадное, 2 — из Горгиппии (III в. н. э.),
3, 4 — из Горгиппии (II в. до н. э.)

ны, а мотыги с тяжелой пятой были обнаружены на поселении у дер. Ново-Отрадное²⁷ в помещении, погибшем в III в. н. э., в Горгиппии в слоях II—III вв. н. э. и II в. до н. э.²⁸ и в укрепленной усадьбе I в. до н. э.—I в. н. э. вблизи Горгиппии²⁹.

Мотыга из Ново-Отрадного была наиболее массивной (рис. 23, 1). Ее длина — 32 см, ширина рабочей части более 30 см. Отверстие для продевания деревянной рукояти находится между лопатовидной нижней частью и тяжелой утолщающейся до $8 \times 5,5$ см пятой, поднимающейся вверх на 10 см. Мотыга, найденная в Горгиппии в 1962 г. в слое II—III вв. н. э., сохранилась хуже. Длина ее 25 см, высота пяты 9 см при толщине в $6 \text{ см} \times 4 \text{ см}$ (рис. 23, 2). Эти мотыги отличались от найденных в эллинистическом слое формой нижней части. У последних заостренная часть имела листовидную форму (рис. 23, 3, 4). К этой форме приближается и мотыга из

²⁷ И. Т. Кругликова. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора III в. н. э., стр. 143. Хранится в ГИМ.

²⁸ Хранятся в Анапском краеведческом музее.

²⁹ Раскопки у хутора Рассвет под руководством Ю. С. Крушкол в 1964 г. не опубликованы.

усады у хутора Рассвет. Все эти мотыги имели утяжеленную пятю. Трудно сказать, для чего они служили, скорее всего, для обработки огорода или виноградника, так как специальное утяжеление делало их пригодными для копания. Впрочем, их могли применять и в огородах и на полях как для рыхления почвы, так и для окучивания полевых растений. Утяжеление мотыги способствовало более глубокому углублению ее в почву, т. е. большей глубине рыхления.

Тяжеловесные кирки и увесистые лемехи в числе лучших земледельческих орудий называет Плиний, говоря о хорошем сельском хозяине Гае Бурии Кресиме ³⁰. Тяжелые широкие мотыги употреблялись в Помпеях, на золистых почвах Кампании, у римлян, в Египте и других местах ³¹. Питри предполагал, что тяжелые мотыги делались специально для рабов латифундий, более легкие — для свободных земледельцев ³², но находка такой мотыги на поселении у Ново-Отрадного не подтверждает его мнения. Полной аналогии мотыге из Ново-Отрадного пока найти не удалось, но наиболее близки ей мотыги с утяжеленной верхней частью из Неаполитанского музея ³³, в том числе найденные в усадьбе около Боскореале (вблизи Помпей) ³⁴. Вероятно, для мотыженья посевов на полях применяли более мелкие мотыжки, может быть типа меотских и мотыжек из Ольвии.

В 1957 и 1958 гг. в Семеновке нашли два небольших сельскохозяйственных орудия, которые были нами определены как «gallum», т. е. лопаточки, служившие для очистки наконечника плуга от травы и земли, а также для того, чтобы погонять волов. Не исключена возможность, что такого же типа инструменты, если к ним сделать изогнутую под углом рукоятку, могли служить и для рыхления почвы, о чем свидетельствует значительное их число в различных музеях Северного Причерноморья, тогда как плугов почти нет совсем.

Впрочем, возможно, что мотыжение хлебов на Боспоре в III в. н. э. не применялось. Уже в итальянских хозяйствах I в. н. э. наблюдается отход от старого обычая мотыжить хлеба, так как «мотыга обнажает корни хлебов, а иногда и подсекает их... достаточно прополоть посевы вручную» ³⁵. Колумелле пришлось особо подчеркивать необходимость мотыжить посевы, чтобы рыхлить землю и окучивать растения. Мотыжение требовало много дополнительного времени и свободных рабочих рук. Недостаток последних и был причиной отказа мотыжить хлеба.

Сельскохозяйственные орудия для уборки урожая, найденные при раскопках, позволяют составить представление и о технике уборочных

³⁰ P l i n . NH, XVIII, 42.

³¹ F . P e t r i e . Tools and weapons. London, 1917, стр. 34, табл. LXVII, 1, 6, 8, 9.

³² Там же, стр. 55.

³³ Там же, табл. LXVII, 1, 8, 9.

³⁴ М а р к П о р ц и й К а т о н . Земледелие. М.—Л., 1950, стр. 164 (рисунок).

³⁵ C o l . II, 11, 1.

работ. При раскопках Семеновки в 1957 г. в одном из помещений были найдены пять кос, лежавших вместе, затем нашли еще несколько фрагментов таких же кос. Общее число кос, найденных в различных помещениях III в. н. э. на поселении у дер. Семеновки, доходит до 10. Все они относятся к двум типам кос. Первый тип (рис. 24, 4) характерен широким лезвием и закругляющимся слегка загнутым вверх концом, у второго (рис. 24, 3)—узкое более тонкое лезвие с заостренным, как у серпа, концом. И тот и другой типы имеют рукоятки в виде удлиненного округлого стержня с крючком на конце (длиной 1,3 см), расположенным под прямым углом к плоскости лезвия. Стержень, к которому прикреплялась деревянная рукоять, находится под углом от 20° до 35° к плоскости лезвия. Длина лезвия у кос первого типа 28,5 см, общая длина со стержнем по обуху 45 см. Длина лезвия у кос второго типа 26 см, общая длина по обуху 45 см.

Железная коса была найдена и в Илурате³⁶. Длина ее лезвия около 26 см, длина по сбуху около 45 см. Эта коса принадлежит ко второму типу.

Основной чертой, отличающей косы от известных в Причерноморье серпов, является то, что стержень, к которому должен прикрепляться удлиненный деревянный держак, находится под углом к плоскости лезвия³⁷.

Плиний называет два типа кос: итальянские, покорооче, с которыми можно управляться и в чащах кустарника и которыми можно косить одной правой рукой и, по-видимому, под корень, и галльские, более длинные косы, которые срезают траву на середине ее высоты³⁸. Действительно, при раскопках галльских поселений Ла-Тена и Тьелла найдены косы длиной в 50—75 см³⁹, а коса из некрополя Идрии имела даже 81 см длины⁴⁰. Косы же из Семеновки ближе к первому из описанных Плинием типов.

Первый тип, с массивным лезвием и закругляющимся краем, который не зацепляется за ветки кустарников, не требует большого размаха при работе, особенно удобен при выкашивании травы между кустами и выступами материковой скалы, т. е. в природных условиях окрестностей позднеантичных поселений европейского Боспора.

Второй тип кос с заостренными лезвиями, возможно, применялся при скашивании лугов, а также хлебных и ячменных полей. Укороченные,

³⁶ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 116, рис. 96, 1.

³⁷ Впрочем, у одной из кос очень незначителен угол отклонения ручки, которая находится почти в одной плоскости с лезвием. Славянские косы-горбуши тоже часто имеют стержень рукояти в одной плоскости с лезвием, но их назначение было иным.

³⁸ P l i n. NH, XVIII, 261—262.

³⁹ V. G r o s s. La Tène un oppidum helvète. Paris, 1887, стр. 40, рис. 20. Флиндерс Питри приводит косу такой же формы из Швеции: F. P e t r i e. Указ. соч., табл. LIV, 20.

⁴⁰ J. D e c h e l e t t e. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, IV. Paris, 1927, стр. 886.

с выпрямленными лезвиями косы позволяли срезать колос под основание и сохраняли для хозяйственных нужд длинные стебли, которые шли для покрытия крыш и на подстилку скоту ⁴¹.

Форма кос из Семеновки ближе всего косам, найденным в Стемсбург (Саксония), в Страдоницах (Богемия) и в Ла-Тене ⁴². Ф. Питри считает, что этот тип происходит от серпов скифского типа ⁴³. Пока нет достаточных материалов, чтобы решить этот вопрос. Если сравнивать семеновские косы с серпами, то, пожалуй, ближе всего к ним по форме серпы из Прикубанья ⁴⁴, однако последние малы по размерам и их черенки не стоят под углом к лезвию, что характерно для кос.

Семена сорных растений, найденные среди зерен пшеницы, также свидетельствуют о том, что хлеба убирали под корень, а не срезали серпами только колосья, как, например, делали в Египте эпохи фараонов, судя по рисункам на стенах гробниц. А в таком случае вполне могли применять косу для уборки хлеба.

Уборку хлеба производили и серпом. Серпы неоднократно находили на Боспоре при раскопках поселений различного времени. Железный серп с отломанным концом нашли в Илурате в помещении, относящемся к III в. н. э. В Танаисе в слое I в. н. э. найден целый серп, имеющий длину по обушке 42 см, а по прямой от конца острия до конца ручки 32,5 см. Он имеет сравнительно короткий стержень для прикрепления деревянной рукояти. Стержень заканчивается крючком, как и у кос, но рукоять и лезвие, в отличие от кос, находятся в одной плоскости. Серп сравнительно мало изогнут и загибается лишь его конец, что помогает забрать сразу много колосьев. Он несколько напоминает серп, найденный в Хараксе в могиле конца III — первой половины IV в. н. э. ⁴⁵, но последний значительно короче, более массивен и имеет менее загнутый конец. Фрагменты серпа были найдены в 1960 г. в Семеновке. Таким образом, и в Семеновке и в Илурате в помещениях III в. н. э. найдены серпы наряду с косами. Последние применялись, конечно, и для косьбы травы, но это не исключает возможности их применения и для косьбы хлеба.

У серпов из Тиритаки и Илурата деревянные рукояти прикреплялись к стержням. Вероятно, загнутый в виде крючка конец вбивался в рукоять, и затем стержень и рукоять связывались или скреплялись обручем. Этот тип серпа отличается от серпа V в. до н. э., найденного в Киммерике. Там

⁴¹ На сельских поселениях первых веков нашей эры крыши построек, по-видимому, были соломенными. В раскапывавшихся нами поселениях у деревень Семеновка, Ново-Отрадное, Золотое и Мысовка среди завалов помещений черепица отсутствует.

⁴² J. Dechelette. Указ. соч., стр. 888, рис. 613, 3—5.

⁴³ F. Petrie. Указ. соч., стр. 46 сл.

⁴⁴ Н. Я. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 150, рис. 1, 1, 2.

⁴⁵ В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 269, рис. 11, 2 и стр. 274.

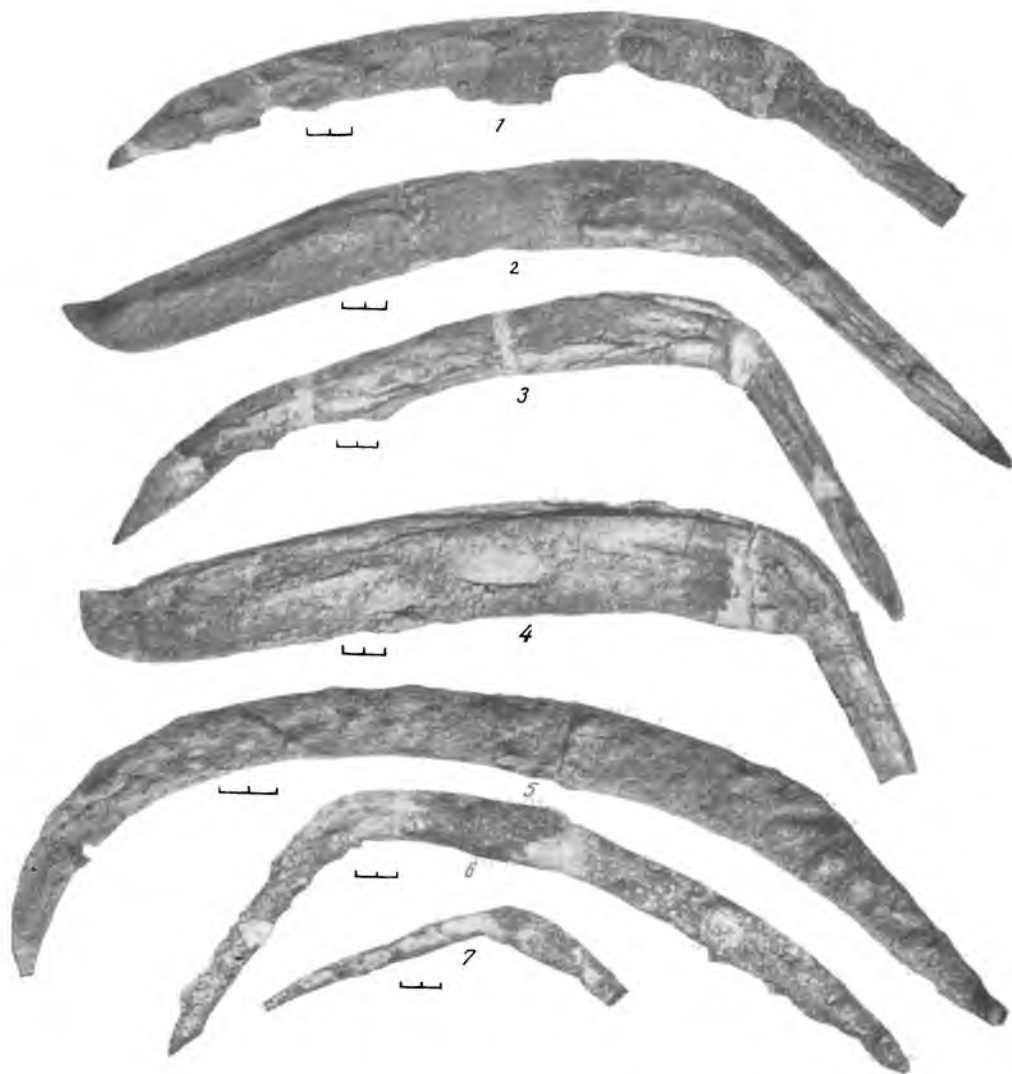

Рис. 24. Косы:

1—4 — из поселения у дер. Семеновки, 5 — из Танаиса, 6 — из Илурата,
7—обломок серпа из Илурата

серб имел втулку для укрепления рукояти. Деревянная ручка вставлялась во втулку и укреплялась там с помощью шпенька, проходящего насквозь через втулку и всю толщу округлой деревянной рукояти. Серпы из Танаиса, Харакса и Илурата принадлежат к одному типу, у которого стержень рукояти как бы продолжает лезвие и образует с ним развернутый угол около 135° — 165° . Металлическая часть серпа, к которой прикрепляется деревянная рукоять, как бы образует одну кривую линию, резкий переход и отклонение линии отсутствуют.

Этот тип серпов встречается во Франции (Ла-Тен) и в Швеции ⁴⁶. Он отличается от серпов римского типа, в большом количестве найденных в Помпеях ⁴⁷ и среди инвентаря сельских вилл Паннонии на территории современной Венгрии ⁴⁸. Римские серпы гораздо более округлы, стержень рукояти как бы приставлен к полукружью с наружной стороны. Более всего похожа на танаисский и илуратский серпы коса-горбуша, хранящаяся в Будапештском историческом музее (инв. № 10/1951, 28). Стержень ее рукояти находился в той же плоскости, что и лезвие. Применялась она для вырезки кустарников. Сильнее всего закруглен ее острый конец, ручка же с лезвием находилась почти на одной прямой.

Серпы из Семеновки, Илурата, Харакса, Танаиса, поселения у с. Ивановского и станицы Елисаветовской ближе всего к косе-горбуше. Она же, в свою очередь, очень близка по форме серпам из Каменского городища (город Кучугуры) ⁴⁹, что свидетельствует о генетической связи между серпами, употреблявшимися на Боспоре в III в. н. э., и сельскохозяйственными орудиями Северного Причерноморья в скифское время.

Виноградарство, садоводство и огородничество

Как и в предшествующий период истории Боспора, в III—IV вв. н. э. наряду с хлебопашеством развивалось виноградарство. Оно играло второстепенную роль в экономике Боспора; не все земли были одинаково пригодны для разведения винограда.

Судя по расположению виноделен, районами наибольшего распространения виноградарства были Таманский полуостров и восточная часть Керченского полуострова. Надо полагать, что разведением винограда занимались главным образом на землях, расположенных поблизости от греческих городов, по-видимому на усадьбах, находящихся в пределах го-

⁴⁶ F. Petrie. Указ. соч., табл. LIV, 18.

⁴⁷ Там же, табл. LIV, 31—34.

⁴⁸ Собрание музея в городе Веспрем (инв. № 55, 211, 47, 49, 50 и др.), музея Сомбатхей, Будапешта и др.

⁴⁹ П. Д. Л и б е р о в. Земледелие у скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э. «Материалы по истории земледелия», М., 1952, стр. 82, рис. 1.

родских хор. О развитии виноградарства мы можем судить по винодельням, виноградарским ножам, виноградным зернам и косточкам, найденным при раскопках, а также по местному производству керамической тары для хранения и перевозки вина.

Раскопками были обнаружены остатки виноделен III и IV вв. н. э. в Пантикапее⁵⁰, Тиритаке⁵¹ (в европейской части Боспора), в Фанагории⁵², Патрее⁵³, на городище Пятиколодезное⁵⁴ (в азиатской части Боспора). Кроме того, известны винодельни II в. н. э. в Нимфее⁵⁵, Тиритаке⁵⁶, Патрее⁵⁷, Пантикапее⁵⁸, возможно, существовавшие вплоть до III в.⁵⁹ В. Ф. Гайдукевичу удалось выделить особенности конструкции боспорских виноделен различного времени. Сохранившиеся винодельни III и IV вв. н. э. принадлежат к трем различным типам. Представление о первом типе дают две хорошо сохранившиеся винодельни Тиритаки⁶⁰.

Первая из них (ТЗ) относится к первым десятилетиям III в. н. э., вторая (Т7) — к III—IV вв. н. э. (рис. 25). Обе винодельни были примерно равных размеров (около 5,5 м × 10 м) и находились в четырехугольном здании с кровлей. Они имели по три расположенные рядом давяльные площадки, к которым примыкали три резервуара для слива виноградного сока. Давильные площадки были отделены одна от другой деревянными перегородками. На средней площадке находился давяльный пресс, тогда как на обеих боковых площадках виноград давили ногами. Резервуары для собирания сока имели приблизительно одинаковые размеры. Они вмещали от 1,5 куб. м до 2,1 куб. м жидкости. Таким образом, всего в трех цистернах каждой из этих виноделен могло поместиться почти 6 тыс. литров вина. Дно у этих резервуаров было наклонным и на одной из сторон

⁵⁰ И. Д. Марченко. Новая винодельня в Пантикапее. АИБ, стр. 315 и сл.

⁵¹ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958, стр. 363, 364.

⁵² М. М. Кобылина. Указ. соч., стр. 88.

⁵³ А. С. Башкиров. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг. «Ученые записки Ярославского педагогического института», вып. XXII (XXXII), Ярославль, 1957, стр. 331 сл., рис. 30—36.

⁵⁴ В. Д. Блаватский. Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 126 сл.

⁵⁵ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 438.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 432—434.

⁵⁸ В. Д. Блаватский. Новые данные о строительстве Пантикапея. СА, XVII, 1953, стр. 178; В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 457.

⁵⁹ Укрепленная винодельня, обнаруженная Луценко в 1870 г. на Темир-горе и опубликованная В. Ф. Гайдукевичем (Укрепленная villa rustica на Темир-горе. СА, VII, стр. 47 сл.), по архивным материалам, первоначально была им датирована III в. н. э., но в работе «Виноделие на Боспоре» он относит ее к I—II вв. н. э. (стр. 363) на основании ее конструкции.

⁶⁰ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 416—432. Винодельня, открытая на участке VIII, обозначена им ТЗ, а на участке XVII — Т7.

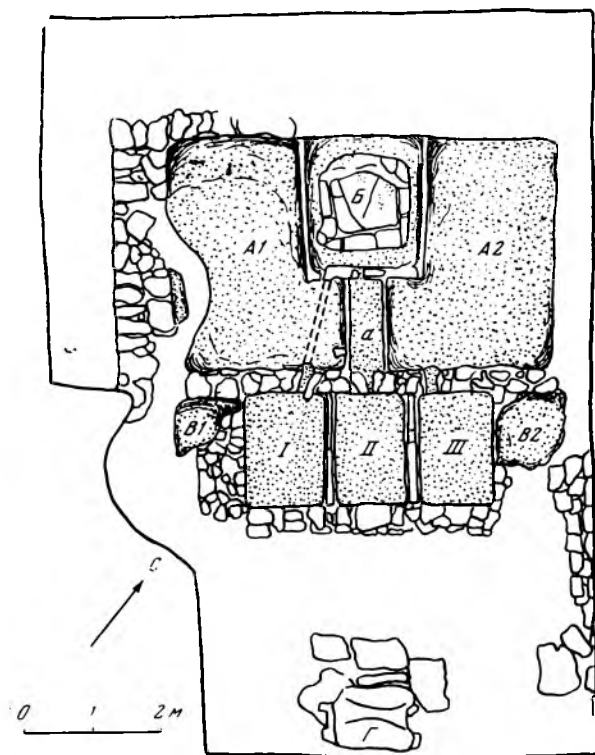

Рис. 25. Винодельня III—IV вв. в Тиритаке (по В. Ф. Гайдукевичу): А и В — давяльные площадки, Б — площадка для пресса, Г — гири рычажно-винтового пресса, а — желоб для стока сусла, I—III — цистерны

имело округлое углубление, причем разница в уровнях достигает от 0,25 м (у винодельни Т7) до 0,47 м (у винодельни Т3). С давяльных площадок в резервуары выдавленный сок отводился через специальные сливы, каменные или керамические, вделанные в кладку стенок цистерн. Стенки цистерн и давяльные площадки, как и у всех виноделен, были покрыты несколькими слоями цемьянки, а иногда еще и красной краской.

Площадки для рычажно-прессовой гири расположены на 1—1,5 м ниже уровня давяльных площадок, а гири состоят не из одного, как ранее, а из двух камней, и значительно тяжелее. К этому же типу можно отнести винодельню III—IV вв., открытую в Тиритаке (на участке X⁶¹), и две винодельни III в., одна из которых была открыта в Патрее в 1948—1949 гг.⁶², другая на городище Пятиколодезное — в 1953 г.⁶³

⁶¹ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 434 (Т6).

⁶² А. С. Башкиров. Указ. соч.; В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 432 (он обозначает ее ПТ2).

⁶³ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 457; В. Д. Блаватский. Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, вып. 70, стр. 126.

У винодельни ТЗ сусло со средней давяльной площадки не шло сразу к сливу и в резервуар, а скапливалось в отстойнике — цементном корыте. Стенки, отделяющие средний резервуар от боковых, были сделаны не из плит, как обычно, а из довольно мелкого бутового камня на цементном растворе. У патрейской винодельни боковые вспомогательные площадки отделены от основных расположенными наискось бортиками, ее резервуары значительно больших размеров, что позволяет вместить около 7800 литров вина. У винодельни Т7 существовал внутренний отводной канал, проходивший под давяльной площадкой. Его устье было сделано из вмазанного в цемянку горла амфоры. Имелись и другие отличительные особенности, но они не мешают отнести все эти винодельни к одному типу.

Ко второму типу следует отнести тиритакскую винодельню II—III вв. н. э. — Т4⁶⁴. Ее давяльная площадка представляет собой вымостку из каменных плит, покрытую тонким слоем цемента. Она имела четыре резервуара, общая вместимость которых была около 6 тыс. литров. Особенностью этой винодельни являются резервуары, не примыкающие к давяльным площадкам, и каналы вместо каменных сливов в резервуары. Пока известна лишь одна такая винодельня.

К третьему типу можно отнести винодельню, открытую в 1956 г. в Пантикапее⁶⁵ и существовавшую с II по III в. н. э. Она представляет собой почти прямоугольное в плане здание с двумя резервуарами и тремя давяльными площадками. Резервуары разделены перегородкой, сложенной из прямоугольных камней. Емкость их различна — 3,1 куб. м и 2,9 куб. м. Одна из площадок была предназначена для рычажно-винтового пресса. К этому же типу принадлежит винодельня, открытая на Темир-горе в 1870 г. Близки им также винодельни Нимфея и Пантикапея⁶⁶.

Значительное число виноделен III в. н. э. свидетельствует о широком распространении виноделия на Боспоре в этот период. При сооружении виноделен сохраняются все технические достижения предшествующего времени. Рычажно-винтовой пресс, вошедший в употребление на Боспоре уже во второй половине I в. до н. э., характерен и для III в. н. э. Принятая во II—III вв. н. э. конструкция виноделен в виде трех давяльных площадок и примыкавших к ним трех резервуаров говорит о большом объеме производства вина. Виноделие не переживало упадка, как, например, производство художественных изделий или архитектура. Во II—III вв. и III—IV вв. н. э. не прослеживается ни упадок техники, ни сокращение производства. Более того, увеличение разницы в уровнях давяльных площадок и площадки для гири рычажно-винтового пресса свидетельствует о дальнейшем развитии техники — об улучшении конструкции пресса, винта⁶⁷, гири и т. д. Таким образом, технический прогресс в виноделии

⁶⁴ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 439.

⁶⁵ И. Д. Марченко. Указ. соч., стр. 315.

⁶⁶ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 408, 438.

⁶⁷ Там же, стр. 422, 428, 448.

Рис. 26. Садový или виноградарский нож (поселение у дер. Семеновки)

Боспора, наблюдающийся в первые века нашей эры, продолжается и в III в. и в IV в.

При раскопках боспорских городов часто находили виноградарские ножи. В Семеновке был найден железный нож, со слегка загибающейся внутрь верхней частью и со втулкой для деревянной рукоятки (рис. 26). Длина его по прямой линии от острия до пятки 23 см, диаметр втулки 3 см. Этот нож меньше изогнут, чем ножи, найденные в Пантикапее ⁶⁸, в Тиритаке ⁶⁹ и в Мирмекии ⁷⁰ в слоях I—II вв. н. э., и чем ножи, найденные в Помпеях ⁷¹. Впрочем, у нас нет никаких других доказательств существования виноградарства на таком отдаленном поселении, как поселение у дер. Семеновки. Возможно, что этот нож здесь использовался как садовый для ухода за фруктовыми деревьями.

В слоях первых веков нашей эры неоднократно находили косточки винограда. В 1963 г. при раскопках поселения Батарейка II Н. И. Сокольский в слое I в. н. э. нашел обугленные плоды винограда ⁷². В Мирмекии в 1948—1949 гг. в слое II—III вв. обнаружено огромное скопление виноградных косточек ⁷³, которые лежали слоем рядом с погребом, где были врыты в пол три огромных пифоса. По заключению специалиста А. М. Негруль, косточки эти принадлежат винным сортам винограда бассейна Черного моря и являются результатом длительного развития виноградарства в Северном Причерноморье. «Там первоначально культивировались мелкие местные сорта винограда», а в начале нашей эры «в результате отбора и завоза сортов из Греции в культуре появляется виноград с более круп-

⁶⁸ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах..., стр. 112, рис. 41; В. Ф. Гайдукевич ошибочно относит его к эллинистическому времени, см.: Виноделие..., стр. 361.

⁶⁹ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие..., стр. 361, рис. 5.

⁷⁰ В. Ф. Гайдукевич. Отчет о раскопках Мирмекии. МИА, № 25, 1952, стр. 185, рис. 91.

⁷¹ F. Petrie. Указ. соч., табл. LVII, 43.

⁷² Н. И. Сокольский. Отчет о работах Таманской экспедиции в 1963 г. Архив ИА АН СССР, ф. № Р—1, д. № 2733, стр. 81.

⁷³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 45; он же. Виноделие..., стр. 361.

ными семенами и ягодами»⁷⁴. К этому улучшенному сорту и относится виноград, семена которого были найдены в Мирмекии, и, вероятно, именно этот сорт культивировали виноградари Боспора в III в. н. э.

О развитии виноделия, а следовательно, и виноградарства в III—IV вв. можно судить и по производству на Боспоре керамической тары для хранения и перевозки вина. Исследователями уже были выделены несколько типов позднеантичных амфор, изготовленных из боспорской глины⁷⁵. Некоторые из этих амфор, бесспорно, предназначались для перевозок вина. Широко раздутое тулово и очень суженное горло были неудобны для хранения сыпучих тел.

О развитии садоводства и огородничества на Боспоре в III в. мы располагаем очень скудными данными. Феофраст⁷⁶, а вслед за ним и Плиний⁷⁷ сообщают о том, что на Боспоре растут гранаты и смоковницы, а также превосходнейшие яблоки и груши. Возможно, что часть так называемых ножей виноградаря применялась для обрезания плодовых деревьев. В 1963 г. Н. Н. Сокольский в горелом слое I в. н. э. на пос. Батарейка II нашел обугленное яблоко, внешне очень похожее на айву.

По сведениям Феофраста, относящимся еще к III в. до н. э., в Крыму росли сладкие луковицы, а у Меотиды — «скифский корень»⁷⁸⁻⁷⁹. Но ничего более определенного об огородничестве не известно. Когда Катон описывал, какой участок надо считать лучшим, он перечислял те части, которые должен этот участок включать: виноградник, огород, ивняк, масличный сад, луг, хлебную ниву, лес и др., т. е. огород входил в усадьбу рабовладельца как обязательная часть земельного участка⁸⁰.

Из найденных на Боспоре III—IV вв. н. э. сельскохозяйственных орудий к огородам можно отнести описанные выше железные мотыги с тяжелой пятой из Ново-Отрадного и Горгиппии (рис. 23).

У нас нет никаких прямых свидетельств о применении удобрений на Боспоре. Можно лишь предполагать, что давно практикуемое в античном мире, судя по свидетельствам античных авторов⁸¹, удобрение полей, было известно и здесь. Не случайно Virgilий говорит, что в местностях, где живут скифские племена, и у Меотских вод скот держат взаперти на скотных дворах⁸². Это позволяло накапливать навоз. Все римские агрономы специально останавливаются на вопросе об удобрениях. Катон советовал

⁷⁴ А. М. Негруль. Археологические находки семян винограда. СА, 1960, № 1, стр. 114; обугленные зерна винограда, выведенного из местных сортов дикого, нашел в 1965 г. Б. Г. Петерс на поселении Михайловка в слое I в.

⁷⁵ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 35 и 37.

⁷⁶ Theophr., IV, 5, 3.

⁷⁷ Plin. NH, XVI, 137.

⁷⁸⁻⁷⁹ Theophr., VII, 13, 8; IX, 13, 2.

⁸⁰ Сат., 1, 7 (См.: Марк Порций Катон. Земледелие, стр. 8).

⁸¹ См.: М. Е. Сергеев. Указ. соч., стр. 33—38, 207.

⁸² Virgil. Georg., III, 349—352.

старательно сохранять «козий, овечий, коровий и всякий прочий навоз»⁸³. Но на первое место из удобрений он ставил голубиный помет, так же, впрочем, как Варрон и Колумелла⁸⁴. Они упоминают также и об употреблении в качестве удобрения человеческих нечистот, хотя мнения их по вопросу о пользе этих удобрений различны.

На поселении у дер. Семеновки в помещениях, где стоял скот, имелись ямы, куда иногда вели небольшие каменные стоки. Может быть, сюда собирали навоз, чтоб затем по мере накопления, вывозить его в специальные пашенные ямы, как советовал делать Колумелла, или собирать в кучи, следуя советам Варрона. Золу в качестве удобрения, по-видимому, не применяли, во всяком случае в европейской части Боспора. Вблизи сельских поселений первых веков нашей эры имеются огромные зольники в виде насыпных холмов из золы и обломков керамики. Золу, следуя какому-то древнему обычаю, свойственному еще скифам архаического времени, аккуратно ссыпали в одно место. Такие зольники иногда достигают в высоту более 10—15 м (например, зольники около бывшей дер. Куль-Тэпэ, около поселений у деревень Семеновка, Мысовка, Ново-Отрадное, Золотое и др. на берегу Азовского моря; такие же зольники имеются у Илурата, у поселения около деревень Михайловка, Тасуново и др.).

Римские агрономы советовали употреблять наряду с навозом и зеленое удобрение: lupin и бобы. Но о применении его на Боспоре нет никаких данных.

Организация земледелия

Очень интересен и неясен вопрос об организации земледелия на Боспоре в позднеантичное время. Все античные города тесно связаны с земледелием. Античный город всегда имел земельные владения, в городах жили люди, связанные с земельной собственностью. Не случайно в Пантикапее, Мирмекии, Тиритаке, Кепах, Патрее и Фанагории найдены винодельни. Виноград, выдавливаемый в них, привозили из окрестностей города, с земельных владений, находящихся вне города. Если можно предположить, что винодельня, раскрытая на вилле Боскореале, обрабатывала виноград, который выращивали на участке, примыкавшем к вилле, то винодельни, расположенные в самих городах, должны были использовать виноград, привезенный с загородных участков. Если в Италии, Паннонии, Сирии и других районах античного мира мы хорошо знаем сельские рабовладельческие виллы римского времени — большие загородные дома, окруженные земельными участками, — то на Боспоре такие земледельческие хозяйства совсем не изучены. Исключением являются укрепленная

⁸³ С а т о, 36.

⁸⁴ См.: М. Е. Сергеев. Указ. соч., стр. 207, примеч. 15.

вилла на Темир-горе первых веков нашей эры и вилла вблизи Мирмекия II—I вв. до н. э. К сожалению, вилла на Темир-горе исследована очень мало, совсем не исследованы окружающие ее земли⁸⁵, раскопки велись не на должном научном уровне и опубликованы лишь архивные материалы. Что касается виллы эллинистического времени, то хорошо изучена сама вилла, но не выявлены размеры земельного участка и окружение виллы. В Северном Причерноморье более или менее хорошо обследованы лишь клеры Херсонеса, как здания усадеб, так и планировка земельных участков. Но они относятся к эллинистическому времени. Даже в Херсонесе организация земельного хозяйства в III в. н. э. совсем неясна. По отношению к Боспору мы можем высказать только очень предварительные соображения, своего рода гипотезы, которые должны быть подтверждены раскопками.

При разведках, проводимых на Керченском полуострове, было замечено, что к IV—III вв. до н. э., может быть к началу II в. до н. э., относится много неукрепленных сельских поселений, расположенных на ровных местах на поле и хорошо выявляющихся на свежевспаханной пашне. Следовательно, в европейской части Боспора в IV, III, начале II в. до н. э. было много поселений мелких земледельцев, типа небольших деревень, где жили крестьяне, обрабатывавшие хлебные поля и поставлявшие боспорским царям огромное количество пшеницы, о вывозе которой в Грецию нам известно из письменных источников. Картина резко меняется во II в. до н. э. В глубинной части Керченского полуострова поселения, располагавшиеся на неукрепленных местах, исчезают полностью. Число поселений в первых веках нашей эры резко уменьшается. Они располагаются ближе к морю, или в укрытых бухтах, или на холмах — в местах, удобных для обороны. Меняется и характер поселений. Дома группируются близко один к другому. Если на поселениях IV—III вв. до н. э. расстояние между постройками было около 30—50 м и можно предполагать, что около домов были приусадебные участки с огородом или небольшим садом, то на поселениях первых веков нашей эры земельные участки были вне поселений. Поселки имели планировку скорее городского типа. Дома стояли рядом и были разделены только улицами, обычно вымощенными камнями. Дворики у домов также имели каменные вымостки; в таких поселках не оставалось места садам и огородам. Жители этих поселков, однако, не были рабовладельцами, которым принадлежали поместья и которые пользовались только плодами труда рабов, живших в усадьбах. При раскопках этих поселений в разных помещениях находят сельскохозяйственный инвентарь: косы, лемехи плугов, серпы, садовые ножи и т. д., что неоспоримо свидетельствует о занятиях обитателей поселка сельским

⁸⁵ Большие зольники и значительная протяженность культурного слоя на склонах и у подножья Темир-горы заставляют предполагать существование там довольно большого поселения вплоть до IV в. н. э. (В. В. В е с е л о в. Разведки на Керченском полуострове. СА, XXIX—XXX, стр. 240).

хозяйством. Характер бытового инвентаря домов, монеты, украшения, оружие, импортная керамика, стойла для скота и т. д. говорят о том, что обитатели поселений были свободными или полусвободными земледельцами, одновременно занимающимися рыбной ловлей, животноводством и, возможно, садоводством. Большинство из них были потомками тех самых земледельцев, которые переселились из открытых сельских поселений в конце III или во II в. до н. э. и продолжали обрабатывать поля. Имелись также и представители вновь пришедших сарматских племен.

По существу, поселения такого типа, как у деревень Семеновки и Золотого, были укрепленными селами. Интересно, что в первые века нашей эры на территории восточных римских провинций происходило увеличение числа автономных поселений и объединений деревень. Это объяснялось определенной политикой римлян, которые со временем давали этим поселениям права муниципий⁸⁶. А. Джонес, исследуя города восточных провинций Римской империи, отмечает, что в период принципата в Лидии было урбанизовано большинство сельских общин⁸⁷. Термин «урбанизовано» здесь имеет юридический смысл, т. е. этим поселениям были даны права города. Но мы не знаем, существовало ли на Боспоре городское право и каковы были различия в правах горожанина и жителя деревни. Однако факт укрупнения сел, возможно, наблюдался и на Боспоре, но в более раннее время. Может быть, возникновение некоторых поселений на берегу моря в конце III и начале II в. до н. э. связано с политикой боспорских правителей по укрупнению сельских поселений, что было необходимо для их укрепления.

Вопрос о характере землевладения на Боспоре в III—IV вв. н. э. еще требует разработки. Письменных источников, которые могли бы пролить свет на этот вопрос, нет. Судя по надписи 151 г. н. э.⁸⁸, найденной в Фанагории, царь Тиберий Юлий Римиталк увеличил до прежних пределов посвященные богине земли в Фианнеях. Он увеличил и число обрабатывавших эту землю пелатов. Таким образом, судя по этой надписи, в середине II в. н. э. существовали храмовые земли, которые обрабатывали прикрепленные к земле крестьяне. Еще одна надпись конца II — начала III в.⁸⁹ свидетельствует о существовании больших земельных участков. О ней, так же как и о вышеприведенной, мы уже упоминали, разбирая вопрос о сельском населении (см. стр. 105).

Нет оснований сомневаться, что те же формы землевладения сохранялись и позже, во всяком случае в III в. Вероятно, сохранялось крупное

⁸⁶ И. С. С в е н ц и ц к а я. Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э. ВДИ, 1961, № 3, стр. 52.

⁸⁷ A. J o n e s. The cities of eastern Roman provinces. Oxford, 1937, стр. 94.

⁸⁸ IOSPE, II, 353=КБН, 976.

⁸⁹ IOSPE, II, 313; В. В. Л а т ы ш е в. Дополнение к IOSPE, II, 313; ИАК, вып. 37, 1910, стр. 11—13; В. Д. Б л а в а т с к и й. Земледелие в античных государствах..., стр. 50=КБН, 837.

землевладение храмов, царя и его приближенных. Их земли обрабатывались пелатами, прикрепленными к земле крестьянами, но, возможно, и свободными крестьянами или сельскими общинами, находившимися на землях этих крупных землевладельцев. Вероятно, существовало и мелкое землевладение. Поблизости от больших городов могли существовать и крупные рабовладельческие хозяйства — виллы.

Скотоводство

Разведение скота также было одной из отраслей сельского хозяйства Боспора. О его развитии можно судить по большому числу костных остатков, находимых при раскопках городов и поселений, по предметам домашнего инвентаря, предназначенным для приготовления сыра и других молочных продуктов, по наличию специальных помещений для содержания скота. Страбон, стараясь подчеркнуть суровость климата Северного Причерноморья, сообщает, что жители здесь не держат ослов, у быков приходится отпиливать рога, лошади мелкие, а овцы крупные ⁹⁰.

Кроме крупного рогатого скота, лошадей и овец, судя по остаткам костей, в городах и поселениях Боспора разводили коз и свиней. Кроме того, занимались разведением домашней птицы, употребление которой в пищу разнообразило стол боспорских жителей.

По-видимому, в различных районах Боспорского царства соответственно их географическим и экономическим особенностям отдельные отрасли скотоводства развивались неравномерно. Так, например, в районе Казантипского полуострова, по берегам Азовского моря скалистая и холмистая местность благоприятствовала овцеводству. Именно поэтому среди костных остатков на поселении у дер. Семеновки преобладают кости мелкого рогатого скота. Судя по числу костей, приходящихся на каждую особь ⁹¹, стадо этого поселения в III в. н. э. включало 58% мелкого рогатого скота, в том числе коз и овец, 22% крупного рогатого скота, 13% лошадей и 5% свиней ⁹². В боспорских городах, расположенных среди культурных земель, возможно, предпочитали разводить крупный рогатый скот, который давал больше мяса и мог использоваться в качестве тягловой рабочей силы. В Пантикапее, например, в первые века нашей эры резко увеличивается численность крупного рогатого скота. Он составляет более 40% всего состава стада, тогда как овцы и козы составляют лишь 30,5%. В Танаисе процент крупного рогатого скота превышает 52 ⁹³.

⁹⁰ Strabo, VII, 3, 18.

⁹¹ Все кости определены В. И. Цалкиным. Всего особей крупного рогатого скота — 34; мелкого рогатого скота — 13, лошадей — 8, свиней — 4.

⁹² Проценты вычислялись по материалу раскопок последних пяти лет (1958—1962 гг.).

⁹³ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 52, 1960, стр. 95.

Впрочем, увеличение количества крупного рогатого скота в стадах характерно для всех городов Боспора римской эпохи. Это связано прежде всего с изменением характера городской жизни, с рустификацией городов, с переселением в них сельских хозяев вместе с их домашним скотом. Однако не во всех городах Боспора даже после этого перемещения крупный рогатый скот стал преобладать над мелким. В Фанагории, Киммерике, Мирмекии в стадах продолжал преобладать мелкий рогатый скот. Даже если в некоторых случаях, когда выводы делались на небольшом числе представленных костных остатков, они могли быть случайными, нельзя все же отрицать связь, существовавшую между географическим положением поселения и составом его стада.

Состав стад в городах и поселениях в основном был одинаков. На первом месте всегда был крупный или мелкий рогатый скот, а затем шли свиньи или лошади. Последние, например, преобладали в Танаисе, Илурате и в поселении у дер. Семеновки. В Танаисе лошади составляли 10%, а свиньи — 3% всего состава стада, в Илурате лошадей было 19%, свиней — 13,9%, на поселении у дер. Семеновки лошадей — 13%, свиней — 5%. В крупных греческих городах, наоборот, из этих двух видов скота преобладали свиньи. В Пантикапее свиньи составляли 16,4%, тогда как лошади 12,6% состава стада; в Фанагории — свиньи 15,9%, а лошади — 10%. Число свиней, судя по костным остаткам, преобладало над числом лошадей также и в Мирмекии, Нимфее, Киммерике, Кепах, на Семибратнем городище и в других местах. Преобладание свиных костей в крупных городах, а лошадиных — в отдаленных от эллинизированных городов поселениях может объясняться также сохранением обычая употреблять в пищу лошадиное мясо. Этот обычай, возможно, бытовал в глубинных поселениях сельского типа и имел малое распространение в греческих городах.

Римские агрономы обращают особое внимание на разведение волов, которые являлись основной тягловой силой при сельскохозяйственных работах, а также на овцеводство и свиноводство. Колумелла сообщает, что «овечье молоко и овечий сыр насыщали не только деревенское население, но украшали и изысканный стол многими вкусными кушаньями»⁹⁴. II Колумелла и Варрон⁹⁵ описывают порядок разведения свиней; свинина была обязательным и любимым блюдом обитателя Италии.

Особенно интересны замечания об овцеводстве, перекликающиеся с материалом, полученным при археологических раскопках. На сельских поселениях европейского и азиатского Боспора находили керамические сосуды со сквозными отверстиями, которые, вероятно, служили для производства сыра. Совершенно идентичные глиняные чашки-цедилки на трех ножках были найдены в Илурате⁹⁶ и на поселении у дер. Се-

⁹⁴ Col., VII, 2, 1; см.: М. Е. Сергеев. Указ. соч., стр. 135.

⁹⁵ Col., VII, 9; Var., II, 4; см.: М. Е. Сергеев. Указ. соч., стр. 145 сл.

⁹⁶ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 72–73, рис. 64а и 64б.

Рис. 27. Каменные ясли и загородки (поселение у дер. Семеновки, помещение 27) ;

меновки ⁹⁷. В Семеновке встречались глиняные воронки и конические сосуды с отверстиями для стока жидкости ⁹⁸. В Илурате, на поселении у дер. Семеновки и на других поселениях как III в., так и III—IV вв. н. э. почти в каждом доме имеются помещения, предназначенные для скота. Иногда таких помещений несколько. Они обычно имеют вымощенный камнями пол, иногда с небольшими каналами для стока жидкости в находящиеся здесь же ямы. Последние чаще всего наполнены золой. В этих отделениях имеются каменные ясли для корма и каменные загородки с просверленными отверстиями, предназначенными, вероятно, для привязывания скота (рис. 27). Помещения эти обычно отапливались. Отделения для скота с каменной вымосткой были отгорожены от второй половины помещения, где была печь, каменными лежанками, яслями или каменными загородками. Все это находится в полном соответствии с советами Варрона вымащивать хлева для овец и коз камнем, «чтоб нигде в них не застаивалась моча» ⁹⁹, чтобы «не было ни сырости ни грязи» ¹⁰⁰. Варрон

⁹⁷ И. Т. Кругликова. Исследования сельских поселений античных государств юга СССР. «Acta Archaeologica», №. 14, Budapest, 1962, стр. 219, рис. 5 б.

⁹⁸ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 130, рис. 139, 1. В. Ф. Гайдукевич считает сосуд крышкой курильницы.

⁹⁹ Варг., II, 2, 19.

¹⁰⁰ Там же, 3, 6.

также рекомендует пол помещения, где стоят овцы, «замащивать и делать с уклоном, чтоб хлев легко было вымести и содержать в чистоте»¹⁰¹.

Размеры помещений, предназначенные для скота, были различны. Из 12 таких помещений, открытых на поселении у дер. Семеновки,¹⁰² — шесть имеют стандартные размеры: от 2,4 до 2,8 м в длину и от 3 м до 3,5 м в ширину. Несколько помещений имеют длину от 2,6 м до 3 м и ширину от 3 м до 4,2 м и лишь одно самое маленькое имеет размеры 2,4 м × 2 м¹⁰³ и одно самое большое — 3 м × 6 м¹⁰⁴. Примерно такие же, но чаще несколько больших размеров помещения для скота были и в Илурате¹⁰⁵. Интересно, что некоторые дома в Илурате имели по три таких помещения¹⁰⁶. Они могли быть предназначены для различных видов сельскохозяйственных животных. Число таких помещений, так же как число голов скота, было в прямой зависимости от материального положения хозяина дома. Даже в самом маленьком помещении для скота на поселении у дер. Семеновки могли стоять две коровы или несколько овец, а у большей части домов эти помещения были значительно вместительнее. По-видимому, на Боспоре, как и в древней Италии, было два типа овцеводства; кочевое, пастбищное и стойловое, приусадебное. Иногда они могли сочетаться. Так, по-видимому, обитатели поселения у дер. Семеновки держали часть овец и коз в домах. Но, возможно, у них были и кочевые стада. Для последних сооружали круглые каменные постройки или ограды среди гор и холмов, вдали от поселения. Такие круглые загоны для овец встречаются повсюду на Боспоре. Очень интересные наблюдения над изменением использования земельных владений были сделаны при раскопках поселения у дер. Октябрьской, вблизи Керчи. Там исследовался земельный участок, возможно, клер IV—III вв. до н. э. Размеры этого участка сильно возросли в первые века нашей эры, но в III—IV вв. каменные ограды, окружающие участок, были разрушены, перестала существовать усадьба и обрабатывавшиеся ранее земли были отданы под пастбище. В это время был сооружен каменный круглый загон, вероятнее всего предназначенный для овец. При раскопках внутри этого загона был обнаружен пол, сильно утоптаный копытами животных. Стены загона сложены в своем основании из массивных камней, а в верхней части — из более мелких камней на глине.

Надо полагать, что роль кочевого овцеводства возросла в III и IV вв. н. э. Стада овец кочевали в течение всего лета, а на холодную зиму их пригоняли в города и поселки в специальные хлевы.

¹⁰¹ V а г р., II, 2, 7.

¹⁰² Там таких помещений было много больше, но совершенно четко выявляются и не испорчены поздними перекопками помещения 4, 5, 7, 10, 12, 14, 20, 27, 32, 33, 47, 84. (см. рис. 13).

¹⁰³ Помещение 27.

¹⁰⁴ Помещение 10.

¹⁰⁵ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат, стр. 69—72. Помещения 16—18.

¹⁰⁶ Там же, стр. 72.

РЕМЕСЛО И ПРОМЫСЛЫ

Ремесло

Боспорские города в III—IV вв. н. э. продолжали оставаться центрами ремесла и торговли. В них сохранились все виды ремесленного производства, существовавшие в предшествующие эпохи¹. При настоящем уровне научных данных нет еще возможности говорить, число каких ремесленников преобладало на Боспоре, лет оснований также выделять ка-

¹ В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 42 сл.

кую-либо одну отрасль ремесленного производства как ведущую в экономике Боспора этого периода.

Если в IV—I вв. до н. э., по мнению В. Д. Блаватского, преобладающее значение по числу занятых рабочих рук имели деревообрабатывающее и каменотесно-строительное ремесло, а керамическое, металлургическое и ткацкое производство следовали за ними ², то в III и особенно IV в. н. э. удельный вес этих ремесел в производстве Боспора должен был несколько измениться.

Каменотесное дело переживало упадок. Удивительная примитивность каменных построек, грубость и небрежность каменной кладки, отсутствие настоящей обработки подавляющего большинства камней, употреблявшихся при строительстве — все это заставляет предполагать, что строительное дело в значительной мере ушло из рук специалистов-ремесленников. По-видимому, жители небольших городков сами строили себе жилища, добывая камень в окрестных скалах. Лишь в более крупных городах употребляли для строительства хорошо отесанные квадраты и то главным образом для облицовки дверных проемов. Чаще всего хорошо обработанные каменные блоки были взяты из разобранных построек предшествующего времени.

Искусство каменотесов эпохи расцвета совершенствовалось на изготовлении многочисленных надгробных памятников, различного рода алтарей, пьедесталов, на отделке богатых общественных и частных зданий и т. д. Каменотесы заготавливали сырье для скульпторов. Но в III в. число надгробий и возведенных статуй резко сокращается. Совсем мало надгробий, относящихся к IV в. н. э., а о постановке новых статуй в это время нет никаких упоминаний. Имеющиеся памятники свидетельствуют о начавшемся упадке каменотесного мастерства. Надписи на надгробьях, которые в предшествующий период тщательно вырезались, в III в. все чаще наносятся красной краской. Наряду с тщательно высеченными надписями, свидетельствующими об искусной работе резчиков, среди памятников, относящихся к III в., встречается множество надписей, отражающих «некоторый упадок мастерства, эклектизм, тенденцию к смешению различных элементов, утрату чувства стиля и умения применять изящные украшения букв» ³. Число надписей, вырезанных в IV в., сильно уменьшается. Лишь шесть из них содержат дату в тексте, и все они относятся к первой половине IV в. ⁴ Очень немногие из надписей сопровождаются рельефами, в большинстве случаев сделанными очень примитивно ⁵. При сооружении

² В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э., стр. 57.

³ А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. НЭ, III, М., 1962, стр. 30, 31.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ IOSPE, II, 165, 363, 445, 449, 450; ИАК, вып. 45, стр. 14, № 6; вып. 54, стр. 65; ВДИ, 1941, № 1, стр. 201, № 1=КВН, 723, 1051, 1277, 1281, 1285; 109J, 846, 941.

погребального памятника иногда довольствовались стелами, имеющими только скромный рельефный фронтон с тремя розетками, а надпись делали красной краской⁶, не прибегая к помощи резчика по камню. Иногда приобретали более или менее квалифицированно сделанную надгробную стелу, а надпись крайне примитивно вырезал человек, по-видимому, не имеющий квалификации каменотеса⁷. Для изготовления очень скромных иудейских и христианских памятников не было необходимости прибегать к услугам искусного мастера⁸. Потребность в квалифицированных каменотесах все более и более уменьшалась. Что касается деревообрабатывающего ремесла, то оно, возможно, сохраняло свое ведущее значение в течение всего III в., так как роль судостроительства в условиях Боспора, разделенного Керченским проливом, с разбросанными вдоль морских берегов городами, продолжала быть очень большой. Боспор обладал большим флотом, которым воспользовались пришедшие туда в середине III в. варвары для переправы в Азию⁹.

Много деревянных изделий требовалось также жителям Боспора для их повседневной жизни. Деревянная мебель, изображения которой встречаются на надгробных стелах¹⁰, в росписях склепа Сорака¹¹ — ложа, столы, кресла с точеными ножками, иногда вычурно изогнутыми, — изготовлялась на токарных станках и требовала часто большого мастерства. Глиняные шкатулки III в. в форме сундуков, найденные на поселении у дер. Семеновки¹², в Керчи и других местах, показывают нам типы деревянных ларцев или сундуков, поверхность которых покрыта искусно вырезанными украшениями.

Резные деревянные саркофаги, которые относились бы к III или IV вв. н. э., неизвестны. Прекрасные образцы таких саркофагов I и II вв. н. э. были найдены в Керчи в 1889, 1900 и 1910 гг.¹³, но, судя по типам терракотовых шкатулок, такие резные саркофаги могли быть изготовлены и в III в. В погребальном обряде в этот период саркофаги применялись редко. Известны царские погребения в мраморных саркофагах¹⁴, но обычно

⁶ ИАК, вып. 10, стр. 32, № 24—214 г. н. э.; ИАК, вып. 37, стр. 1, № 1—221 г. н. э.; такие надгробья с рельефными фронтонами и розетками, но со стершимися надписями неоднократно находили в Горгиппии.

⁷ ИАК, вып. 45, стр. 14, № 6.

⁸ ИАК, вып. 10, стр. 86; IOSPE, IV, 405, 420; ИАК, вып. 45, стр. 18, № 9; ЗООИД, XXXI, прилож., стр. 50.

⁹ Z o s i m., I, 31 = ВДИ, 1948, № 4, стр. 276.

¹⁰ На частично уцелевшем рельефе с надписью, датированной 307 г. н. э., можно различить изображение ложа и стола (IOSPE, II, 363).

¹¹ ИТУАК, вып. 10, 1890, стр. 111, 112.

¹² И. Т. К р у г л и к о в а. Поселение у дер. Семеновки. КСИА, вып. 83, стр. 83. рис. 31, 2; Н. И. С о к о л ь с к и й. Боспорские глиняные шкатулки. ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 124 сл.

¹³ А. П. И в а н о в а. Художественные изделия из дерева и кости. АГСП, стр. 418 сл.

¹⁴ Погребение с золотой маской. ДБК, стр. 13.

жители Боспора хоронили умерших в деревянных гробах, которые иногда обивали золотыми пластинками ¹⁵, иногда свинцовыми ¹⁶, но в большинстве случаев гробы, по-видимому, были простые деревянные ¹⁷.

Важную роль в боспорских домах III в. н. э. играли деревянные строительные конструкции. Даже на небольших поселениях преобладали дома с двумя этажами. Сохранилось много лесенок, нижние четыре-пять ступенек у которых были каменными, а продолжение должно было быть деревянным, о чем свидетельствует их конструкция. Перекрытия этажей из отесанных деревянных плах часто можно проследить при расчистке погибших в пожаре зданий. Здания имели массивные деревянные двери, судя по длинным железным ключам (рис. 28, 2) и углублениям в порогах дверей. Громадное количество железных гвоздей различных размеров, имеющих иногда длину до 15 см, говорит о множестве деревянных конструкций внутри зданий. Некоторые из помещений имели, возможно, деревянные полы, например, на поселении у дер. Семеновки. Ткацкие станки — почти обязательная принадлежность каждого дома — также имели деревянную основу. На полах помещений находят деревянные пряслица, сделанные на токарном станке ¹⁸, в могилах — деревянные ножны мечей ¹⁹, деревянные гребни ²⁰, деревянные сосуды ²¹. Маленькие бронзовые ключи на перстнях (рис. 28, 1) и различные замки свидетельствуют о большом распространении в быту боспорского населения деревянных шкатулок. Их часто находят и в могилах ²². Раскопки позволяют даже выявить древесные породы, употреблявшиеся для различных поделок. Так, среди обуглившихся кусков дерева от плах перекрытия потолка и от других деревянных изделий, найденных в 17 помещениях на поселении у дер. Семеновки, преобладали дуб и сосна ²³, которые и в настоящее время считаются лучшими породами для строительных работ. Кроме того, в одном из помещений плаха упавшего перекрытия была из березы, встречалось довольно много поделок из можжевельника, имелись обуглившиеся куски кипариса, тополя, вяза и других лиственных пород. Все эти виды деревьев, кроме березы, и в настоящее время растут в Крыму. По-видимому, строительное дерево и сырье для различных поделок добывались поблизости. Со-

¹⁵ ОАК за 1877—1881 гг., стр. 35.

¹⁶ ДБК, стр. 28, 29.

¹⁷ ИАК, вып. 25, стр. 42, рис. 16. В «катакомбе» с оттиском монеты Валентиниана — IV в.

¹⁸ Раскопки поселения у дер. Семеновки.

¹⁹ ИАК, вып. 25, стр. 48; Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 42, склеп 50.

²⁰ ИАК, вып. 25, стр. 43: склеп № 154 (10) — двусторонний гребень; там же найден венок с оттиском монеты IV в. — Валентиниана.

²¹ ИАК, вып. 47, стр. 18, с вещами IV в. — блюдо; ИАК, вып. 25, стр. 57 — деревянная миска.

²² ОАК за 1872 г., стр. XIX, монета III в.; ИАК, вып. 47, стр. 18, вещи IV в.; ИАК, вып. 30, стр. 65, могила IV в.; ИАК, вып. 30, стр. 5.

²³ Определения Г. Н. Лисициной.

Рис. 28. Ключи:
1 — бронзовый, 2 — железный

хранились и кое-какие инструменты, применявшиеся для деревообделочных работ. Топор с теслом был найден в Семеновке (рис. 29, 1), железные пилы на Семибратнем городище ²⁴ и в Горгиппии ²⁵. Конечно, эти инструменты не обязательно должны были принадлежать ремесленникам. Но само количество деревянных поделок, необходимое для повседневной жизни боспорян, свидетельствует о существовании деревообделочного ремесла и ничто не говорит об его упадке в позднеантичную эпоху.

²⁴ Н. В. А н ф и м о в. Новые данные к истории азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 265, рис. 8.

²⁵ Железная пила с разведенными зубцами, напоминающая современную двуручную пилу, была найдена в помещении III в. в 1965 г.

Мало что можно сказать о развитии костерезного ремесла III—IV вв. н. э. Известно, что в первые века нашей эры местное костерезное производство достигло большого развития²⁶. Ко II в. относится серия костяных игральных костей — тессер, найденных в Керчи в 1909 г.²⁷ Возможно, ко II или III в. следует отнести контурное изображение Тритона, вырезанное из костяной пластинки и найденное в одном из помещений в Тиритак²⁸. Обломки костяных изделий, обработанных с помощью токарного станка, неоднократно встречались на поселениях III в. н. э. Но чаще всего попадаются примитивные костяные орудия типа костяных игл для вязания сетей²⁹ (рис. 9) и костяных ножей из ребра крупного животного, служивших для разделки рыбы или для обработки кожи (рис. 10)³⁰. Очень много костей и рогов со следами распила — заготовок для производства костяных изделий. Однако, судя по тому, что в могилы первых веков нашей эры художественные изделия из кости клали редко, в быту они, по-видимому, очень большого распространения не имели. Возможно, что этот вид ремесла в III—IV вв. переживал некоторый упадок. Резьба по кости вышла из моды или была вытеснена резьбой по дереву. Она употреблялась главным образом для инкрустаций и украшений деревянных изделий. Для этих целей употребляли преимущественно слоновую кость, а с нарушением торговых связей слоновая кость перестала регулярно поступать на Боспор, и изделия из нее стали редки и дороги.

Если судить по резкому ухудшению качества керамических изделий II—IV вв., можно прийти к выводу об упадке этого вида ремесла. Однако упадок этот коснулся главным образом качества изделий, но вряд ли отразился на объеме продукции ремесленных мастерских. Глиняные сосуды продолжали быть основным видом бытовой посуды боспорцев, а амфоры и пифосы продолжали служить основным видом тары. Импорт керамических изделий в это время значительно сократился, и местные ремесленники должны были даже увеличить количество выпускаемой продукции, чтобы не только удовлетворить потребности внутреннего рынка, но и обслужить соседние племена, с которыми у Боспора существовали торговые связи.

²⁶ А. П. И в а н о в а. Художественные изделия из дерева и кости. АГСП, стр. 432.

²⁷ М. И. Р о с т о в ц е в. Древние костяные пашки с юга России. ИАК, вып. 10, 1904, стр. 109 сл.

²⁸ Т. Н. К н и п о в и ч, Л. М. С л а в и н. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 53, рис. 74.

²⁹ В. Ф. Гайдукевич предполагает, что они служили другим целям (В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат, МИА, № 85, 1958, стр. 127, 131, рис. 140, 2); иногда 15 таких костяных игл — «палочек с зарубками» клали в могилу (ИАК, вып. 25, стр. 7, могила № 15 и стр. 8, могила № 19)

³⁰ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат, стр. 126, рис. 133. Подобные орудия в большом количестве найдены и на поселении у дер. Семеновки.

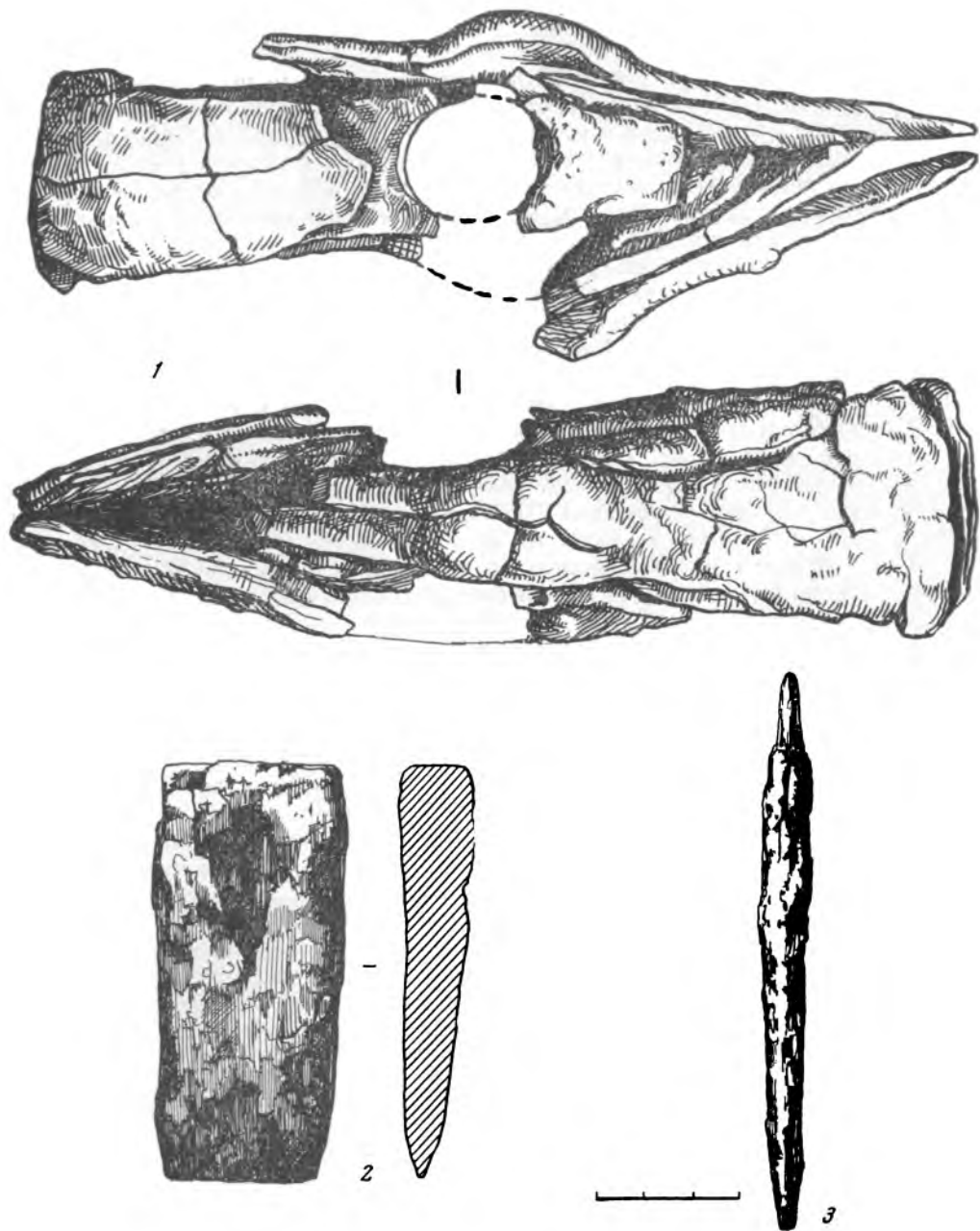

Рис. 29. Железные орудия из поселения у дер. Семеновкл.:
 1 — топор с теслом, 2 — зубило, 3 — проколка

Можно заметить, однако, что в позднеантичный период керамические мастерские не все виды продукции выпускали одинаково интенсивно. Увеличилось, по-видимому, изготовление амфор, пифосовидных сосудов, простой бытовой посуды: горшков, мисок, кувшинов, кастрюль. Продолжали производить местную краснолаковую посуду, разные формы светильников и других сосудов. Что касается черепицы, то производство ее, вероятно, значительно уменьшилось.

При раскопках боспорских городов и поселений находят несравнимо большее количество черепицы эллинистического периода, чем позднеантичного. По-видимому, в III в. н. э. строения продолжали покрывать черепицей лишь в наиболее крупных поселениях. Так, в Илурате, на поселениях у деревень Ново-Николаевки, Тасуново и других обломки черепицы встречаются лишь в единичных экземплярах. На поселении у деревень Семеновки и Ново-Отрадного они не встречаются совсем и только в Пантикаее, Фанагории, Горгиппии, Тиритаке и других городах в слоях III—IV вв. имеется черепица. Также, по-видимому, сократилось и производство терракот, они стали однообразнее. Изготовленные в ремесленных мастерских терракоты почти не встречаются на отдаленных поселениях. Они почти полностью пропадают из городских слоев конца III и IV в. н. э., что связано, вероятно, с изменением религиозных представлений боспорских жителей.

Изучение керамики из раскопок боспорских городов и поселений показывает, что в слоях III—IV вв. н. э. наряду с посудой, сделанной на гончарном круге и обожженной в специальных печах в гончарных мастерских, большое распространение получила лепная примитивная, сделанная без гончарного круга, керамика. Количество ее особенно возросло с III в. н. э. Наблюдается распространение довольно однообразных типов этой керамики в пределах небольшого района. Так, например, в III в. н. э. на поселениях в районе мыса Казантип на берегах Азовского моря широко распространено было употребление в быту лепных одноручных кувшинчиков и мисок различных размеров, поверхность которых покрыта красной краской и залощена (рис. 30). Краснолощенная керамика возникла, возможно, как подражание импортной краснолаковой посуде. Она встречается в Илурате ³¹ и в других пунктах европейского Боспора, но в очень незначительных количествах. На поселениях же в районе мыса Казантип, у деревень Семеновки и Мысовки она особенно сильно распространена. Формы ее довольно стандартны: горшочки с вытянутым, сужающимся кверху горлом и небольшой ручкой (рис. 30, 7), плоскодонные миски (рис. 30, 3), кувшины (рис. 30, 2). Невольно возникает предположение, что на поселении был свой мастер, снабжавший жителей данного и соседних поселков своей продукцией. Возможно, этот мастер был обычным земледельцем, и только в свободное время занимался изготовлением лепной посуды.

³¹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 102, рис. 100.

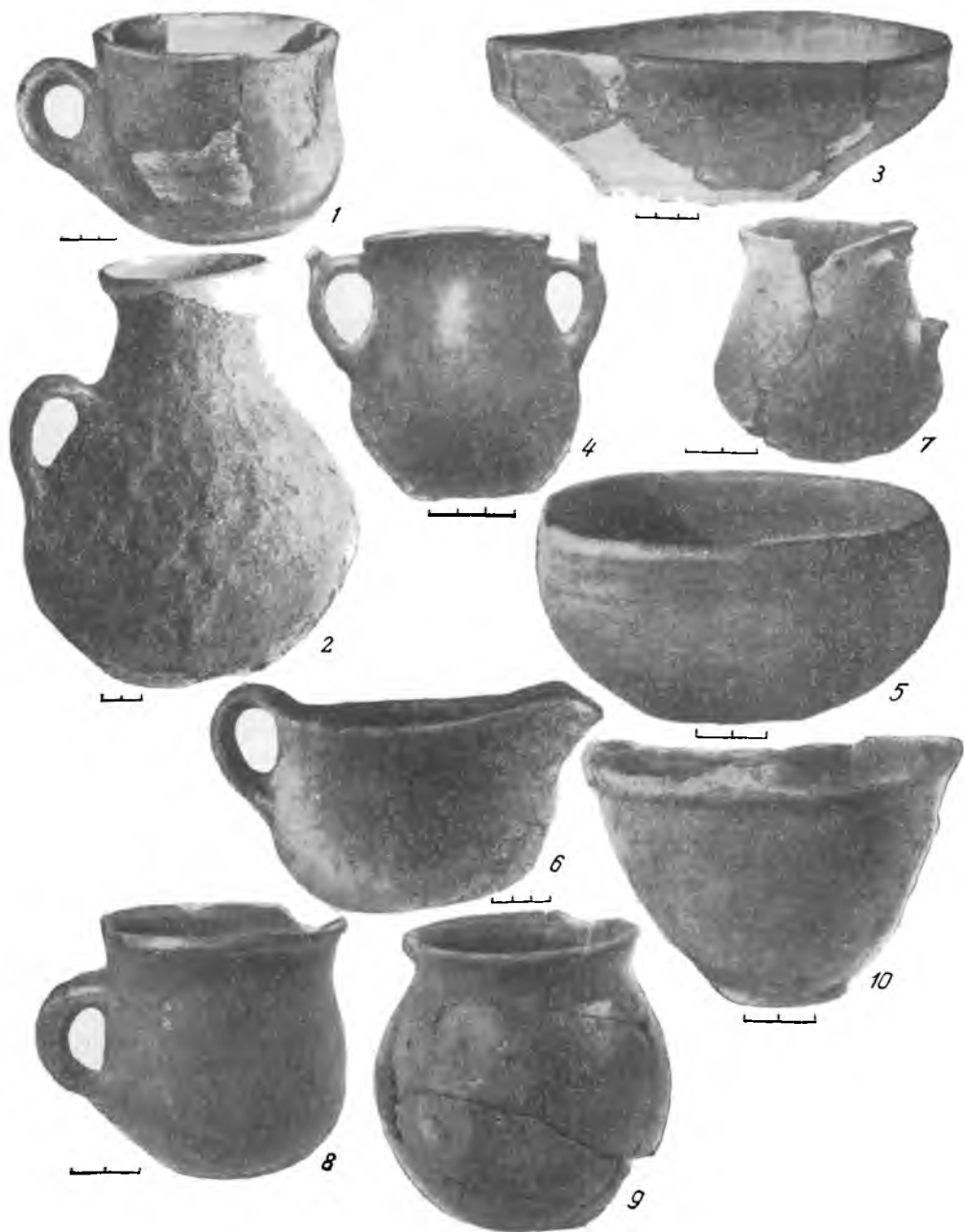

Рис. 30. Типы лепных сосудов III в. с красноощенной поверхностью
(поселение у дер.Семеновки)

Состав глины, краска, качество лощения дают право на существование такого предположения. Возможно, мы тут имеем дело с своеобразным деревенским ремеслом, т. е. с ремеслом, которое окончательно не отделилось от земледелия. Это могло быть распространено в отдаленных от крупных городских центров пунктах. Впрочем большое количество рядовой лепной кухонной посуды находят и при раскопках крупных городов Боспора. Она могла там изготовляться и каждой отдельной семьей для своих собственных нужд. К такой посуде относятся грубые горшки, миски, ладьевидные светильники (рис. 31, 32 и 17, 4—8).

Заметное увеличение роли лепной посуды в быту рядовых боспорцев в III и особенно в IV в. н. э. отражает изменение состава городского населения. Вместе с тем оно свидетельствует о том, что керамические мастерские, по-видимому, не могли вполне удовлетворить потребности внутреннего рынка, хотя археологические раскопки открыли нам целый ряд крупных керамических мастерских этого времени, позволяющих судить о большом размахе боспорского керамического производства.

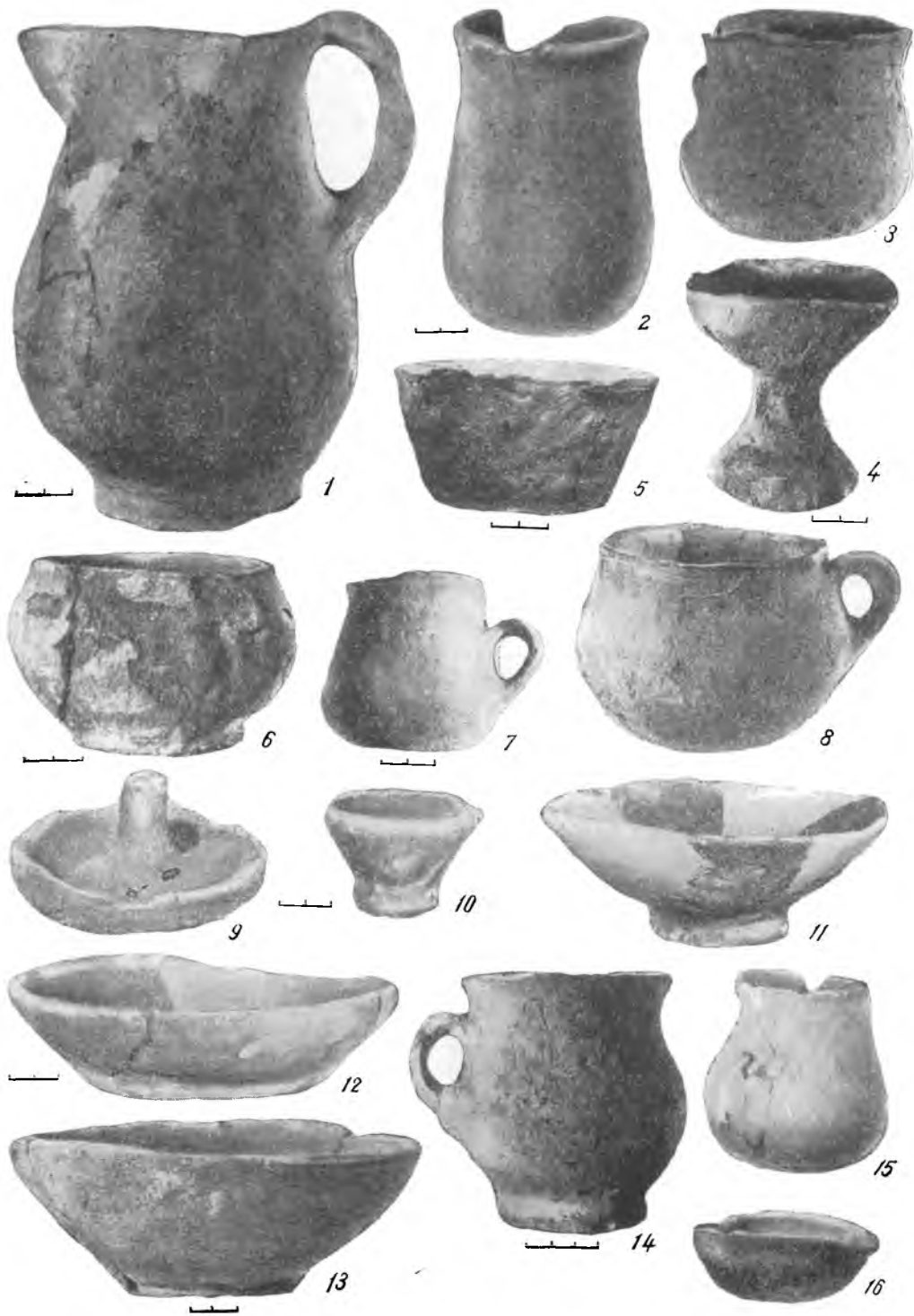
В литературе неоднократно встречаются упоминания об открытии в XVIII и XIX вв. гончарных керамических печей в Фанагории³², но к какому времени они относятся, неизвестно. В 1930 г. на юго-восточной окраине фанагорийского городища была обнаружена керамическая печь IV в. н. э.³³ Она дает полное представление о размерах гончарных печей, их конструкции, строительных приемах их сооружения. Печь в плане представляла собой круглое цилиндрическое строение с диаметром около 5 м. Топочное отделение высотой 1,24 м находилось ниже поверхности почвы и было облицовано саманным кирпичом. Верхняя часть печи, возвышавшаяся над землей, имела наружные стены из кирпичей. Но внутри обжигательная камера специальной облицовки не имела, и ее кирпичные стены были обмазаны глиной. В центре топочного отделения находился подпорный столб из саманных кирпичей квадратной формы, который в верхней части расширялся путем ступенчатой кладки. Такая же ступенчатая кладка была у кирпичей, облицовывавших стену, и таким образом создавался свод в виде арок, расходящихся по радиусу и образующих перекрытие топочного отделения. На перекрытии лежал слой глины, являвшийся подом обжигательной камеры. В нем были сквозные отверстия —

³² К. Герц. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876, стр. 84; о н ж е. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 107. Материалы не опубликованной рукописи В. В. Шкорпила приведены в работе: В. Ф. Гайдукевич и ч. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, 80, М. — Л., 1934, стр. 52.

³³ В. Ф. Гайдукевич. Античные... печи, стр. 53.

Рис. 31. Типы лепных сосудов III в.:

1 — 15 — из поселения у дер. Семеновки, 16 — из поселения у дер. Афанасьевки (Гераклий)

продукти, через которые горячий воздух из топочного отделения поступал в обжигательную камеру. С северной стороны стена имела служившее для загрузки печи керамикой отверстие, которое во время обжига закладывалось. Куполообразное перекрытие этой печи не сохранилось, но оно может быть легко восстановлено по аналогии с другой печью того же времени, открытой в Керчи ³⁴. В 1953—1954 гг. в Фанагории в том же районе была исследована еще одна гончарная печь такой же конструкции; диаметр ее 4 м. От нее сохранились: центральный столб, в основании которого лежали камни, части радиальных стенок, каменное основание и часть кирпичной обкладки кольцевой стены. Пол ее был глинобитным ³⁵. Печь датируется IV в. н. э. по найденным в слое краснолаковым блюдам. Возможно она относится к тому же комплексу керамической мастерской, что и печь, исследованная В. Ф. Гайдукевичем. Раскопки, производившиеся в этом районе позднее, позволили установить, что здесь был ремесленный квартал города — Керамик, где жили и работали гончары. В III в. н. э. размеры площади, занятой керамическими мастерскими, значительно увеличились. Было обнаружено еще несколько керамических печей (рис. 33) и их развалов ³⁶, глиняные подставки для обжига сосудов, кружочки, представляющие собой оббитые стенки простых сосудов различных размеров, служившие прокладками, пестики — орудия труда гончаров в виде мраморных пальцев ³⁷, керамический брак ³⁸ (испорченные при обжиге кирпичи, черепица).

К позднеантичному периоду относится и гончарная обжигательная печь, обнаруженная на другой стороне Керченского пролива, в Пантикапее в 1930 г. ³⁹ Эта печь также в плане имела круглую форму. Ее внутренний диаметр был 4,65 м. Верхняя часть печи, видимо, была куполообразной ⁴⁰, так как кольцевая стена, окружающая печь, имела небольшой наклон внутрь, благодаря чему диаметр печи по мере возвышения стены все время уменьшался. Сохранился находившийся в центре печи столб, размеры которого у основания $1,62 \times 1,15$ м. Этот столб был прорезан каналом шириной 0,25 м с ступенчатым перекрытием. По-видимому, канал служил для пропуска горячего воздуха в заднюю половину топочного отделения. Под

³⁴ В. Ф. Гайдукевич. Античные... печи, стр. 16 сл.

³⁵ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 95.

³⁶ М. М. Кобылина. Отчеты о раскопках Фанагории за 1956—1964 гг. Архив ИА АН СССР, ф. № Р-1, д. № 2035, 2070, 2333, 2490.

³⁷ Такого же типа пестик из яшмы был найден в Керчи. См.: В. Ф. Гайдукевич. Античные... печи, стр. 47, рис. 16.

³⁸ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 90.

³⁹ В. Ф. Гайдукевич. Античные... печи, стр. 40.

⁴⁰ Там же.

Рис. 32. Типы лепных сосудов III в. (поселение у дер. Семеновки)

1

2

4

3

6

5

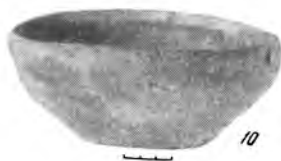
7

8

9

10

11

13

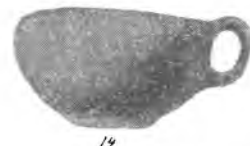
12

15

16

14

18

17

19

печи образован из поставленных вертикально сырцовых кирпичей, между которыми были вмазаны специальные «клинья» в виде плоских черепков и глиняные трубки диаметром 0,1—0,11 м. Трубки играли роль продухов, пропуская теплый воздух в обжигательную камеру. Стены топочной части печи были облицованы кирпичами. Для загрузки печи керамикой имелось специальное отверстие.

Гончарная печь, функционировавшая во второй половине II и в начале III в. н. э., была обнаружена в Горгиппии в 1962 г. В отличие от фанаторийских и пантикапейских печей, она имела прямоугольную форму (3,54 × 3,1 м) и была значительно меньше по размерам. Топочная часть ее также была углублена в землю примерно на 0,7—0,9 м. Под печи поддерживался каменным столбом (0,6 × 0,8 м), который находился, однако, не в самом центре печи, а был слегка смещен к юго-западному углу. Под печи не сохранился. Стены топочной камеры были каменными, а с внутренней стороны они были обмазаны слоем глины. Свод печи, по-видимому куполовидный, был сложен из сырцовых кирпичей, но также с внутренней стороны обмазан глиной.

Рис. 33. Фанагория. Печи IV в. н. э., открытые в 1964 г.

Рис. 34. Муфтообразные
подставки из Горгиппии

Остатки большой керамической печи, правда полностью разрушенной, были обнаружены и на Западно-Цукурском поселении на Тамани ⁴¹. Вместе с остатками печи там найден производственный брак и отходы керамического производства в виде керамических шлаков. Правда, точно датировать печь не удастся. Она находилась в слое сарматского времени, относящемся к периоду с I в. до н. э. по IV в. н. э.

При расчистке печей Фанагории, Горгиппии и Пантикапея вблизи них были найдены специальные муфтообразные подставки ⁴² (рис. 34), инструменты для лощения поверхности сосудов ⁴³, представляющие собой

⁴¹ Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 162 сл.

⁴² В. Ф. Гайдукевич. Античные... печи, стр. 91, рис. 49; М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 89, рис. 25, 1; И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе. КСИА, вып. 95, стр. 63, рис. 25, 2.

⁴³ В. Ф. Гайдукевич. Античные... печи, стр. 47, рис. 16; стр. 46. рис. 15; стр. 50, рис. 20.

Рис. 35. Пестики из поселения у дер. Семеновки

либо бруски из песчаника, либо каменные шары, инструменты продолговатой формы — пестики (рис. 35) и др.

Кроме Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и поселения Западно-Цукурского, следы керамического ремесла сохранились в Илурате в виде муфтообразных подставок, обычно применявшихся при обжиге остродонных сосудов в керамических печах ⁴⁴, а также, по-видимому, в Тиритаке ⁴⁵.

Есть основание предполагать, что гончарные мастерские III—IV вв. были и в Гермонассе, хотя до настоящего времени там найдена только гончарная печь I в. н. э. ⁴⁶, служившая, вероятно, для обжига миниатюрных изделий, может быть терракот. Близка ей по размерам печь коропласта I в. до н. э., обнаруженная в Керчи на горе Митридат ⁴⁷.

В настоящее время известно большое число керамических печей, открытых в различных провинциях Римской империи. Среди них имеются небольшие круглые с диаметром от 1 до 2,2 м для обжига посуды, есть более крупные с диаметром до 3—4 м ⁴⁸. Для обжига черепицы применяли печи прямоугольной формы. Известна, например, прямоугольная печь для обжига черепицы, открытая в 1943 г. вблизи Сармицегетузы в Дакнии, длина которой была 6,4 м и ширина 6,2 м. Длина обжигательной ка-

⁴⁴ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 55, рис. 42.

⁴⁵ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, 104, 1935, стр. 240.

⁴⁶ И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 119.

⁴⁷ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 223.

⁴⁸ Мау. «Fornax». RE, t.VII, стр. 3.

Рис. 36. Черепица III в.
из Горгиппии

меры была 3,8 м и ширина 4 м ⁴⁹. Печи Боспора продолжают античную традицию и не отличаются сильно от печей других частей античного мира.

Сейчас можно выделить несколько групп керамических изделий, изготовлявшихся ремесленниками Боспора в III и IV вв. н. э. Одно из важных мест среди продукции боспорских гончаров занимает черепица. Ее производство требовало больших гончарных печей, большого количества сырья и для обслуживания черепичной мастерской необходимы были дополнительные рабочие руки.

Об интенсивной работе черепичных эргастериев с IV в. до н. э. по I в. н. э. свидетельствуют многочисленные клейма на боспорских черепицах ⁵⁰. Но черепица, выпускавшаяся на Боспоре позднее, не клеймилась и ее было меньше. В слоях III и особенно IV в. черепица попадает гораздо реже, чем в слоях предшествующего времени. Часто встречаются случаи вторичного использования черепицы, сделанной ранее. Это говорит о сокращении числа черепичных эргастериев и, вероятно, об уменьшении их размеров.

Однако в городских слоях III—IV вв. н. э. все же встречается черепица, иногда сделанная из такой же глины, как и клейменная, но имеющая иную форму. По-видимому, в поздний период на Боспоре получила распространение черепица изогнутой формы — желобообразная ⁵¹. Она встречается в Пантикапее, Горгиппии и других городах.

⁴⁹ O. Florea. Der römische Ziegelofen von Sarmizegetusa. «Dacia», IX—X. Bucarest, 1945, стр. 431 сл.

⁵⁰ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора; он же. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времен Спартокидов. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 22; Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре. СА, XXI, 1954, стр. 119; он же. Клейма на амфорах и черепицах из Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 225; В. В. Веселов. Новые формы и варианты клейм боспорских кровельных черепиц. АИБ, II, стр. 349 сл.

⁵¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 71.

В настоящее время бесспорно, что в III в. н. э. черепицу изготовляли в керамических мастерских Фанагории, где найдены отходы производства⁵². Производство черепицы существовало, вероятно, и в Пантикапее. Возможно ее выпускали и мастерские Горгиппии⁵³, хотя относительно III в. н. э. прямых доказательств этому нет. Впрочем, в слоях III в. н. э. в большом количестве встречаются черепица и амфоры, сделанные из одного и того же глиняного теста; для него характерны ноздреватая структура, крупнозернистые примеси шамота, песка и белых крупинок (известки), красно-коричневый цвет. Солены были плоскими с загибающимися с двух продольных сторон краями⁵⁴. Калиптеры, перекрывавшие щели в местах соединения двух соленов (рис. 36), имели обычную для того времени полуцилиндрическую форму с расширяющимся нижним и сужающимся верхним концами⁵⁵. Несмотря на то, что глина этих черепиц отличается от той, из которой формовались горгиппийские клейменные черепицы IV в. до н. э.⁵⁶, большое количество таких черепиц в Горгиппии и сходство их глины с глиной амфор, встречающихся почти исключительно в Горгиппии, позволяет предполагать их местное производство.

Особенно велико в позднеантичный период было производство амфор. Известны амфоры III и IV вв. н. э., сделанные из фанагорийской⁵⁷, пантикапейской глины⁵⁸ и из глины, которую принято просто называть боспорской. Форма этих амфор различна. Большею частью это массивные амфоры с широким горлом, яйцевидным туловом, покрытым горизонтальными желобками (реберчатые) и конусовидной ножкой (рис. 37, 1, 10), а также амфоры с гладким туловом, иногда с более, иногда с менее широким коротким

⁵² М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 90.

⁵³ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 302.

⁵⁴ Ширина соленов около 32 см, длина около 45 см, толщина — от 1,5 до 2,5 см, высота выступающего вверх края 2,5—3 см. На поверхности солена часто имелись небольшие продольные желобки, сделанные пальцами при формовке. Аналогичные желобки были и на соленах первых веков нашей эры, найденных в рыбозасолочных ваннах Тиритаки; В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы..., стр. 240, рис. 67а.

⁵⁵ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы..., стр. 243. Поверхность калиптеров также была покрыта продольными желобками, а у краев были еще и поперечные. Длина калиптеров, как и соленов, была около 45 см, наибольшее расстояние между краями дуги у нижнего конца было 17 см, а наименьшее у верхнего — 10,5 см.

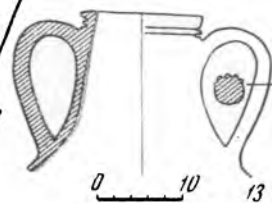
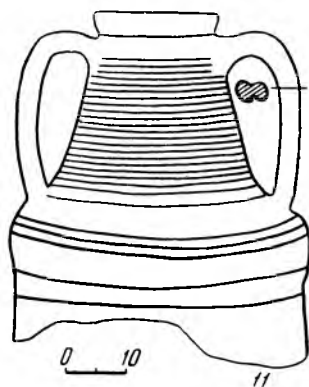
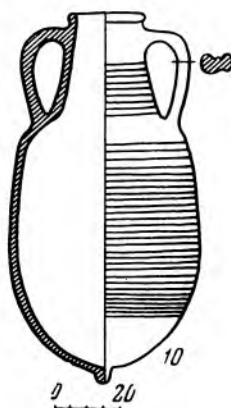
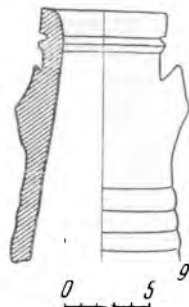
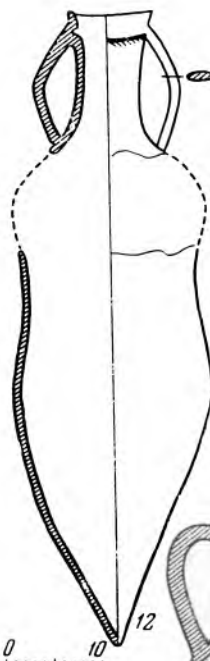
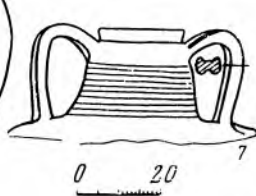
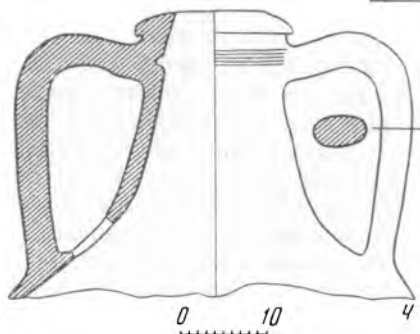
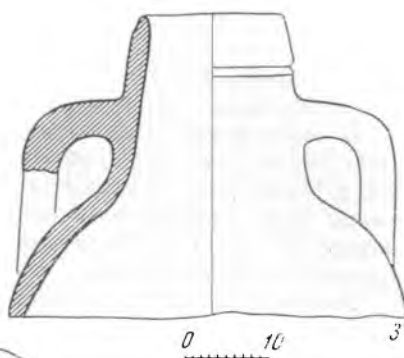
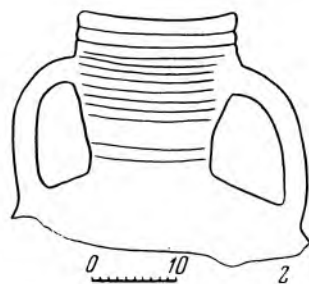
⁵⁶ Там же, стр. 302.

⁵⁷ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 91.

⁵⁸ В. Ф. Гайдукевич. Античные... печи, стр. 47.

Рис. 37. Амфоры из боспорских городов и поселений III—IV вв.:

1, 3, 4, 6—13—III в., 2, 5—IV в.; 1, 3, 4—Мирмекий, 2, 5—Тиритака, 6, 7, 9—11, 13—Семеновка, 8—Илдураг, 12—Горгиппия

горлом (рис. 38, 13, 37, 6). Они встречаются в большом количестве как в городах, так и на поселениях Боспора III—IV вв. н. э.⁵⁹

В мастерских Пантикапея, вероятно, изготавливали розовоглиняные амфоры, широко представленные в Илурате, на поселении у дер. Семеновки, в Киммерике, Танаисе и в других местах (рис. 38, 13, 14)⁶⁰. Близкие этому типу амфоры изготавливались в III в. в Фанагории⁶¹. Там в печах конца III и IV в. обжигались и красноглиняные амфоры с реберчатым туловом, с уплощенными каннелированными ручками⁶².

Амфоры, изготавливавшиеся в Горгиппии, по-видимому, предназначались специально для виноделов окружающего город района. Их обломки преобладают в городских слоях Горгиппии конца II — начала III в. н. э. Характерной особенностью этих амфор является глубокая горизонтальная вдавлинка с внутренней стороны горла на уровне прикрепления верхней части ручек и соответственно сильно выдающийся выступ — ребро — с наружной стороны (рис. 37, 12). Ручки у амфор уплощены, тулово удлиненное с перехватом в верхней части, глина коздристая, красно-коричневого цвета с значительными примесями песка, шамота, белых и черных частичек. Дно конусовидное с небольшой шишечкой. Венец амфоры горизонтально срезан, иногда он слегка отогнут наружу, иногда вертикальный. Диаметр устья около 10 см. Общая высота амфоры более 70 см⁶³.

Возможно, что форма этих амфор подражает амфорам I в. до н. э. — I в. н. э., сделанным из «коричневой глины»⁶⁴. В свою очередь, дальнейшая эволюция данного типа амфор привела к появлению новой разновидности амфор. Она представлена высокой амфорой буро-коричневой глины, найденной в Тиритаке в доме IV в. (рис 38, 1)⁶⁵. Такого типа амфоры известны на Кавказском побережье Черного моря. Но глина, из которой они

⁵⁹ Т. Н. К н и п о в и ч. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 74, рис. 28Б; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Античные... печи, стр. 48 рис. 17; о н ж е. Раскопки Тиритаки, МИА, № 25, стр. 113, рис. 138, стр. 98, рис. 116; о н ж е. Илурат, стр. 119, рис. 122, стр. 56, рис. 43; Д. Б. Ш е л о в. Экономическая жизнь Танаиса. «Античный город», М., 1963, стр. 117, рис. 1, 7, 8; очень много таких амфор на поселении у дер. Семеновки.

⁶⁰ И. Б. З е е с т. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, стр. 116. табл. XXXV, 84.

⁶¹ Там же, стр. 116, табл. XXXVI, 86.

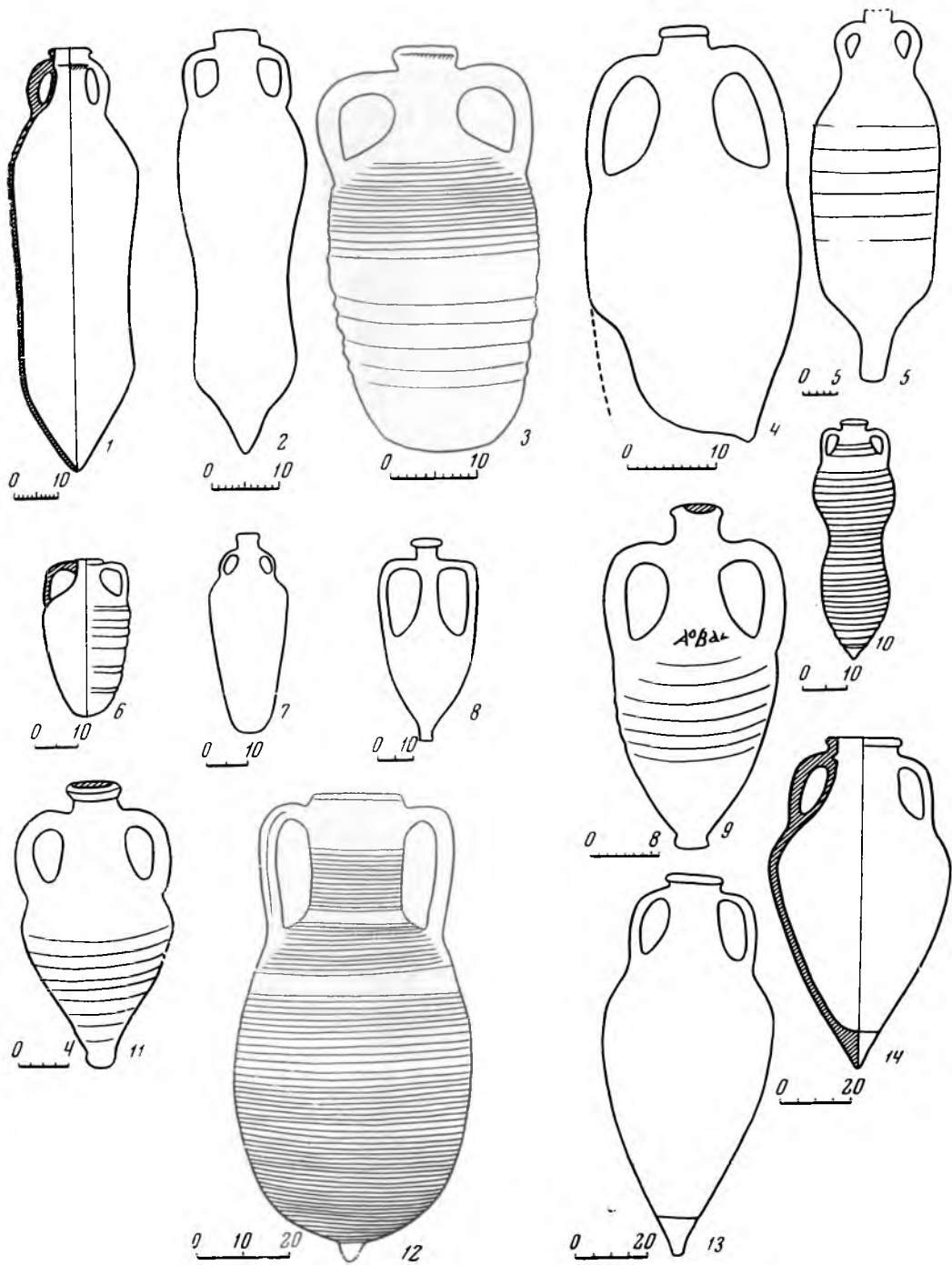
⁶² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Античные... печи, стр. 84; И. Б. З е е с т. Керамическая тара..., стр. 119, табл. XXXVIII, 96, 97.

⁶³ До настоящего времени не удалось полностью восстановить ни одного экземпляра.

⁶⁴ И. Б. З е е с т. Керамическая тара..., стр. 108.

⁶⁵ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, стр. 120, рис. 149, 1.

Рис. 38. Типы амфор из боспорских городов и поселений III—IV вв.: 1—4, 6, 7, 10—IV в., 8, 9, 11—II—III в., 5—IV—V вв.; 1—5—Тиритака, 6—Фанагория, 7—Пантикапей, 8, 10—Прикубанье, 9, 11, 11—Танаис

сделаны, их детали и формы не идентичны найденным в Горгиппии экземплярам.

О производстве амфор в Горгиппии свидетельствуют и найденные там муфтообразные подставки (рис. 34) ⁶⁶

Среди обломков керамики в районе гончарных печей в Фанагории было найдено большое количество краев пифосов. Возможно, что на Боспоре в больших обжигательных печах, имевших более чем полутораметровое загрузочное отверстие, могли изготавливаться и пифосы. Правда, на Боспоре III—IV вв. н. э. получили большее распространение крупные амфоры. Они частично вытеснили из обихода громоздкие пифосы, однако последние продолжали встречаться в городах Фанагории, Пантикапее ⁶⁷, Тиритаке ⁶⁸, Илурате ⁶⁹, в Мирмекии и на поселениях, жители которых занимались виноделием, особенно в азиатской части Боспора. На остальных сельских поселениях место пифосов заняли большие двуручные сосуды, достигавшие в высоту 0,7—0,8 м, по форме напоминающие большие горшки. Их плечи или горла обычно украшались орнаментом в виде различного рода насечек, вдавлики, валиков и др. ⁷⁰

Большой размах керамического производства на Боспоре в позднеантичный период, о котором свидетельствуют большие комплексы керамических печей III и IV вв. н. э. в Фанагории, гончарный брак, а также печи, найденные в других городах, заставляют предполагать, что подавляющее большинство простых гончарных сосудов в городах и на поселениях Боспора этого времени было местного производства. Формы простой керамики были очень разнообразны, но чаще всего встречались кувшины как с гладким, так и с реберчатым туловом (рис. 40, 2), с цилиндрическим, воронковидным и узким горлом (рис. 40, 1, 3, 5), горшковидные сосуды и миски ⁷¹.

Изготавливавшаяся в боспорских керамических мастерских краснолаковая керамика местного производства выделяется по качеству лака и характеру глины. Т. Н. Книпович удалось выделить из массы привозной краснолаковой посуды Мирмекии и Тиритаки группу сосудов местного производства. Они изготовлены из глины густого коричневого цвета с примесью известковых частиц и покрыты темно-красной глазурью, на верхней

⁶⁶ Две такие подставки были найдены в 1950 г. в помещении III в. (И. Т. Круглова, Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе, стр. 68, рис. 25, 2), еще одна найдена в 1962 г. внутри завала печи конца II — начала III в. н. э.

⁶⁷ И. Б. Зеев. Пантикапейская керамика сарматского времени. МИА, № 56, стр. 152 сл.

⁶⁸ Т. Н. Книпович, Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки, стр. 48 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки..., стр. 57.

⁶⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 86—87, рис. 80.

⁷⁰ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 39, рис. 23; стр. 101, рис. 98; стр. 103, рис. 102. Подобного типа сосуды встречаются и на поселении у дер. Семеновки.

⁷¹ И. Б. Зеев. Пантикапейская керамика..., стр. 144 сл.

Рис. 39. Краснолаковые сосуды III в. из поселения
у дер. Семеновки

стороне сосудов блестящей, на нижней — тусклой. К этой группе принадлежат тарелки, чашки ⁷². Л. Ф. Силантьева, описывая краснолаковую керамику из Илурата, также выделяет местную боспорскую группу II — III вв. н. э. Глина этой группы светлая, желтовато-розовая, лак — интенсивно красный. К этой группе относятся миски, чашки-кубки, блюда ⁷³. При раскопках поселения у дер. Семеновки также встречались краснолаковые сосуды (рис. 39, 1), по своему качеству отличающиеся от импортных малоазиатских, самосских или производства других известных центров. Может быть они были сделаны в пантикапейских мастерских. По-видимому, местные краснолаковые сосуды встречаются и в Фанагории ⁷⁴, но были ли они привезены из Пантикапея или производились на месте, — пока неясно.

Среди керамики, изготовленной в боспорских мастерских III—IV вв., надо назвать группу сероглиняных сосудов с черной и серой лощеной поверхностью. Такие сосуды встречаются в большом количестве в Фанагории, Пантикапее ⁷⁵, Тиритаке, в Горгиппии и других городах, их часто находят на Кубани и на Дону. В городах Боспора эта группа получает наибольшее распространение в III и IV вв. н. э., хотя встречается и в предшествующий период. К этому особому, полностью отличному от античных форм типу керамики относятся и многочисленные сероглиняные сосуды с зооморфными ручками. Сосуды эти производились в большом количестве. Они наиболее отчетливо отражают влияние негреческих традиций в керамическом производстве, что сказалось на их форме, орнаментации и особенностях обжига.

Эти сосуды иногда изготавливались с помощью гончарного круга, иногда лепились от руки. Часто они имели форму кувшинов с удлиненным горлом, иногда форму горшков с раздутыми плечиками и сужающимся устьем. Встречаются сосуды яйцевидной формы, расширяющиеся в своей нижней части. Эта форма особенно характерна для сарматских горшков и свидетельствует о том, что эти сосуды появились на Боспоре в результате усиления сарматского влияния. Об этом же свидетельствует часто встречающееся на таких сосудах лощение поверхности. Лепные сосуды с ручками в виде животных в сарматское время встречаются в различных районах Прикубанья и Подонья ⁷⁶. В крупных боспорских городах усиление сарматского влияния и распространение варварских вкусов привело

⁷² Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры. МИА, № 25, стр. 321.

⁷³ Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика Илурата. МИА, № 85, стр. 303 сл., рис. 17, 18, 19.

⁷⁴ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 91.

⁷⁵ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея. МИА, № 33, стр. 109—112.

⁷⁶ К. М. Скалон. Изображения животных по керамике. «Государственный Эрмитаж. Труды отдела первобытной культуры», вып. I, Л., 1940, стр. 216 сл.

Рис. 40. Простые гончарные сосуды III в.:
1—3, 5 — из поселения у дер. Семеновки, 4 — из Горгиппии

к массовому изготовлению такого типа сосудов в керамических мастерских. При этом в пантикапейских мастерских изготавливали главным образом сосуды с ручками в виде кабанов ⁷⁷. Более широкое распространение у местных племен периферийных районов имели сосуды с ручками в виде фигурок баранов ⁷⁸, встречались также ручки с фигурками собак ⁷⁹, птиц ⁸⁰ и др.

⁷⁷ К. М. Скалон. Изображение животных по керамике, стр. 193.

⁷⁸ Там же, стр. 182.

⁷⁹ Характерны для сосудов из Тиритаки (см. Е. Г. Кастанаян. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. АГСП, стр. 402).

⁸⁰ Там же.

Однако зооморфные ручки встречаются и на металлических сосудах, сделанных в различных мастерских Римской империи. Интересны, например, серебряный кубок с двумя ручками в виде фигурок баранов⁸¹ или бронзовая патера с ручкой, оканчивающейся головой барана⁸², найденные на территории Франции. Аналогичной формы ручка патеры, но сделанная из глины, была найдена при раскопках Мирмекия в одном из помещений III в. н. э.⁸³ Судя по этой ручке, боспорские гончары имитировали в глине формы импортной металлической посуды. Но массовое распространение на Боспоре сосудов с зооморфными ручками надо связать не с подражанием привозной италийской или галльской посуде, а с влиянием сарматских племен, сохранивших древний обычай помещать на сосуде фигурку животного в качестве оберега. Можно проследить эволюцию в изображении фигурки животного за период с I по III в. н. э.

Если на сосудах I—II вв. фигурки кабанов сделаны вполне реалистично, то на сосудах III и тем более IV в. изображается условное, иногда стилизованное животное. Иногда, чаще всего на лепных сосудах, ручка сохраняет лишь общее очертание изгиба тела животного, а небольшой выступ создает впечатление морды зверя⁸⁴. На сероглиняных кувшинах с чернолощеной поверхностью, сделанных с помощью гончарного круга, впечатление о фигурке животного создается только острым выступом, устремленным к устью сосуда, и двумя шишечками или налепами по бокам, напоминающими глаза. Туловище зверя заменено лентовидной ручкой⁸⁵.

Интересна в этом отношении продукция горгиппийской керамической печи, разрушенной в III в. Внутри печи был найден двуручный сосудик из светлой глины с желобком под венчиком, напоминающим желобки упоминавшихся выше горгиппийских амфор (рис. 41, 1). Вверху, над обеими ручками глиняная лента была дважды изогнута и примыкала к венчику горшочка, напоминая стилизованные головы животных, что подчеркивалось парой глиняных лепешечек на месте глаз. Здесь были найдены обломки других сосудов с такого же типа ручками (рис. 41, 2). Все они, как и горшочек, имели розовато-бежевый цвет поверхности и тот же цвет глины в изломе⁸⁶. Но в Новороссийском музее хранится фрагментированный горшочек с аналогичной формы ручками (рис. 41, 3) из серой глины

⁸¹ Собрание Лувра. См.: *L'art dans l'occident romain. Trésors d'argenterie, sculptures de bronze et de pierre. Catalogue.* Paris, 1963, табл. III, № 29.

⁸² Там же, № 302. Коллекция Лионского Музея галло-римской культуры.

⁸³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Отчет о работах Боспорской экспедиции в 1960 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 2417, рис. 68.

⁸⁴ К. М. С к а л о н. Указ. соч., табл. XV; Е. Г. К а с т а н а я н. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. СА, XV, 1951, стр. 251, рис. 6.

⁸⁵ К. М. С к а л о н. Указ. соч., табл. IX, из Керчи. Аналогичные ручки встречаются в слое III в. н. э. в Горгиппии.

⁸⁶ Аналогичный горшочек найден в Горгиппии в 1965 г. в помещении III в.

Рис. 41.

1, 2 — горшок и обломки ручек из печи начала III в. н. э. в Горгииппи,
3 — горшок из Новороссийского музея

с поверхностью, покрытой черным лощением⁸⁷. Сходство устройства ручек и желобка под краем позволяет думать, что оба горшочка были изготовлены в одной мастерской. Однако условия обжига были различны, различна и обработка поверхности. По-видимому, одни и те же гончарные мастерские выпускали разнообразные типы керамики, приспособляясь к вкусам различных слоев населения. Сероглиняные сосуды с лощеной поверхностью были широко распространены на территории меотских и скифских племен в предшествующую эпоху⁸⁸. Под влиянием древних племенных традиций обычай лощения поверхности получил большое распространение на Боспоре в первые века нашей эры и особенно в III—IV вв.

Среди продукции боспорских керамических мастерских значительное место занимала простая столовая посуда обычных античных образцов.

⁸⁷ Он, по-видимому, был найден в Анапе в 1937 г. Во время Великой Отечественной войны вся документация, связанная с ним, пропала.

⁸⁸ И. Т. К р у г л и к о в а. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, № 33, стр. 83 сл.

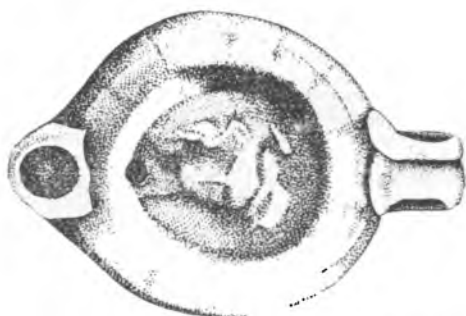
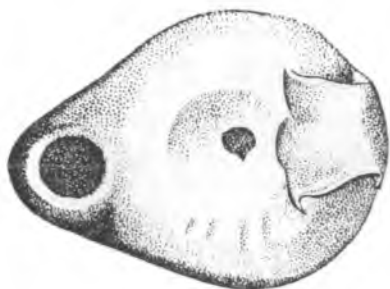
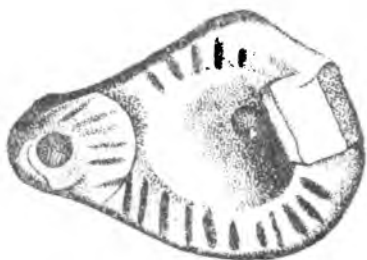
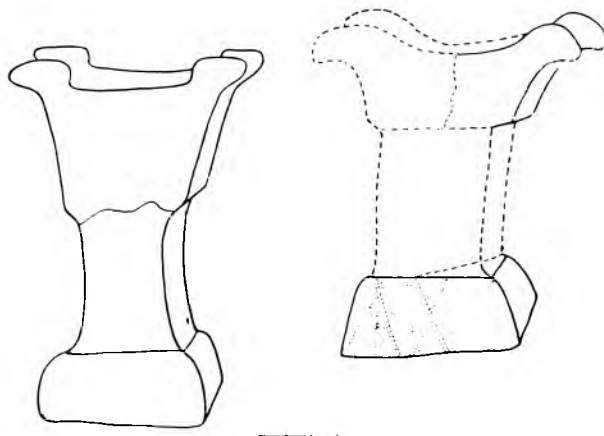

Рис. 42. Свечи́льники III в.:
1—3 — из поселения у дер. Семеновки, 4 — из горгишпийской печи
конца II — начала III в

Рис. 43. Глиняные курильницы III в. из горгиппийской печи

Это — различного типа кувшины, миски, кастрюли, блюда, чашки, горшочки и пр. из красной и розовой глины, широко известной по клейменым боспорским черепицам. Большое количество кухонной посуды типа больших мисок с углублениями для крышек, сделанных из так называемой коричневой глины с примесью песка и черных частичек, заставляет предполагать их производство на Боспоре, несмотря на то, что глина этих сосудов отлична от обычной боспорской. Своими грубыми примесями и качеством обжига до коричневого цвета эта глина напоминает глину близких по формам кухонных сосудов из дунайских провинций Римской империи. Специальное назначение этих сосудов, использовавшихся в качестве кухонной утвари, заставляет предположить, что здесь мы имеем дело с общим рецептом приготовления глин и обжига, распространившимся в период Римской империи по большой территории.

Светильники, выпускавшиеся в боспорских мастерских III и IV вв. н. э., имели, как правило, либо удлиненную форму с вытянутым рожком и рельефным верхним щитком, возвышающимся у центрального отверстия (рис. 17, 1)⁸⁹, либо округлую форму с плоским или слегка вдавленным щитком, снабженным рельефным орнаментом⁹⁰ (рис. 42, 4); есть еще средний между этими двумя тип (рис. 42, 2, 3)⁹¹. Кроме того, изготовлялись многорожковые светильники, светильники на высоких ножках⁹² и курильницы⁹³ (рис. 43).

⁸⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 40, рис. 24, 2—6.

⁹⁰ О н же. Раскопки Тиритаки. МИА, № 25, стр. 115, рис. 140; о н же. Илурат, стр. 59, рис. 47, 1, 2.

⁹¹ В. Ф. Гайдукевич. Античные... печи, стр. 32, рис. 10; М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, № 4, стр. 81, рис. 119.

⁹² М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 91.

⁹³ Глиняные курильницы со следами росписи красной краской были найдены в Горгиппии в гончарной печи II—III вв. н. э. (рис. 43).

Выше уже отмечалось, что короластика как отрасль керамического ремесла в позднеантичный период переживала упадок. Количественно терракот в III в. стало меньше и качественно они очень сильно ухудшились. Изменилась тематика терракотовых статуэток. Почти исчезли образы греческих божеств. Изготавливали преимущественно изображения богини в высоком головном уборе, чаще всего сидящей на троне ⁹⁴, изредка встречались фигурки Эроты ⁹⁵. Очень редко встречаются терракоты, сохраняющие античные традиции исполнения ⁹⁶. В III в. еще были распространены различного типа гротескные изображения мужских и женских фигурок с подвесными ногами ⁹⁷. Фигурки эти по-прежнему изготавливались путем оттискивания в формах, но последующей обработки деталей поверхности не производилось. Большей частью в форме оттискивалась только лицевая часть статуэток, задняя же сторона прикреплялась в виде плоской лепешки. Формы для оттискивания фигурок делались очень примитивно, на детали одежды, черты лица большей частью внимания не обращалось, и они очень расплывчаты и неточны.

Появляются некоторые новые типы терракот, как, например, изображение кибитки кочевника. Встречаются различные терракотовые ларцы с рельефными оттисками и другие изделия.

Часто встречаются терракотовые фигурки, выполненные от руки, без применения форм. К ним относятся многочисленные женские изображения, примитивно обожженные, типа найденных на поселениях у деревень Семеновки, Мысовки ⁹⁸, Тасуново ⁹⁹, глина которых, близкая глине лепных сосудов, и плохой обжиг свидетельствуют о том, что они были обожжены в домашних условиях. Такие статуэтки не могут считаться продукцией ремесленников. Впрочем, среди терракот III в. встречаются также примитивные статуэтки: всадников, животных, богинь, сделанные от руки, без применения форм, но из хорошо промешанной глины, и обожженные в гончарных печах ¹⁰⁰ до устойчивого красного или желто-красного цвета ¹⁰¹. Возможно, что эти статуэтки, несмотря на свою примитивность, яв-

⁹⁴ В. Д. Б л а в а т с к и й, Д. Б. Ш е л о в. Разведки на Керченском полуострове. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 110, рис. 44, 45; М. М. К о б ы л и н а. Фанагория, стр. 89, рис. 25, 4; И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря. СА, XXV, стр. 241, рис. 4, 2; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат, стр. 128, рис. 137; М. М. К о б ы л и н а. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, табл. XXXVI, 1, 2.

⁹⁵ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат, стр. 80, рис. 73, 2.

⁹⁶ Там же, рис. 73, 1.

⁹⁷ Там же, рис. 73, 3; М. М. К о б ы л и н а. Терракотовые статуэтки..., табл. XXXVII, 1, 2.

⁹⁸ И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения. стр. 254, рис. 11, 6, 7.

⁹⁹ В. Д. Б л а в а т с к и й, Д. Б. Ш е л о в. Разведки на Керченском полуострове, стр. 111, рис. 45, 4.

¹⁰⁰ М. М. К о б ы л и н а. Фанагория, стр. 92; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Илурат, стр. 80, рис. 73, 3 сл.

¹⁰¹ В. Д. Б л а в а т с к и й, Д. Б. Ш е л о в. Указ. соч., стр. 111, рис. 45, 2, 3.

лялись изделиями гончаров. В условиях позднего Боспора, когда повсеместно наблюдается упадок культуры и искусства и утрачиваются античные технические навыки, изготовление терракотовых статуэток, пользующихся спросом у местного населения, перешло из рук специалистов-корoplastов в руки простых гончаров. Этот факт был характерен для пунктов, удаленных от старых городских центров, где корни античной культуры были крепче.

Гончарные мастерские III—IV вв. н. э., кроме перечисленных выше видов продукции, выпускали пряслица, множество грузил: пирамидальных, конусовидных, плоских округлых — и некоторые другие изделия из глины.

В III—IV вв. н. э. в городах Боспора развивалось и металлургическое ремесло. Керченский полуостров богат железной рудой, залегающей близко от поверхности почвы. В. Ф. Гайдукевич¹⁰², Д. П. Каллистов¹⁰³ и другие исследователи полагали, что в античное время добывать из этой руды железо не умели, что на Боспор железную руду привозили из других мест. Однако найденные в Пантикапее остатки разрушенного сыродутного горна первых веков нашей эры¹⁰⁴ и сброс металлургической мастерской III в. н. э.¹⁰⁵, а также результаты химических анализов железных шлаков, остатки горгиппийской кузницы и деревенских кузниц в Синдике¹⁰⁶ и на Керченском полуострове¹⁰⁷, масса железных изделий, найденных при раскопках боспорских городов и поселений, — все это заставляет признать существование боспорского металлургического ремесла.

Металлургия, и в частности обработка руды перед плавкой, была известна и в Греции, и в Малой Азии. Страбон говорит, что руду промывали до пяти раз¹⁰⁸. В Греции железо восстанавливали из низкоплавкой руды сыродутным способом¹⁰⁹. Местные племена, окружавшие Боспор, также знали сыродутный способ получения железа из местных руд¹¹⁰. К сожалению, нельзя сейчас восстановить структуру пантикапейского горна.

¹⁰² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., 1949, стр. 117.

¹⁰³ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 229.

¹⁰⁴ И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, № 56, стр. 173.

¹⁰⁵ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2, стр. 179.

¹⁰⁶ В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле... СА, XXIX—XXX, стр. 50.

¹⁰⁷ В 1965 г. при раскопках поселения «Андреевка Южная» под руководством автора в слое IV—III вв. до н. э. была найдена льячка.

¹⁰⁸ М. И. Максимова. Горное дело и металлургия. «Эллинистическая техника», М.—Л., 1948, стр. 18—26.

¹⁰⁹ П. Н. Шульц. Техника античного рабовладельческого общества. «Очерки истории техники докапиталистических формаций». М.—Л., 1936, стр. 161.

¹¹⁰ Н. Ф. Анфилов. Древние племена Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 56; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, стр. 115.

Сохранились лишь шлаки в виде известковых флюсов с прикипевшими комками обожженной глины и железа. Они были найдены в грунте буроватого цвета с золой, углем, с обломками глиняных сопел. И. Д. Марченко, опубликовавшая эти находки, считает их либо остатками сыродутного горна, либо слегка впущенной в землю плавильной печью ¹¹¹.

Возможно, к III в. н. э. относилась металлургическая мастерская Горгииппии, остатки которой были обнаружены в 1962—1963 гг. По-видимому, мастерская была уничтожена не раньше III в. н. э. На вымостке улицы III в. и в яме, образовавшейся от выемки каменных плит вымостки, были найдены небольшая железная наковальня, кузнечные клещи, множество железных криц, железных и бронзовых шлаков ¹¹². О технике обработки железа можно судить главным образом по готовым изделиям. Наковальня и клещи позволяют говорить о существовании кузнецов, а форма клещей, аналогичных найденным в Помпеях ¹¹³, свидетельствует о проникновении античной техники в металлургическое ремесло Боспора. Найденная в Горгииппии наковальня невелика. Площадь ее рабочей поверхности 100 кв. см, а высота 16 см. Такого же типа наковальни существовали в XI—XIII вв. в Древней Руси ¹¹⁴. Их узкий конец забивали в пень, и русские деревенские кузнецы орудовали с помощью таких же щипцов, какие были найдены в Горгииппии. На таких наковальнях выковывали довольно крупные сельскохозяйственные орудия, оружие, рыболовные крючки. На Боспоре неоднократно встречались кованые железные сельскохозяйственные орудия: косы, серпы, виноградарские ножи, мотыги, наконечники плугов, лопат и т. д. Множество различной формы ножей и дровиков, железные наконечники стрел, различные плотничьи инструменты находили при раскопках поселения у дер. Семеновки, в Горгииппии и других городах в слоях III в. н. э. Втульчатые наконечники копий и стрел кузнец мог сделать только с помощью подручного. Один кузнец должен был держать раскаленное железо, другой — железный стержень, вокруг которого окручивали железо для получения втулки. Подсобные рабочие были нужны и для работы с пробойником при изготовлении отверстий для стержней, которые скрепляли железные ножи с деревянной рукоятью.

На поселениях III в. всегда находят большое количество железных гвоздей с массивными шляпками (рис. 44). Возможно, что иногда гвозди изготовлялись путем отковки в гвоздильных досках, но, вероятно, существовал и другой прием выковки гвоздей, непосредственно на наковальне. Бросается в глаза чрезвычайная разнотипность гвоздей. Встречаются

¹¹¹ И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке..., стр. 173.

¹¹² И. Т. Кругликова. Отчет о раскопках в Анапе в 1963 г. Архив ИА АН СССР, ф. № Р-1, д. № 2734, стр. 10.

¹¹³ F. Petrie. Tools and Weapons. London, 1917, табл. XLV, 125.

¹¹⁴ «История культуры древней Руси», т. I. М., 1948, стр. 86. рис. 46, 9.

Рис. 44. Гвозди:

1 — бронзовый, 2—4 — железные.

гвозди с плоскими и с выпуклыми шляпками, круглые и четырехгранные, не говоря уже о различных их размерах и толщине. С большим мастерством выкованы рыболовные крючки, среди которых были железные и бронзовые, крупные и совсем маленькие. Поскольку в III—IV вв. н. э. преобладали железные орудия труда и оружие, а постоянная опасность нападения соседних кочевых племен требовала содержания большого войска, которое надо было вооружить, роль кузнечного ремесла должна была сильно возрасти, и оружейные мастерские должны были работать с полной нагрузкой. Судя по железному оружию, найденному в домах боспорских жителей III в. н. э. (рис. 45), в это тревожное время даже сельское население Боспора было хорошо вооружено. А мечи и кинжалы с богато орнаментированными рукоятями и ножнами в складах III в. и особенно IV—V вв. н. э. свидетельствуют о том, что оружие в это время

стало частью нарядного одевания богатых боспорян. В склепах Фанагории, Пантикапея и других городов находили различные образцы вооружения: массивные мечи, длина которых достигала иногда 1,17 м¹¹⁵, ножи и кинжалы¹¹⁶, листовидные наконечники копий¹¹⁷ и острые втоки оснований древков¹¹⁸, трехлопастные черенковые наконечники стрел¹¹⁹, остатки деревянных обтянутых кожей щитов¹²⁰. При раскопках Пантикапея найдены остатки железной кольчуги¹²¹, а на поселении у дер. Семеновки — втульчатые листовидные стрелы (рис. 45, 4), листовидный наконечник дротика (рис. 45, 2) и два узких вытянутых наконечника (рис. 45, 1, 3)¹²². На поселении у дер. Михайловки в слое II—III вв. н. э. обнаружен листовидный втульчатый наконечник копья¹²³. Эти предметы свидетельствуют о многообразии форм применявшегося оружия, о его распространении, а следовательно, об интенсивной работе оружейных мастерских и в III и в IV вв. Следы одной из таких мастерских, по-видимому, обнаружены в Пантикапее в слое первой половины III в.¹²⁴

Успешно, очевидно, развивалось и бронзолитейное ремесло. В слоях I—IV вв. н. э. в Пантикапее были найдены створки литейных форм, глиняные тигли, льячки, обломки глиняных сопел¹²⁵. При раскопках часто встречаются различного рода бронзовые изделия: зеркала, рыболовные крючки (рис. 50), гвозди, сосуды, светильники, ключи, иголки, щипчики, пряжки, колокольчики и т. д., но особенно много бронзовых украшений. Интересна найденная в Пантикапее в одном из земляных склепов III в. н. э.¹²⁶ бронзовая патера с ручкой в виде барана. Она сохранила следы двух ремонтов. При этом от первой импортной патеры сохранились только

¹¹⁵ Н. И. Соколовский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 162—166.

¹¹⁶ ДБК, XXVII, 7; Государственный Эрмитаж, инв. № П—1841—20, П—1820—120, 129, 967—969, 970.

¹¹⁷ Раскопки Ашика 1841 г., склеп № 1, Государственный Эрмитаж, инв. № П—1841—26.

¹¹⁸ ИАК, вып. 25, стр. 42, катакомба 154.

¹¹⁹ ИАК, вып. 25, стр. 42, катакомба 154, стр. 52, катакомба 176; Государственный Эрмитаж, инв. № П—1820—311, 465.

¹²⁰ ИАК, вып. 25, стр. 35, рис. 131 (серебряный умбон из катакомбы 145, раскопки 1904 г.), стр. 42 (катакомба 154) и стр. 52 (катакомба 176).

¹²¹ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., стр. 179.

¹²² Такого же типа наконечник копья, но более длинный (28,5 см), был найден в сарматском могильнике II—IV вв. н. э. в Н. Поволжье. См.: В. П. Шилова. Калининский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 493, рис. 60, 9.

¹²³ Длина его 36 см. Раскопки Б. Г. Петерса в 1964 г. Такого типа наконечник найден в Керчи в склепе III в. н. э., раскопанном Ашиком в 1841 г.; Государственный Эрмитаж, инв. № П—1841—26.

¹²⁴ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., стр. 179.

¹²⁵ И. Д. Марченко. Указ соч., стр. 169; В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., стр. 179.

¹²⁶ ИАК, вып. 17, стр. 68, могила 339 (216); Государственный Эрмитаж, инв. № П—1903—189.

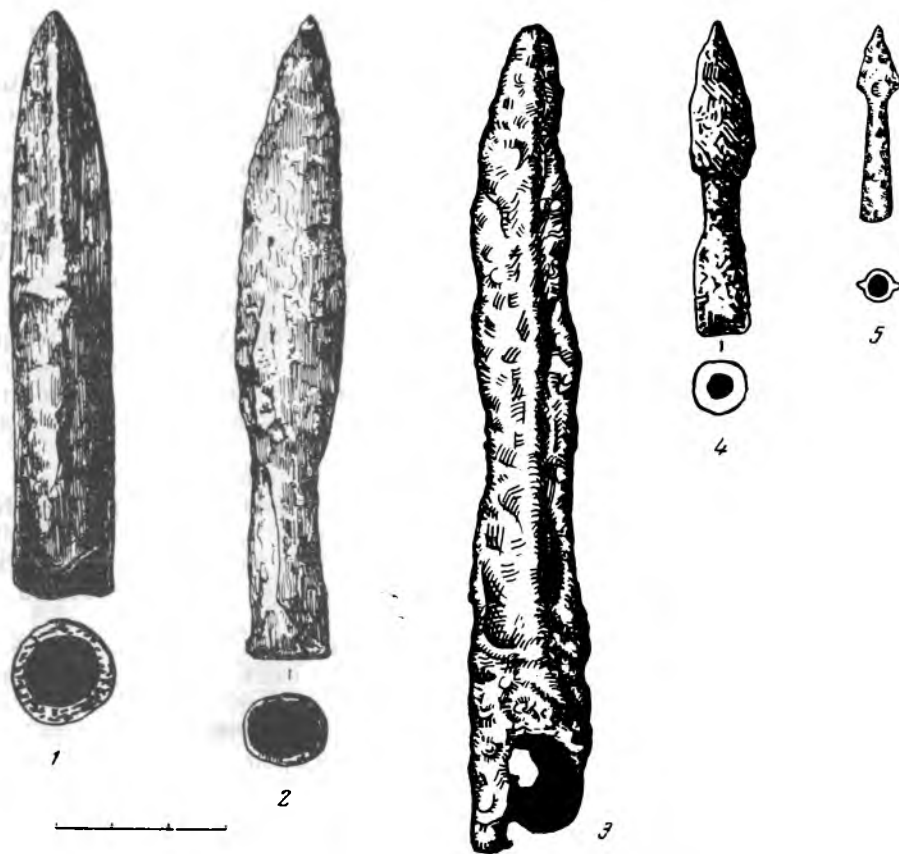

Рис. 45. Железное оружие из поселения у дер. Семеновки:

1—3 — накопечники дротиков, 4, 5 — наконечники стрел

ручка с частью основания и кусок чаши, употребленный в качестве заплаты, которая приклепана медными заклепочками, тогда как ручка припаяна. Такую работу по ремонту чаши должен был делать ремесленник-специалист. Это обстоятельство позволяет предположить, что среди бронзовых сосудов, встречающихся на поселениях и в могилах позднеантичного Боспора, были изделия боспорских ремесленников. Однако в настоящее время у нас еще нет достаточных оснований для выделения их из массы привозных.

Наиболее широкое распространение среди изделий из бронзы получили украшения. Браслеты, серьги, перстни, булавки, фибулы, медальоны,

иглолчницы, «уховертки» и другие мелкие предметы для широкой массы боспорского населения изготавливались из бронзы, хотя иногда те же формы украшений делали из драгоценных металлов. Продукция мастерских, где изготавливались украшения, распространялась не только среди населения Боспорского царства, но и далеко за его пределами. Так, например, в Пантикапее была найдена створка литейной формы, служившей, по-видимому, для отливки серьги, форма которой была близка сарматским серьгам из Усть-Лабинского могильника ¹²⁷. Так называемые уховертки и зубочистки на колечке найдены в некрополе Пантикапея ¹²⁸ IV—V вв. и на Северном Кавказе, в районах обитания алан ¹²⁹. Цилиндрические подвески «буллы» с двумя ушками встречаются в склепах III в. н. э. в Пантикапее ¹³⁰ и в Нижнем Поволжье ¹³¹. В литературе уже неоднократно отмечалось близкое сходство ювелирных изделий III в. и особенно IV—V вв. н. э., найденных в Керчи и инкрустированных самоцветами или стеклом, с вещами из Приднепровья, Кавказа, Придонья, Поволжья и даже из некоторых районов Средней Азии ¹³².

Нельзя отрицать возможности существования нескольких центров, изготавливавших подобные изделия, например район древней Иберии или Ольвии, где ювелирное мастерство было традиционным. Боспор также был в числе этих центров. Именно там и в районах, непосредственно к нему примыкавших, обнаружено наибольшее количество вещей, выполненных в полихромном стиле.

Некоторые из ювелирных изделий, найденных в Северном Причерноморье, имели на себе сарматские знаки, являвшиеся, вероятнее всего, именными или родовыми знаками владельцев вещей или хозяев ювелирных мастерских. Они свидетельствуют о местном происхождении изделия, так как знак мог быть нанесен только в процессе изготовления вещи. Формы отдельных знаков совпадали с формой знаков на монументальных памятниках, содержащих имя боспорского царя. Так, например, на многочисленных пряжках, вытисненных на тонких золотых пластинках, и на прорезных бронзовых пряжках, найденных в Керчи, встречается знак,

¹²⁷ П. Д. Марченко. Материалы по металлообработке..., стр. 169.

¹²⁸ В Керчи в склепах на Госпитальной улице, № 154, Государственный Эрмитаж, инв. № П—1820—353; могила № 6 (1905 г.), инв. № П—1820—893, П—824.

¹²⁹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляк в верховьях Кубани. МИА, вып. 23, 1951, стр. 278, рис. 5, 5.

¹³⁰ ИАК, вып. 17, стр. 68, могила 339, рис. 36, вып. 9, стр. 138, могила 370, хранятся в Государственном Историческом музее.

¹³¹ И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Государственный Эрмитаж. Археологический сборник», № 2. Л., 1961, стр. 142, рис. 1, 1—2.

¹³² К. М. Скалон. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время. Там же, стр. 114—140; она же. Изображение дракона в искусстве IV—V вв. СГЭ, XXII, Л., 1962, стр. 43; И. П. Берхин. Указ. соч., стр. 141 сл.

аналогичный знаку, связываемому с именем Евпатора¹³³, а на бронзовых зеркалах — со знаком Ининфимея¹³⁴. Другие знаки, вытисненные на пластинах конских уборов¹³⁵ и на золотой рукояти кинжала¹³⁶, не сближаются пока с именем какого-либо из боспорских царей, но на основании всего комплекса находок хорошо датируются временем Рискупорида III¹³⁷.

Боспорские ювелирные изделия III в., инкрустированные камнями или стеклянной пастой, изготовлялись в той же технике, что и в предшествующий период. Золотая поверхность предмета украшалась отдельными камнями или пастой, помещенными в специально припаянные ячейки-ободки, часто окруженные филигранью или проволокой с насечками. Камни выступают над золотой поверхностью предмета, создавая впечатление красочности. Значительно реже встречается преобладающий в предшествующую эпоху способ инкрустации, когда камни помещались во вчеканенные или литые углубления. Для этого времени характерно преобладание камней красной расцветки: сердоликов, гранатов и альмандинов. В IV в. н. э. получает распространение новый способ инкрустации. На поверхность изделия напайвают пластинки или проволочки, образуя ячейки для укрепления камней или стеклянной пасты. Поверхность камней плоско срезается, и разделенные лишь тоненькими перегородками камни покрывают почти всю поверхность предметов. Инкрустированные таким способом пряжки в большом числе встречаются в склепах IV и V вв. на Госпитальной улице в Керчи¹³⁸.

Однако уже в III в. н. э. встречаются изделия, где сочетаются оба способа украшения золотой поверхности, например на серьгах из гробницы с золотой маской, открытой Ашиком в 1837 г.¹³⁹ Оба способа инкрустации встречались и в IV в. Так, среди вещей, найденных в Керчи

¹³³ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1951, стр. 132 сл., № 71—80 и стр. 49, № 1.

¹³⁴ Там же, стр. 141—143, № 98—99, 102, стр. 61—63, № 14, 15, 16.

¹³⁵ Там же, стр. 138, № 89—91.

¹³⁶ Там же, стр. 128, № 66.

¹³⁷ ИАК, вып. 37, стр. 34.

¹³⁸ Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе, ИГАИМК, 112. М.—Л., 1934, стр. 66, рис. 11; А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. ИАК, вып. 17, стр. 115—126. А. Спицын считает эти изделия привозными, однако для этого нет оснований, так как они тесно связаны со всей предшествующей историей боспорского ювелирного дела. Он следующим образом описывает технику их изготовления: «ленточек изготавливается из толстой пластины и толстых же нарезных ленточек. Перегородки ставятся из таких же ленточек..., в большинстве случаев они припайваются к дну... Камни насаживают в известковую массу, которой наполняют перегородки... При вкладывании в перегородку пластинка подстиляется тонкою золотой фольгой...» Каменные вставки делались в виде пластинок, отшлифованных с обеих сторон, из альмандинов, граната, стекла, янтара (там же, стр. 115—116).

¹³⁹ Государственный Эрмитаж, инв. № Р—3.

в склепе, открытом 24/VI—1904 г. и датированном рубежом IV и V вв. н. э., имелись фибулы, где «инкрустация помещена на отдельных лоточках-накладках»¹⁴⁰.

Кроме ювелирных изделий, выполненных в полихромном инкрустационном стиле, боспорские ювелиры III—IV вв. изготавливали большое количество золотых штампованных изделий. В III в., как и в предшествующее время, были широко распространены погребальные венки из тонкого листового золота. Иногда листья апиума вырезались и штамповались отдельно, а затем прикреплялись к тонкой пластине венца¹⁴¹. Иногда листья выбивались на самой повязке¹⁴². Индикации монет и оттиски штампов на тонких золотых пластинках встречались в качестве украшений гробов¹⁴³. Большое количество золотых тисненых блях изготовлялось для украшения одежды¹⁴⁴. Очень часто встречаются золотые, серебряные и бронзовые бляшки и медальоны с рельефными, сделанными штампом, изображениями Афродиты или Великой богини¹⁴⁵ (рис. 46), Афродиты с одним или с двумя эротами¹⁴⁶, Ники¹⁴⁷ и т. д. Распространены золотые и бронзовые гривны из более или менее тонкой проволоки¹⁴⁸, часто перекрученной и заканчивающейся на одном конце петлею, на другом — крючком.

В одном из склепов, открытых на Госпитальной улице в Керчи, найдена гривна в виде массивного золотого обруча с шарниром, позволяющим ей раскрываться. Оба конца гривны оформлены в виде голов фантастических существ с длинными прижатыми ушами и пастью полной зубов, из которой высовываются языки, загнутые в виде крючка и петли, образующих застежку. Голова покрыта чеканным орнаментом, глаза инкрустированы гранатами¹⁴⁹. Из рук того же мастера, вероятно, вышли и

¹⁴⁰ А. А. С п и ц ы н. Указ. соч., стр. 116. В склепе, открытом 24/VI. 1904 г., имелись две серебряные фибулы, обтянутые золотым листком и украшенные выпуклыми гранатами миндалевидной формы, которые в свою очередь были окружены мелкой рубчатой филигранью. Техника инкрустации здесь такая же, как у золотого флакона или бляшек из гробницы с золотой маской III в. н. э. (А. А. С п и ц ы н. Указ. соч., стр. 119, рис. 32). Но в том же склепе имелись пряжки, поверхность которых была из плоских пластинок красного камня и зеленого стекла, разделенных тонкими перегородками (А. А. С п и ц ы н. Указ. соч., стр. 119, рис. 33 и стр. 131, рис. 43).

¹⁴¹ Например, у погребальных венцов из гробницы с золотой маской 1837 г. у склепа 1841 г. (ДБК, табл. III, 3 и 4).

¹⁴² Например, на повязке с оттиском монеты Коммода (ДБК, табл. IV, 1).

¹⁴³ ОАК за 1877—1881 гг., рис. 9, стр. 35.

¹⁴⁴ ДБК, табл. XXII и XXIII.

¹⁴⁵ И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, стр. 243, рис. 5а, 2.

¹⁴⁶ Бронзовые медальоны Афродиты с Эротом найдены в некрополях у дер. Семёновки в 1962 г., в Горкиппии в 1957 г. и т. д.

¹⁴⁷ ДБК, табл. XXIV, 16.

¹⁴⁸ ДБК, табл. XI, 6.

¹⁴⁹ К. М. С к а л о н. Изображение дракона в искусстве IV—V вв., стр. 42.

Рис. 46. Электровый медальон с изображением богини (из поселения у дер. Ново-Отрадное)

браслеты, один из которых был найден в Керчи вместе с гривной¹⁵⁰, другой — в станице Сенной¹⁵¹. Последний отличался большим числом гранатовых вставок и деталями чеканного узора. Короткие листовидные уши дракона на нем были сделаны инкрустацией, а длинные слегка загнутые полосы, исполненные чеканкой, возможно имитировали рога. Наряду с такими массивными литыми браслетами имели распространение ажурные, из спаянных изогнутых золотых проволочек, типа двух широких браслетов из гробницы с золотой маской¹⁵². Имелись и более простые браслеты, аналогичные по форме бронзовым. Последние чаще всего делались из тонкой проволоки, концы которой или заходили один за другой и закручивались, или, не смыкаясь, утолщались, иногда они заканчивались шишечками или расплющивались и на них делали гравировку, подражая змеиным головкам (рис. 20).

Серьги были самых различных форм: от очень сложных, сочетающих инкрустации с зернью и привесками из крупных полых шариков¹⁵³, иногда имитирующих виноградные гроздья¹⁵⁴, до совсем скромных, сделанных из золотой или бронзовой проволоки (рис. 47, 4). В IV в. появляются новые формы серег: из гладкой проволоки с много-

¹⁵⁰ ОАК за 1894 г., стр. 79, рис. 124.

¹⁵¹ К. М. Скалон. Указ. соч., стр. 43.

¹⁵² ДБК, табл. XIV, 4. Два близких по технике изготовления браслета были найдены в ст. Голубинской вблизи Армавира. ОАК за 1904 г., стр. 127, рис. 230. Но они заканчивались не щитком с инкрустациями, как керченские, а литыми головками безрогих быков, близких браслету из Ольвии, имеющему сарматский знак (см.: Э. И. Соломонович. Указ. соч., стр. 131, рис. 70).

¹⁵³ Как серьги из гробницы с золотой маской.

¹⁵⁴ ИАК, вып. 17, стр. 69, рис. 37, склеп № 339; с индикацией монеты Рискупорида V (239—261 гг.).

граником на концах ¹⁵⁵ или с пирамидальными подвесками из спаянных шариков ¹⁵⁶.

На поселениях III в. часто встречаются различного рода перстни из серебряной или бронзовой ленты с камнем или стеклом, вставленным в напаянную ячейку (рис. 47,2) ¹⁵⁷, золотые или бронзовые литые со специально отлитой ячейкой для геммы ¹⁵⁸ и т. д. Интересны бронзовые перстни ¹⁵⁹ и различного рода подвески ¹⁶⁰ с закрученными в виде волкут-спиралей концами (рис. 47,1; 20,8, 10). Они как бы возрождают мотив, широко распространенный в Европе еще в эпоху гальштатта. На Боспоре они встречаются в поселениях и могильниках II—III вв., удаленных от городских центров, и, по-видимому, отвечают вкусам рядового боспорского населения сельских районов. Они отражают одно из интересных явлений позднеантичного периода — возрождение архаических мотивов, которое наблюдается в орнаментации лепной посуды и украшений. В III—IV вв. распространены украшения в виде антропоморфных привесок апотропеического назначения. Бронзовые объемные подвески в виде человеческих фигурок встречались главным образом в могилах I—III вв. н. э., и не только в городах и на поселениях Боспора ¹⁶¹, но и во внутренней части Крымского полуострова ¹⁶², в Прикубанье ¹⁶³, в Фергане ¹⁶⁴. Позднее, в IV в. появляются геометрические стилизованные фигурки-амулеты ¹⁶⁵. Они отливались

¹⁵⁵ Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 35, табл. VIII, 5; ОАК за 1900 г., стр. 30, рис. 80; И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин. Погребение гуннского времени близ Танаиса. СА, 1962, № 3, стр. 237, рис. 2, 1; ИАК, вып. 35, стр. 24, склеп № 78, стр. 24, могила № 75, вып. 47, стр. 15, могила № 45.

¹⁵⁶ ИАК, вып. 47, стр. 16, вып. 19, табл. I, рис. 4.

¹⁵⁷ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения..., стр. 243, рис. 5а, 3.

¹⁵⁸ ДБК, табл. XVIII, 19.

¹⁵⁹ Аналогичный перстень имеется в Киевском историческом музее и ошибочно отнесен А. И. Терепожкиным к предскифской эпохе (см.: А. И. Терепожкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 170, рис. 112, 2). Такие перстни найдены в Средней Азии (см.: С. А. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-Кала. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М. 1952, табл. III, 3). Подвески такого типа (см.: А. И. Терепожкин. Предскифский период..., стр. 159, рис. 106, 1, 4).

¹⁶⁰ См. о них выше: стр. 102, примеч. 172, рис. 20, 10.

¹⁶¹ В пантикапейском некрополе, склеп 78, раскопки 1907 г.

¹⁶² См. выше, стр. 101, примеч. 170 и стр. 102, рис. 20,9.

¹⁶³ Станица Тифлисская, Кубанской обл., ОАК за 1902 г., стр. 73, рис. 156.

¹⁶⁴ Кара-Булакский могильник I—IV вв. (см.: Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкин и А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 49, рис. 10).

¹⁶⁵ Такие подвески были найдены в Тиритаке в слое IV—V вв. (см. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, стр. 173, рис. 27), в Керчи в земляной гробнице вместе с монетой Рискупорида VI (ИАК, вып. 47, стр. 31) и в склепе № 52 с вещами IV в. н. э. (ИАК, вып. 47, стр. 19), в некрополе у б. дер. Сююрташ на берегу Азовского моря вместе с христианским заклинанием.

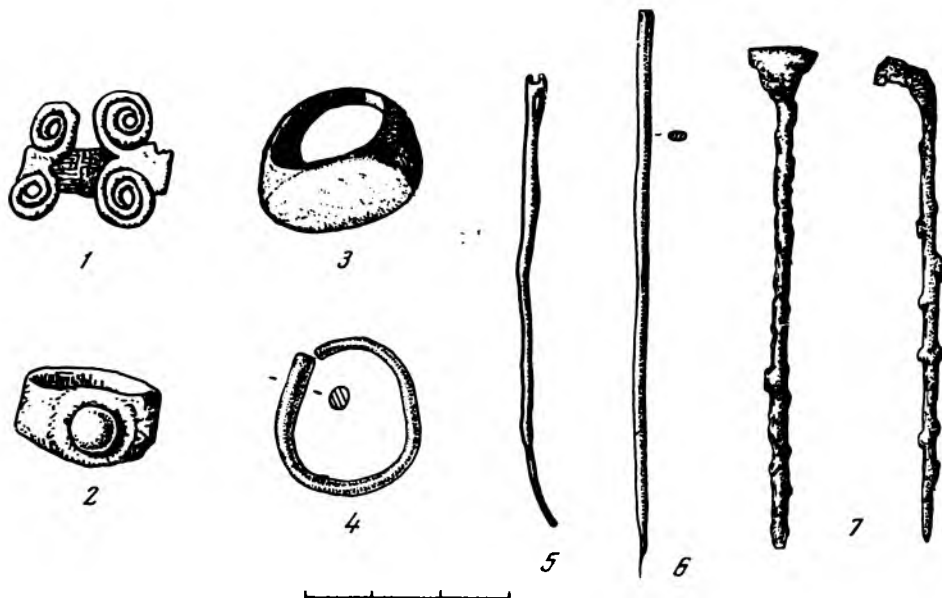

Рис. 47. Мелкие бронзовые изделия из поселения у дер. Семеновки:

1—3 — перстни, 4 — серьга, 5, 6 — иголки, 7 — стиль

в плоских формах, иногда детали лица и отдельные линии наносились дополнительно чеканкой. Из одинаковых фигурок делали подвески, снабжая их ушком, и фибулы, прикрепляя к ним иглу и приемник¹⁶⁶. Появление этих фигурок в IV в. свидетельствует о чужеродном влиянии. Они имеют прямые аналогии на Кубани¹⁶⁷, на Кавказе¹⁶⁸, а также среди фигурок Гляденовского костыща¹⁶⁹. Распространение их на Боспоре совпадает с периодом после так называемого готского нашествия, когда масса различных сарматских и других племен, входивших в готский союз племен, вторглась в пределы Боспорского царства.

Многообразие и разнотипность изделий боспорских металлургов и ювелиров отразили изменения социального и этнического характера, проис-

¹⁶⁶ ИАК, вып. 35, стр. 32, склеп № 78 — фибула в виде фигурки найдена возле костяка № 5

¹⁶⁷ М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, 1, 1936, стр. 165, рис. 6.

¹⁶⁸ И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, III, стр. 115, рис. 120; МАК, т. VIII, табл. СХХII, 1, СХVIII, 22, ХСII, 8.

¹⁶⁹ И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. в дер. Айвазовское. СА, 1957, № 2, стр. 255, рис. 2, 8, 9.

шедшие на Боспоре в позднеантичную эпоху. Интересна в этом отношении и эволюция форм боспорских фибул. Фибулы являлись, вероятно, обязательной принадлежностью костюма боспорян позднеантичного времени. Они в большом количестве встречаются во всех позднеантичных погребениях. Типы их довольно разнообразны. В бедных погребениях как сельских, так и городских жителей во II—III вв. н. э. чаще всего находят фибулы с подвязанным приемником или «лучковые», с четыреххитковой пружиной и проволочной дужкой, расплюснутый и загнутый конец которой образует приемник и закручивается на дужке¹⁷⁰. Иногда проволокой обкручена вся дужка фибулы¹⁷¹. Большое распространение получили также фибулы с пластинчатой дужкой, принадлежащие к одной из разновидностей позднелатенского типа. Они также имеют четыреххитковую пружину, но приемник у них пластинчатый и в некоторых случаях на ножке имеется выступ в виде шишечки¹⁷². Встречаются и «арбалетовидные» фибулы с округлой дужкой, с высоким приемником, заканчивающимся шишечкой, и с многохитковой пружиной¹⁷³. Эти три типа фибул наиболее часто встречаются в могилах II—III вв. н. э. Давно установлено, что так называемые лучковые фибулы¹⁷⁴ происходят из Причерноморья. Вряд ли можно предполагать, что они изготавливались в каком-либо одном центре, например в Ольвии¹⁷⁵. Тот факт, что они встречаются во всем Причерноморье, что их много на Боспоре, а главное, учитывая простоту этого типа фибул, можно предположить, что они изготавливались в различных центрах, в том числе на Боспоре. Оба других описанных выше типа фибул также могли изготавливаться в боспорских и, в частности, в пантикапейских мастерских. Они были дешевы и доступны широким слоям боспорского населения. Их распространение даже в небольших поселениях позволяет говорить о единстве типа одежды и моды по всей территории Боспора во II—III вв. н. э. Кроме этих типов фибул, в городах Боспора

¹⁷⁰ В. Д. Г а й д у к е в и ч. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, стр. 224, рис. 95, 3; Д. Б. Ш е л о в. Некрополь Танаиса. М., 1961, стр. 72, табл. XXXVII, 6.

¹⁷¹ Т. Н. К н и ц о в и ч. Танаис. М.—Л., 1949 стр. 59, рис. 16, 8; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Некрополи..., стр. 216, рис. 82, 6; известны бронзовые и серебряные фибулы такого типа (см.: М. М. К о б ы л и н а. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, № 4, стр. 80, рис. 116).

¹⁷² А. А м б р о з. Фибулы юга Европейской части СССР. М., 1966. Подобные фибулы с насечками на щитке встречены на поселении у деревень Семеновки, Ново-Отрадное, в Танаисе, Пантикапее и т. д. См.: Д. Б. Ш е л о в. Некрополь Танаиса, стр. 72; Т. М. А р с е н ь е в а. Некрополь римского времени, стр. 200; Э. А. С ы м о н о в и ч. Фибулы Неаполя Скифского. СА. 1963, № 4, стр. 142, рис. 1, 12.

¹⁷³ Д. Б. Ш е л о в. Некрополь Танаиса, табл. XLV, 14 и 15, XXXVII, 7; Э. А. С ы м о н о в и ч. Указ. соч., стр. 142, рис. 1, 14; Т. Н. К н и ц о в и ч. Танаис, стр. 59, рис. 16, 2.

¹⁷⁴ А. П. К а л и т и н с к и й. О некоторых формах фибул из Южной России «Seminarium Kondakovianum», I. Praha, 1927, стр. 200 сл.

¹⁷⁵ С. О. П р у ш е в с к а я. Художественная обработка металлов. АГСП, стр. 333.

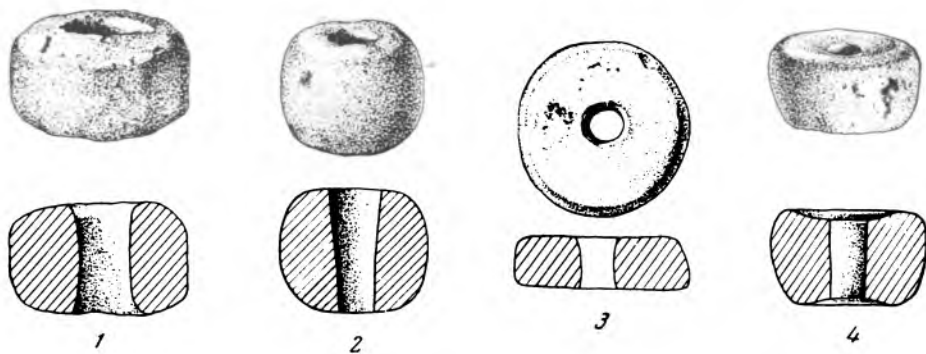

Рис. 48. Пряслица III в. из поселения у дер. Семеновки

встречались и другие. Так, фибулы-броши типа найденных в Танаисе ¹⁷⁶ или фибулы с круглыми и ромбовидными щитками, относящиеся к кругу римских провинциальных фибул, были импортными.

Простые типы фибул, характерные для II—III вв., в IV—V вв. н. э. претерпевают серьезные изменения. Большое распространение в IV в. получают арбалетовидные фибулы с многовитковой пружиной ¹⁷⁷. В последней трети IV и начале V в. распространены двупластинчатые фибулы с полукруглым щитком над двойной пружиной и с ромбовидным щитком над приемником ¹⁷⁸. Резкое изменение типов фибул в период между III и IV вв. соответствует серьезным изменениям, которые произошли в этот период на Боспоре.

Открытие в 1964 г. в Танаисе остатков стеклодувной мастерской ¹⁷⁹ показало, что и этот вид ремесленного производства был распространен на Боспоре в III в. н. э. Обращает на себя внимание тот факт, что форма для выдувания стеклянных фиал, льячка, раковины мидий и битое стекло, употреблявшиеся для приготовления стеклянной массы, были

¹⁷⁶ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, табл. XLVII, 4.

¹⁷⁷ И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории. МИА, № 57, стр. 124, рис. 5, 9а.

¹⁷⁸ ИАК, вып. 30, стр. 4 — серебряные фибулы в Государственном Эрмитаже, инв. № 1820/888—89; вып. 25, стр. 34 — серебряная фибула в Государственном Эрмитаже, инв. № 1820/188 из склепа № 145, раскопки Шкорпила в 1904 г., датируется по совместно найденному блюду Констанция 324—361 гг.; такая же фибула найдена в Фанагории в двухкамерном земляном склепе с материалом IV в. (Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 41, 42, могила № 50); И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин. Погребение гуннского времени близ Танаиса. СА, 1962, № 3, стр. 236, рис. 1, 2.

¹⁷⁹ Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева. Стеклоделие Танаиса. СА, 1936, № 2, стр. 176 сл.

Рис. 49. Бронзовый инструмент для вязания сетей (поселение у дер. Семеновк¹)

найжены в хозяйственном помещении вместе с зернотерками, зерном и амфорами. Это свидетельствует о небольшом размере мастерской, обслуживаемой, вероятно, одним ремесленником с одним-двумя подмастерьями. Формы и типы стеклянных сосудов говорят о связи этой мастерской со стеклодувным производством западных провинций Римской империи¹⁸⁰. Судя по тому, что аналогичная мастерская, относящаяся к III—IV вв., была открыта и на небольшом городище Алма-Кермен, вблизи Бахчисарая¹⁸¹, можно предполагать существование стеклодувного производства, кроме Танаиса, и в других крупных городах Боспора, хотя до настоящего времени обнаружить там мастерские не удалось.

Еще один вид ремесла, широко распространенного на Боспоре в предшествующий период, — ткачество также продолжало существовать в позднеантичное время. Неизвестно, существовали ли крупные ткацкие мастерские. Пряслица и грузила от ткацких станков, часто находимые в помещениях, свидетельствуют о том, что ткачество продолжало развиваться как домашнее ремесло. Женщины — хозяйки дома или домашние рабыни — сами сучили пряжу из шерсти овец или волокон конопли, сами ее пряли на ткацких станках, которые имелись, вероятно, в каждом доме. Ткацкие грузила — одна из наиболее распространенных находок в жилищах.

Возможно, что костяные иглы с зарубками (рис. 9) тоже служили не только для вязания сетей, но и для пряжи или плетения ткани из толстых шерстяных нитей. В могилах III—IV вв. часто находили остатки тканей, иногда плотных шерстяных, иногда очень тонких. Обуглившиеся куски плотной ткани обнаружены и на поселении у дер. Семеновки. В одном случае шерстяная из крупных нитей ткань была свернута, и из нее сделан фитиль для светильника. Часто отпечатки различного вида тканей встречались на доньях глиняных горшков. По ним можно различить ткани, сделанные из толстых и тонких нитей. На поселениях в Семеновке, в Фанагории и других местах находили широко известные в античном мире бронзовые двусторонние вилкообразные инструменты, также применяемые для плетения¹⁸² сетей или других изделий (рис. 49).

Итак, ремесло в позднеантичный период продолжало развиваться, сохраняя старые традиции и античные типы инструментов, аналогич-

¹⁸⁰ Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева. Стеклоделия Танаиса.

¹⁸¹ Т. М. Висотська. Про виробництво скла в пізньоантичному Криму. «Археологія», т. XVI. Киев, 1964, стр. 13.

¹⁸² F. Petrie. Tools and Weapons. London, 1917, табл. LXII, 27.

ные тем, которые в это время были широко распространены не только по всей обширной территории Римской империи, но и на сопредельных землях. Соответственно изменениям, происшедшим в социально-экономических условиях жизни и в этническом составе населения, изменился и удельный вес отдельных видов ремесел и их характер. Пришли в упадок, например, каменотесное производство и производство художественных керамических изделий. Наоборот, получило широкое развитие ювелирное дело, спрос на продукцию которого сильно возрос. Выявилась резкая дифференциация в характере ювелирной продукции, предназначенной для различных слоев населения. Наряду с примитивными бронзовыми украшениями, находившими спрос у широкой массы населения, боспорские ювелиры производили полихромные изделия, инкрустированные камнями и стеклом, предназначенные для богатых слоев общества и для продажи родовой знати окрестных племен. Остальные виды ремесел, по-видимому, сохраняли свое прежнее значение и характер. К сожалению, нет никаких данных об организации ремесленного производства. Можно только предполагать, что в позднеантичное время крупные царские эргастерии не существовали, число же мелких ремесленных мастерских, где работало небольшое количество подмастерьев, возросло, повысилась также роль сельских ремесленников. Основанием для такого предположения является отсутствие каких-либо указаний на крупные эргастерии, как, например, клеймение или стандартизация типов продукции. В керамическом ремесле, где в эпоху эллинизма царские эргастерии, по-видимому, существовали, в позднеантичное время наблюдается значительно большее разнообразие типов массовой продукции: амфор, черепиц и т. д., изготовленных из глины, различающейся и по происхождению и по примесям, т. е. сделанных в различных мастерских. Большое число ремесленных мастерских, открытых во многих, часто маленьких городках, говорит о небольших размерах этих мастерских. Вместе с тем, появление отдельных сортов керамики, имеющей локальное распространение, как, например, краснолощеной, чернолощеной с зооморфными ручками и т. д., свидетельствует о распространении небольших ремесленных мастерских местного значения.

Промыслы

Исследования многочисленных поселений первых веков нашей эры, расположенных по берегам Керченского пролива, Азовского и Черного морей, свидетельствуют о большом развитии там рыбного промысла.

Рыбные богатства Боспора были известны еще грекам. В IV в. до н. э. греческий поэт Архестрат составил «Записки о боспорской соленой рыбе»¹⁸³. О вывозе из припонтийских стран соленой рыбы, которая счита-

¹⁸³ Athen., VII, 21 (p. 284 e).

лась одним из предметов роскоши, писал Полибий¹⁸⁴. Он же рассказывает, как Катон негодовал из-за того, что некоторые римляне роскошествовали, «покупая за тридцать драхм боченок понтийской соленой рыбы...»¹⁸⁵ О вывозе соленой рыбы из Меотиды и о ловле рыбы для соления свидетельствует Страбон¹⁸⁶. Он же сообщает о ловле пелагид, размножающихся в Азовском море и уходящих затем в Черное¹⁸⁷, отмечая крупные размеры осетров в Керченском проливе, почти равных дельфинам¹⁸⁸. Богатства Меотиды — Азовского моря подчеркивает Евстафий¹⁸⁹. Большая роль рыбного промысла на Боспоре уже неоднократно отмечалась в литературе¹⁹⁰. Археологические раскопки последних десятилетий позволяют составить довольно ясное представление о характере рыбной ловли в позднеантичный период.

В многочисленных помещениях, раскрытых в Киммерике, у деревень Семеновка, Золотое, Ново-Отрадное, Тасуново, Батарейка I и других, очень часто находят остатки рыбьих костей. Иногда они находятся в больших глиняных сосудах¹⁹¹, иногда кости лежат сплошным слоем, толщиной около 50 см, покрывая весь пол помещения¹⁹². В последнем случае, вероятно, можно предположить остатки складов сухой рыбы. Среди вещей, находимых в помещениях, очень часто попадаются рыболовные крючки¹⁹³ различных размеров, от 2 до 10 см длиной (рис. 50), грузила от сетей, в том числе глиняные пирамидальные (рис. 51, 3), округлые, уплощенные¹⁹⁴, каменные с выемками для перехватывания веревками¹⁹⁵, небольшие грузила из обломков амфорных ручек с выемками для привязывания шнура¹⁹⁶ (рис. 51, 2). В Семеновке в нескольких помещениях были найдены пробковые и деревянные поплавки от сетей. Там же были найдены куски обгорелого крученого шнура с узлами — по-видимому, куски плетеной сети¹⁹⁷.

¹⁸⁴ Polyb., IV, 38, 4.

¹⁸⁵ Athen., VI, 109 (p. 277 f.).

¹⁸⁶ Strabo, VII, 4, 6, XI, 2, 4.

¹⁸⁷ Strabo, VII, 6, 2.

¹⁸⁸ Strabo, VII, 3, 18.

¹⁸⁹ Евстафий. Комментарии к землеописанию Дионисия=SC, I, стр. 193.

¹⁹⁰ Ю. Ю. Марти. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритак и Мирмекия. СА, VII, 1941, стр. 94, сл.; В. Д. Лебедев, Ю. Е. Лапин. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве. МИА, № 33, 1954, стр. 197 сл.

¹⁹¹ И. Б. Зеест. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 97.

¹⁹² И. Т. Кругликова. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г., КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 68.

¹⁹³ И. Т. Кругликова. Поселение у дер. Семеновки. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 79, рис. 32, 4.

¹⁹⁴ Н. А. Онайко. О фанагорийских грузилах. МИА, № 57, стр. 159, рис. 3.

¹⁹⁵ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритак в 1935—1940 гг. МИА, № 25 стр. 115, рис. 141.

¹⁹⁶ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, стр. 242, рис. 5, 4.

¹⁹⁷ Она же. Поселение у дер. Семеновки, стр. 76, рис. 29, 4.

Рис. 50. Рыболовные крючки (поселение у дер. Семеновки)

Две кучи рыболовных грузил (103 штуки), лежавших, по-видимому, вместе с сетями, были найдены в Фанагории в одном из помещений, погибших во время пожара в IV в. н. э.¹⁹⁸

Очень часто и в большом количестве находят костяные иглы с зарубками (рис. 9), которые могли употребляться для вязания сетей¹⁹⁹, а также бронзовые крючки в форме двусторонних вилок тоже для вязания сетей (рис. 49). Неоднократно встречаются костяные ножи для чистки рыбы²⁰⁰. Можно предполагать, что рыболовным промыслом занимались и отдельные семьи, и объединения семей.

В Тиритаке были обнаружены следы крупного производства соленой рыбы. Судя по количеству рыбозасолочных ванн и по их концентрации, размах рыбного промысла в Тиритаке в I—III вв. н. э. был огромным.

¹⁹⁸ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 93.

¹⁹⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 131, рис. 140, 2.

²⁰⁰ Там же, стр. 126, рис. 133; Он же. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 116, рис. 143.

Всего в Тиритаке было открыто 59 рыбозасолочных ванн²⁰¹. Подавляющее большинство из них функционировало с I по III в. н. э. и прекратило свое существование в конце III в. н. э.²⁰² Однако есть ванны, которые продолжали использоваться и в IV в. н. э.²⁰³, некоторые были сооружены в III в. н. э. и функционировали в IV в. вплоть до гуннского нашествия²⁰⁴. Небольшое число ванн продолжало существовать и позднее²⁰⁵. Сооружение наиболее крупных комплексов рыбозасолочных ванн относится к I в. н. э. Среди них выделяется комплекс, открытый в 1932—1934 гг., у городской стены. Здесь было обнаружено 16 ванн, расположенных по четыре ванны в ряд. Возможно, число ванн было и большим, так как последний ряд не раскрыт полностью и уходит под насыпь²⁰⁶. Емкость 16 ванн достигала 204 куб. м, что означает возможность одновременной засолки 1600 центнеров рыбы, а учитывая, что оборачиваемость промысла могла быть восьмикратной, эти ванны могли обеспечить засолку 12 800 центнеров рыбы в год. Их должны были обслуживать не менее 12—15 человек²⁰⁷, а для засолки такого большого количества рыбы требовалось около 3 тыс. центнеров соли²⁰⁸.

Но, кроме этого комплекса, функционировавшего вплоть до III в. и принадлежавшего, вероятно, одному крупному рыболовецкому хозяйству, к III в. н. э. относятся и другие комплексы ванн, несколько меньших размеров. В одном из них было пять ванн, общим объемом 36 куб. м, и еще две ванны III—IV вв. н. э., вместимостью 27 куб. м. В 1945 г. были обнаружены еще шесть ванн общей вместимостью 33 куб. м, расположенных попарно в три ряда, а также расчищены четыре комплекса ванн, из которых в один входят шесть ванн, объемом 42 куб. м, в другой — четыре ванны объемом 29 куб. м, а еще две группы из четырех и из пяти ванн вмещали 49 куб. м.

Таким образом, в южной и юго-восточной части города в III в. н. э. существовало не менее 48 ванн, емкость которых достигала 477 куб. м. В них одновременно могли засаливать около 3600 центнеров рыбы. А если считать возможным восьмикратное заполнение цистерн в год, то общая продукция всех открытых в Тиритаке цистерн могла превышать 28 тыс. центнеров в год. Более 30 человек было занято на обслуживании этих ванн. Кроме того, для обеспечения этих ванн сырьем требовалось значительное

²⁰¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 133.

²⁰² 16 ванн на участке I (МИА, № 4, стр. 20); пять — на участке V—VI и шесть на участке X (МИА, № 25, стр. 33, 49).

²⁰³ 14 ванн (А, Б, В) на участке XIII (МИА, № 25, стр. 57, 59—61).

²⁰⁴ Три ванны на участке V—VI (МИА, № 4, стр. 52—55).

²⁰⁵ Девять ванн (В и Г) на участке XIII (МИА, № 25, стр. 60).

²⁰⁶ Ю. Ю. М а р т и. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. МИА, № 4, 1941, стр. 20 сл.

²⁰⁷ Ю. Ю. М а р т и. Рыбозасолочные ванны Тиритаки. МИА, № 4, стр. 94.

²⁰⁸ Там же.

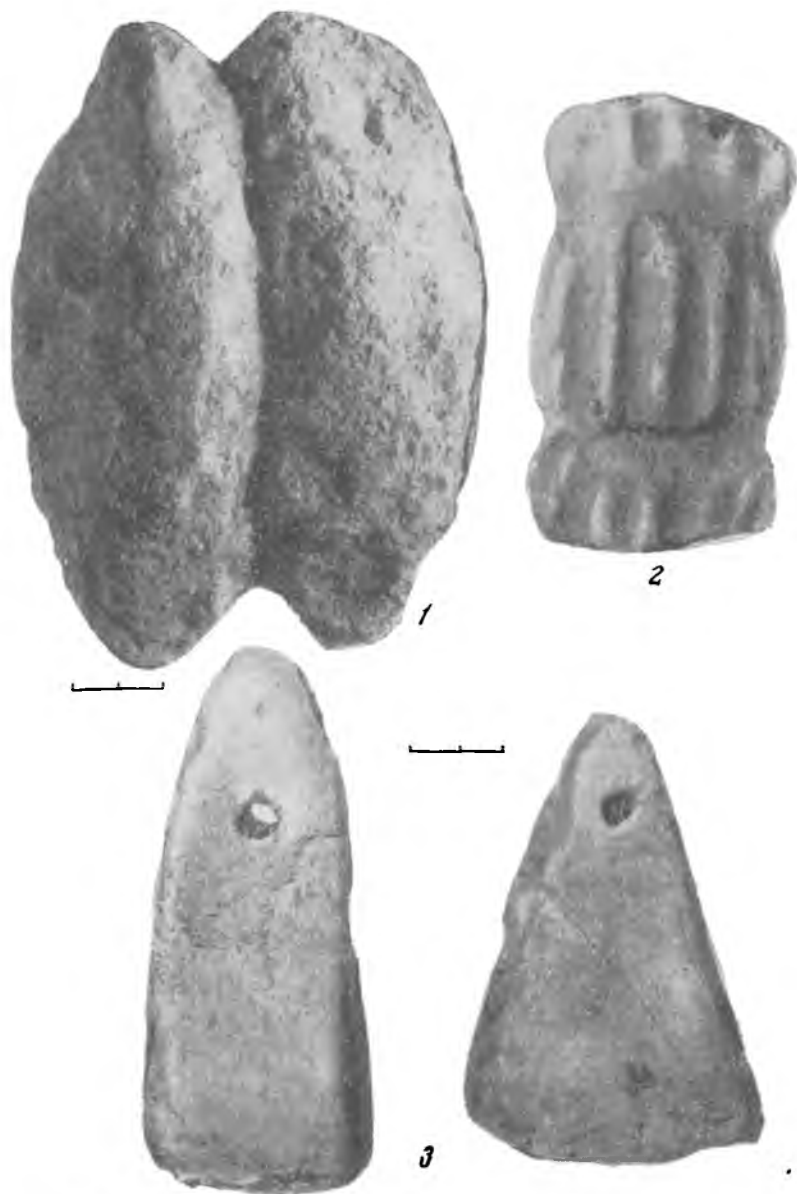

Рис. 51. Рыболовные грузила (поселение у дер. Семеновка):

1 — каменные, 2, 3 — глиняные

число рыболовов, а если учесть, что это лишь небольшая часть всех рыбо-заготовительных хозяйств Тиритаки, что, помимо засолки рыбы в ваннах, ее, кроме того, сушили, вялили и т. п., станет ясным, как много людей были заняты рыболовным промыслом в Тиритаке в III в. н. э. В IV в. число рыбозасолочных цистерн в Тиритаке, по-видимому, уменьшается. Если судить по открытым до настоящего времени рыбозасолочным комплексам, то в III в. прекратили свое существование 27 из 48 функционирующих тогда цистерн. А общая вместимость их сократилась с 477 куб. м до 198 куб. м, что должно было уменьшить более чем вдвое годовую продукцию соленой рыбы. В IV в. прекращают существование еще 12 цистерн, и в V в. функционируют лишь два комплекса из девяти цистерн, объем которых не превышал 100 куб. м. Однако, так как не исключена возможность, что сохранилось еще большое число нераскрытых раскопками цистерн, мы все эти цифры должны рассматривать не как абсолютные, а лишь как дающие представление о соотношении размеров рыбозасолочного производства в различные периоды.

Кроме одного крупнейшего комплекса, включающего не менее 16 ванн ²⁰⁹, остальные комплексы рыбозасолочных цистерн Тиритаки довольно стандартны по размерам: четыре ²¹⁰, пять ²¹¹ и шесть ²¹² ванн, лишь как исключение встречаются группы по две ванны ²¹³.

В Мирмекии был открыт комплекс из восьми ванн, общей емкостью 130 куб. м ²¹⁴. Ванны там существовали до III в. н. э., когда они были засыпаны.

Техника сооружения рыбозасолочных ванн довольно однотипна. Вырывался в земле большой котлован. Стенки его обкладывались каменными плитами, иногда лучше, иногда хуже обработанными, дно выстилалось каменным бутом, иногда на специальных подсыпках из песка и глины. Внутри делались перегородки (в зависимости от числа ванн) из поставленных на ребро плит. Затем все покрывалось несколькими слоями известкового раствора ²¹⁵ с примесью толченой керамики и песка, при этом у некоторых из ванн делали закругленные углы. Число слоев раствора иногда доходит до пяти, толщина же обмазки достигает 4 см ²¹⁶. Глубина ванн бывает различна, лишь у двух ванн она достигала 3,27 м, но большей частью сохранившаяся глубина бывает 1,7—1,8 м. Только одна из ванн, прист-

²⁰⁹ Ю. Ю. Марти. Городские крепостные стены..., стр. 20.

²¹⁰ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 57—58.

²¹¹ Там же, стр. 30 и 60.

²¹² Там же, стр. 48 и 57 (группа А).

²¹³ Т. Н. Книпович, Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 52.

²¹⁴ Ю. Ю. Марти. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском, стр. 103.

²¹⁵ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 58 (группа В).

²¹⁶ Там же, стр. 60.

роенная к существовавшему ранее комплексу, имеет глубину 1 м ²¹⁷, тогда как четыре остальные ванны этого же комплекса имеют глубину не менее 2,28 м. По-видимому, ванны, существовавшие до III в. н. э. и разрушенные до начала IV в. н. э., имели черепичные кровли. Об этом свидетельствует большое количество черепицы, найденной внутри ванн как в Тиритаке, так и в Мирмекии. Только две группы тиритакских ванн не сохранили следов черепичной кровли, а именно те, которые использовались жителями Тиритаки в раннесредневековое время ²¹⁸. Форма ванн в плане большей частью квадратная и прямоугольная или почти прямоугольная. Лишь единичные ванны, чаще всего пристроенные к существовавшим ранее комплексам, имели трапециевидную форму ²¹⁹. Размеры ванн, иногда даже внутри одного комплекса, были различны ²²⁰. Рыбозасолочные цистерны, открытые в Горгииппии, до III в. не просуществовали. Время существования цистерны, открытой в 1944 г. в Пантикапее, неясно ²²¹. Но все они позволяют предполагать, что рыбные хозяйства были не только в Тиритаке, но и в других городах Боспора. Вывоз рыбы в первые века нашей эры стал, по-видимому, существенной частью боспорского импорта, а это в свою очередь способствовало развитию этого вида промысла.

По-видимому, рыболовный промысел получил особенно большое распространение в первые века нашей эры. Именно в это время ясно заметно тяготение поселений к берегу моря. Остатки рыбозасолочных ванн в Тиритаке и остатки рыболовства на всех без исключения поселениях III в. н. э., раскапывавшихся за последние годы, свидетельствуют, что население не просто ловило рыбу для потребления, но рыбная ловля превратилась в промысел. Рыбу ловили на продажу. Всячески улучшали рыболовные снасти, покупали даже импортную пробку для поплавков к сетям ²²². Рыбу ловили на крючки, вероятно так же, как и современные рыбаки. Но массовый лов производили неводами, о существовании которых свидетельствуют различные грузила, поплавки и самые остатки сетей.

Неводы с тяжелыми свинцовыми грузилами внизу и с пробковыми поплавками сверху применяли для ловли рыбы и жители Помпеи ²²³.

²¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 60 (группа Г).

²¹⁸ Там же. стр. 61.

²¹⁹ Там же, стр. 60 (группа Г) и стр. 30, уч. V—VI; стр. 57 (группа Б).

²²⁰ Размеры наименьших ванн $1,3 \times 1,75$ м и $1,7 \times 1,8$ м при глубине 2,28 и 1,8 (Там же, стр. 48 и 60), наибольших — $3,1 \times 1,7$ м; $2,85 (2,95) \times 2,63 (3)$ м при глубине 2,5 м и 3 м (Ю. Ю. Мартин. Крепостные стены..., стр. 2.; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки..., стр. 57).

²²¹ В. Д. Блаватский. Материалы из истории Пантикапея. МИА, № 19 стр. 53, № 138.

²²² Поплавки из пробки размером по 10×8 см, 12×9 см и т. д. с центральным отверстием найдены в различных помещениях на поселении у Семеновки.

²²³ М. С. Сергеев. Помпеи. М.—Л., 1949, стр. 121.

На Боспоре промысловыми рыбами были различные сорта осетровых, карповых, окуневых и др. На дне некоторых из рыбозасолочных ванн в Мирмекии были найдены спрессованные остатки хамсы ²²⁴, а в Тиритаке — скелеты сельди. Около ванн там были кости осетровых рыб ²²⁵. В Фанагории, в слоях III—IV вв. были найдены остатки севрюг, осетров, лещей, сазанов, сомов и судака. Поскольку сом в морской воде не водится, можно говорить о том, что фанагорийцы ловили рыбу не только в водах Таманского залива, но и в р. Кубань ²²⁶. Среди костей рыб, найденных на поселении у Семеновки, были остатки осетров, сазанов, бычков-кругляков, судаков, тарани, камбалы-глоссы ²²⁷. Преобладали кости сазанов, размеры которых не превышали современных. Огромные скопления остатков сазанов в одном месте указывают на организацию ловли с помощью ставных сетей и неводов. Кости севрюги, судака и сазанов найдены на поселении у Михайловки. Очень широко было распространено добывание съедобных моллюсков — мидий. Их створки в огромном количестве встречаются в мусорных свалках поселений. Вероятно, эти моллюски были любимым кушаньем боспорян. Среди костных остатков на поселениях III—IV вв. ²²⁸ неоднократно встречаются кости дельфинов. По-видимому, их ловили и употребляли в пищу, а возможно, умели использовать их жир для светильников.

К сожалению, нет материалов для восстановления системы организации рыбной ловли: ловили ли рыбу самостоятельно отдельные рыбаки, продававшие ее затем скупщикам, существовали ли объединения рыбаков — артели и крупные предприниматели — рыбопромышленники, нанимавшие специальных рыбаков? Вероятно, существовали все три формы рыбного промысла. О существовании крупных рыбопромышленников, которые могли нанимать рыбаков, скупали уловы рыбы специально для заготовки на продажу, свидетельствуют крупные комплексы рыбозасолочных ванн. Единичные и парные ванны могли принадлежать и отдельной семье рыбака.

Из рыбозасолочных ванн готовую рыбу перекладывали в пифосы и крупные амфоры. Распространение на Боспоре в III в. н. э. очень крупных остродонных амфор большой емкости, возможно, связано с широким производством и экспортом соленой рыбы и рыбных соусов. Из сообщений римских писателей известно распространение среди римлян различных сортов рыбных соусов. Так, например, Помпеи славились на всю Италию изготовлением особого соуса «гарума». О его сортах мы знаем из над-

²²⁴ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг., стр. 207.

²²⁵ Ю. Ю. Марти. Новые данные..., стр. 104.

²²⁶ В. Д. Лебедев, Ю. Е. Лапин. Указ. соч., стр. 208.

²²⁷ Определены на кафедре ихтиологии МГУ Е. К. Сычевской и Е. А. Ценкиным; о костях из Михайловки мне сообщил Б. Г. Петерс.

²²⁸ Кости из Семеновки, Батарейки I определены В. И. Цалкиным.

лисей на сосудах типа кувшинчиков, в которых он продавался. Плиний Старший называл его «сукровицей разлагающихся рыб», так как он приготавлился из густо засоленной рыбы в чанах, стоящих на солнце в течение двух-трех месяцев. Когда тщательно перемешиваемый засол превращался в сплошную массу, в чан опускали корзину частого плетения, в которую и набиралась густая жидкость «гарум»²²⁹. Известны не менее одиннадцати предприятий, изготовлявших «гарум» в Помпеях. Кроме того, он изготовлялся и в других местах Средиземного моря. Вполне возможно, что с распространением римского влияния на Боспоре и с расширением торговли его стали производить и на Боспоре. Изготовление такого типа соусов на Боспоре могло быть связано и с тем, что Боспор снабжал продовольствием римские легионы. Может быть, найденные на поселении у Семеновки амфоры, устья которых были герметически закупорены известью, а на горле имелись сквозные отверстия, доказывают производство там такого типа рыбных соусов.

Очень возможно, что рыболовный промысел продолжал играть такую большую роль в III и IV вв. н. э. в связи с распространением христианства, так как введение постов увеличивало потребность в рыбной пище.

Тесно связана с рыбным промыслом и добыча соли. О существовании ее на Боспоре, где в настоящее время имеется много соленых озер, мы можем только догадываться, так как античные авторы, говоря о Северном Причерноморье, упоминали только о добыче соли в устье Днестра и вблизи Херсонеса²³⁰.

Кроме рыболовного и соляного промыслов, продукция которых составляла, по-видимому, важную часть общей продукции Боспора, его жители занимались охотой.

Среди костных остатков²³¹ в слоях III в. н. э. часто встречались кости зайцев²³², в слоях I—IV вв. н. э. найдены кости лисиц²³³, кабанов²³⁴, благородных оленей²³⁵, сайги и кулана²³⁶, лося²³⁷, волка²³⁸,

²²⁹ М. Е. Сергеев. Помпеи, стр. 118 сл.

²³⁰ Herod., IV, 53; Strabo, VII, 4, 7; Dion. Chrysostom., XXXVI, II, 48.

²³¹ Все кости определены В. И. Цалкиным (см. В. И. Цалкин. История скотоводства в Северном Причерноморье. М., 1960, прилож. 1—15, а также приложения к отчетам о раскопках в Архиве ИА АН СССР). К сожалению, не всегда можно установить, к какому именно из первых четырех веков нашей эры относятся те или иные кости животных.

²³² Из раскопок поселений у деревень Семеновки, Батарейки I (1961 г.), Пантикапея, Фанагории, Михайловки.

²³³ Из Мирмекии, Фанагории, Танаиса, Михайловки.

²³⁴ Из Мирмекии, Пантикапея, Семибратнего городища, Танаиса.

²³⁵ Из Горгии Мирмекии, Пантикапея, Фанагории, Семибратнего городища, Михайловки.

²³⁶ Из Фанагории, Танаиса.

²³⁷ Из Танаиса.

²³⁸ Из Танаиса.

ласки ²³⁹. Среди пищевых остатков в античных городах и поселениях всегда преобладают кости домашних животных, но наличие костей диких животных, хотя и в небольших количествах, свидетельствует о развитии охотничьего промысла. Возможно, что основной целью охоты была добыча шкур, мяса и рогов, поэтому охотники не всегда приносили туши убитых животных в города; они могли разделять их на месте.

Вероятно, на Боспоре был распространен еще один вид промыслов — бортничество, или пчеловодство, так как Полибий среди продуктов, вывозимых с Понта, называет и мед ²⁴⁰. К сожалению, никаких данных о разведении пчел не сохранилось.

²³⁹ Из Михайловки

²⁴⁰ Polyb., IV, 38, 4.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ТОРГОВЛЯ

Денежное обращение

За полтора десятилетия, прошедшие после опубликования обобщающей работы А. Н. Зографа «Античные монеты», где дана исчерпывающая характеристика истории монетной чеканки на Боспоре, появилось много новых данных и опубликован ряд статей, в которых отдельные вопросы позднеантичной чеканки рассматриваются под другим углом зрения. Некоторые из них, как, например, вопрос о конце боспорской монетной

чеканки ¹, о монетах Рискупорида V, Фарсанза ², Фофорса³, о надчеканках ⁴ и др., получили новое освещение. Были опубликованы новые клады позднеантичных монет ⁵, и найдено много монет в культурных слоях городов и поселений ⁶. Настало время подытожить новые данные и попытаться дать общую характеристику денежного обращения на Боспоре в позднеантичный период.

Интересные данные для этого можно почерпнуть из сопоставления монетных кладов, зарытых в течение III—IV вв.

На территории Боспора до 1965 г. было найдено 22 клада, содержащих монеты III—IV вв. н. э. Часть из них нам известна из неопубликованной рукописи Е. Е. Люценко ⁷, другие были опубликованы в различных изда-

¹ К. В. Голенко. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора. ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 334 сл.; е го же. К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора. ВВ, XXV, М., 1963, стр. 176 сл.

² И. Т. Кругликова. Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки, СА, 1958, № 3, стр. 134 сл.; П. Й. Каршковский. З історії монетної справи на Боспорі в III ст. н. е. МАПН, вып. II, Одесса, 1959, стр. 177 сл.; E. P o s c h i t o n o v. Několik poznámek k poslednímu bosporských králů. «Numismatický Sborník» VII. Praha, 1962, стр. 33—41; К. В. Голенко. К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора, стр. 177.

³ К. В. Голенко. О характере выпуска некоторых монет Фофорса. МАПН, вып. II, стр. 187 сл.

⁴ К. В. Голенко. Надчеканки на медных боспорских монетах III в. н. э. «Нумизматический сборник», II, Труды ГИМ, вып. XXVI, М., 1957, стр. 43 сл.

⁵ Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г. ВДИ, 1949, № 2, стр. 73 сл.; Д. Б. Шелов. Феодосийский клад боспорских «статеров». ВДИ, 1950, № 2, стр. 134 сл. (ранее сведения об этом кладе опубликованы в статье: Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. «Сообщения ГАИМК», II, 1929, стр. 285); К. В. Голенко. Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрее. СА, 1957, № 2, стр. 197 сл.; он же. Второй патрейский клад монет. НЭ, I, М., 1960, стр. 223; В. В. Кропоткин. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. СА, 1958, № 2, стр. 281; И. Т. Кругликова. Клад боспорских статеров III в. н. э. из Семеновки. СА, 1958, № 3, стр. 134 сл.; Н. З. Кунин. Керченский клад серебряных римских монет. АИБ, стр. 329 сл.; В. Э. Кунин. Монетный клад с Таманского полуострова. АИБ, стр. 343 сл. Последняя сводка кладов римских монет, найденных на территории СССР, в том числе и на территории Боспорского царства, дана В. В. Кропоткиным (Клады римских монет на территории СССР. М., 1961).

⁶ А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. МИА, № 4, стр. 363; Л. Н. Белова. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946—1953 гг. МИА, № 85, стр. 330 сл.; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. НЭ, III, М., 1962, стр. 56 сл.; К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. «Нумизматика и сфрагистика», I, Киев, 1963, стр. 3 сл.; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрее (1947—1950). ВДИ, 1952, № 3, стр. 147 сл.; он же. Монеты из случайных находок в Патрее в 1951 г. НЭ, IV, М., 1963, стр. 103 сл.; И. Т. Кругликова. Монеты из поселения у дер. Семеновки. IIЭ, IV, стр. 118 сл.

⁷ Е. Е. Люценко. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае. Архив Ленинградского отделения ИА АН СССР. ф. 28, д. 22/1880.

ниях или подготавливаются к печати. По содержащимся вкладах монетам можно проследить несколько периодов интенсивного зарытия кладов.

К наиболее ранним из кладов, зарытых в III в., относятся те, в которых самые поздние монеты датируются 30-ми годами III в.

№ 1. В 1849 г. в станице Усть-Лабинской было найдено около 600 золотых и электровых монет боспорских царей: Котиса II, Римиталка, Евпатора, Савромата II, Рискупорида III, Котиса III и Савромата III⁸.

№ 2. В горах в районе Анапы около 1852 г. найдено около 800 золотых монет. Из них около 100 монет поступило в коллекцию графа Перовского. В том числе монеты Котиса II, Римиталка, Евпатора, Савромата II, Рискупорида III, Котиса III и Савромата III⁹.

№ 3. При выезде из Керчи на Феодосийскую дорогу, в черепковой насыпи, имеющей вид большого плоского кургана, в 1863 г. найден горшок с 25 электровыми и серебряными статерами боспорских царей: Котиса III, Савромата III, Рискупорида IV и Инифимея¹⁰.

№ 4. В Керчи, на горе Митридат, у подошвы скалистого холма в 1867 г. найдено 96 золотых боспорских статеров: Котиса II и III, Савромата III, Римиталка, Рискупорида III и Евпатора I¹¹.

Вторая волна зарытия кладов относится к 70-м годам III в. Наиболее поздние монеты некоторых из этих кладов датируются 267 г., но, поскольку это был последний год чеканки перед восьмилетним перерывом, нет уверенности, что клад был зарыт сразу после 267 г. Вероятнее, это произошло в 70-х годах, что совпадает с временем разрушения многих сельских поселений и городов европейской части Боспорского царства. Не случайно клад, зарытый в это время, находили главным образом на Керченском полуострове. С этой второй волной зарытия кладов можно связать клад с № 5 по № 9.

№ 5. В конце 1871 г. в Керчи найдено около 500 монет: Инифимея, Рискупорида IV и Рискупорида V, в том числе 550 г. боспорской эры. Большая часть этих монет была обтянута довольно толстой серебряной пластинкой¹².

№ 6. В 1957 г. в Крыму, при раскопках поселения у дер. Семеновки на берегу Азовского моря был обнаружен клад из 96 боспорских статеров, находившихся, вероятно, в мешочке, спрятанном в углу помещения, у печки. Клад содержал статеры, наиболее ранний из которых относится к 539 г. боспорской эры (242 г. н. э.), а наиболее поздний — к 564 г. боспорской эры (267 г. н. э.)¹³.

⁸ Е. Е. Люценко. Указ. соч., стр. 27 (28), № 3.

⁹ Там же, стр. 28 (29), № 4.

¹⁰ Там же, стр. 10 (11), № 5.

¹¹ Там же, № 6.

¹² Там же, стр. 16, № 11.

¹³ И. Т. Кругликова. Клад боспорских статеров из Семеновки. СА, 1948, 3, стр. 134 сл.

№ 7. В 1954 г. в Керчи был найден небольшой клад римских монет¹⁴, состоявший из одной драхмы Юлии Домны 211 г. н. э., чеканенной в Кесарии Каппадокийской, и 70 антонинианов: Гордиана III, Филиппа Араба, Отацилии Северы, Филиппа Младшего, Траяна Деция, Этрусциллы, Герения Этруска, Требониана Галла, Волузиана, Валериана, Галлиена.

№ 8. В 1937 г. в Тиритаке был обнаружен клад, содержащий 2093 монеты. Они лежали в одноручном кувшине с желобчатым туловом. Наиболее ранняя из монет относилась к 531 г. боспорской эры (234 г. н. э.), наиболее поздняя к 573 г. боспорской эры (276 г. н. э.)¹⁵. Монеты представляют без перерывов все годы чеканки с 242 по 276 г., когда, вероятно, клад был зарыт.

№ 9. В 1958 г. на Таманском полуострове, восточнее хутора Батарейка в глиняном сосуде найдено около 198 медных и биллоновых монет: Рискупорида V, Фарсанза, Савромата IV и Тейрана, чеканенных от 243 до 278 г.¹⁶

Из этой группы кладов выделяется клад № 10, найденный в Судакe в 1958 г. Он был зарыт около 291 г., что, как уже указывалось выше, хорошо согласуется с внешнеполитическими событиями этого времени, а именно, с войной Боспора с Херсонесом. Этот клад содержал более 1020 монет III в. н. э. Среди них монеты боспорских царей от Инифимея до Фофорса и одна римская монета Гордиана III. Наиболее поздняя из монет относилась к 291 г.¹⁷

Несколько большее число боспорских кладов было зарыто в IV в., после прекращения монетной чеканки в 30-х годах IV в. Трудно сказать, были ли все описанные ниже клады зарыты одновременно, сразу после прекращения чеканки, или время их зарытия следует связать с гуннским нашествием в 70-х годах IV в. Возможно также, что эти 12 кладов зарывались в течение нескольких десятилетий IV в., но поскольку ни в одном из них нет римских монет середины или второй половины IV в., хотя они продолжали в это время поступать на Боспор, мы вправе предположить, что большинство этих кладов зарыто в 40-х годах IV в. Вместе с тем нельзя не отметить, что отсутствие римских монет может быть объяснено небольшим их числом, участвующим в обращении, поэтому с ними нельзя связывать время зарытия кладов.

¹⁴ Н. З. К у н и н а. Керченский клад серебряных римских монет. АИБ, стр. 329 сл. После опубликования этого клада были найдены еще несколько содержащихся в нем антонинианов.

¹⁵ А. Н. З о г р а ф. Тиритакский клад. КСИИМК, вып. VI, стр. 58 сл.; о н ж е. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмикия в 1935—1940 гг. МИА, № 25, стр. 368.

¹⁶ В. Э. К у н и н. Монетный клад с Таманского полуострова, АИБ, стр. 343 сл.

¹⁷ Об этом кладе мне любезно сообщил П. Н. Шульц. Он же сделал о нем доклад (см.: СА, 1961, № 4, стр. 293).

Среди кладов, относящихся к IV в., имеются следующие.

№ 11. В 1852 г. в Керчи, на горе Митридат найден горшок с монетами Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI, чеканенными в период от 294 до 328 г.¹⁸

№ 12. В 1869 г. в Керчи найдено 180 медных монет, главным образом Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI. В небольшом количестве были монеты III в. н. э. Фарсанза и Савромата V¹⁹ (вероятно, IV).

№ 13. В 1870 г. 24/XI на городском кладбище в Керчи найдена остродонная амфора с 1500 медных монет. Преобладали монеты Рискупорида VI. Имелись также монеты Фофорса и Радамсада, а также две монеты II и I вв. до н. э.²⁰

№ 14. В 1878 г. в насыпях Городища (Фанагории.— И. К.) найден горшочек с 70 медными монетами Фофорса и Рискупорида VI²¹.

№ 15. В 1879 г. в Керчи, на кладбище в горшке найдены 70 медных и 1 посеребренная монета. Из них: 40 автономных пантикапейских, остальные — статыры Рискупорида VI и одна монета конца I в. до н. э.— начала I в. н. э., приписываемая ранее царю Эвбиоту (с изображением бюста Апполона, окруженного лавровым венком, а на реверсе треножник с монограммой)²².

№ 16. В 1908 г. в дер. Малый Таракташ, к северу от Судака был найден клад, содержащий около 2000 монет. В нем преобладали монеты боспорских царей начала IV в.: Рискупорида VI, Фофорса и Радамсада. Было несколько монет Тейрана и Савромата и одна — Рискупорида III. Кроме монет боспорских царей, клад содержал римские монеты императоров конца III — начала IV в.: Максимиана, Максимины, Максенция²³, Лициния и больше всего Константина.

№ 17. Второй клад монет, найденный в Тиритаке в 1946 г., содержал монеты от 275 по 332 г. Среди них было две монеты Тейрана, 31 монета Фофорса, 14 монет Радамсада и около 150 монет Рискупорида VI²⁴.

№ 18. Клад, найденный около Феодосии, у Ламбирово хутора в 1927 г., содержал 136 боспорских монет с 286 по 328 г., в том числе Фофорса — 28, Радамсада — 9, Рискупорида VI — 96²⁵.

№ 19. В 1951 г. при раскопках Патрейского городища был обнаружен клад монет, находившийся в глиняном сосуде, спрятанном в кладке сте-

¹⁸ П. В. Беккер. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. «Прописки», т. III, М., 1853, стр. 353 сл.

¹⁹ Е. Е. Люценко. Указ. соч., стр. 13 (14), № 8.

²⁰ Там же, № 9.

²¹ Там же, стр. 34 (35), № 8.

²² Там же, стр. 21 (22), № 14.

²³ Часть этого клада опубликована: А. Х. Стевен. Таракташский клад. ИТУАК, вып. 43, 1909, стр. 99—101.

²⁴ Л. П. Харко. Указ. соч., стр. 75.

²⁵ Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. Сообщения ГАИМК, II, стр. 285; Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 134 сл.

ны большого здания. Всего в состав клада входило 397 статеров с 275 по 336 г.²⁶

№ 20. В 1962 г. в Кечах найдено 743 статера с 276 по 336 г., две медные монеты Инифимея и Рискупорида V и одно подражание статеру Рискупорида VI²⁷.

№ 21. Керченский клад 1961 г. содержал 90 монет. Но из них удалось определить только 70 сохранившихся статеров: Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI с 286 по 328 г.²⁸

№ 22. В 1964 г. в Керчи, при раскопках вблизи церкви Иоанна Предтечи, в завале печи найдено около 75 статеров Фарсанза и одна римская монета Александра Севера²⁹.

Все эти клады, кроме одного (№ 7), содержали или одни боспорские монеты, или боспорские с включением единичных римских. В керченском кладе, наоборот, представлены только римские монеты и отсутствуют монеты боспорских царей. Может быть он накапливался человеком, только что приехавшим на Боспор из Рима или его провинций либо собирающимся туда уезжать и копившим деньги, которые могли быть им использованы в Римском государстве. Не исключена, конечно, возможность, что этот клад был привезен на Боспор и зарыт кем-либо из готов³⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что клады, зарытые в азиатской части Боспора, относятся или к 30-м годам III в.³¹, или к периоду после прекращения чеканки на Боспоре³². Лишь один из кладов, найденных на Таманском полуострове (№ 9), судя по последней монете Тейрана, был зарыт в конце 70-х годов III в.

Состав монетных кладов отражает картину денежного обращения в позднеантичный период. Большинство из них содержит монеты сравнительно близких выпусков, охватывавших период от 20 до 60 лет³³. Можно предположить, что в них собраны монеты, участвовавшие в денежном обращении одновременно. Лишь судакский (№ 10) и керченский (№ 12) клад включают монеты семи-восьми десятилетий, и в таракташском кладе (№ 16), наряду с монетами последней четверти III и IV вв., была одна монета 210 г. Клады, которые охватывают промежуток в 100 и 110 лет, не заходят за 30-е годы III в. и состоят из золотых и электровых монет. Кроме упомянутого таракташского клада (№ 16), монеты начала III в., как

²⁶ К. В. Г о л е н к о. Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрее. ИСА, 1957, № 2, стр. 197 сл.; он же. Второй патрейский клад монет. НЭ, I, М., 1960, стр. 223 сл.

²⁷ Монеты определены К. В. Голенко. Еще не опубликованы.

²⁸ К. В. Г о л е н к о. Керченский клад позднебоспорских монет 1961 г. ВВ, XXVII, М., 1966.

²⁹ Описание клада готовит к печати К. В. Голенко.

³⁰ К. В. Г о л е н к о. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, стр. 27.

³¹ Клады № 1. 2. К этому же времени относятся наиболее поздние монеты, найденные при раскопках Горгиппии.

³² Клады № 14, 19, 20.

³³ Клады № 5, 6, 8, 9, 11—14, 17—21.

и более ранние, не встречаются вкладах, содержащих монеты второй половины III в. Они, по-видимому, уже не участвовали в денежном обращении, были изъяты и переплавлены, исключением является клад № 15.

Большое число монет найдено при раскопках городов и поселений Боспора. Интересно, что вкладах монет III—IV вв. встречаются только монеты высшего номинала — статеры, тогда как на полях поместений и в культурных слоях поселений этого времени встречаются как статеры, так и более мелкие монеты — денарии Рискупорида III и двойные денарии Котиса III, Ининфимея и Рискупорида V³⁴. Это свидетельствует о том, что выпускавшиеся этими царями медные монеты участвовали в денежном обращении Боспора в качестве разменной монеты, статер же сохранял значение монеты высшего номинала. Именно монеты, найденные в городах и на поселениях, позволили установить факт постепенного вытеснения из обращения медных разменных монет и замену их статерами. Это можно хорошо проследить на примере раскопок двух небольших сельских поселений III в. Так, среди монет из поселения у дер. Семеновки было 112 статеров Рискупорида V и только один статер Савромата III. В то же время из 39 медных монет только десять относились ко времени Рискупорида V, 16 — других царей III в. н. э., а остальные 13 датируются I в. до н. э. — II в. н. э. Подобная же картина наблюдается и на поселении у дер. Ново-Отрадное. Из найденных там 35 боспорских монет ко II в. н. э. относятся только четыре сестерция. Среди монет III в. н. э. Рискупориду III принадлежат 14 медных монет и только один статер, Ининфимею — четыре медные монеты и статер, Котию III и Рискупориду IV — две медные монеты и один статер, а на царствование Рискупорида V приходится поровну четыре статера и четыре двойных денария.

Судя по составу монетных кладов и по монетам, найденным в городах, в денежном обращении Боспора III и первой половины IV в. участвовали преимущественно монеты, чеканенные боспорскими царями. Однако небольшое число римских монет III—IV вв. постоянно находят в культурных слоях и в некрополях крупных городов и поселений. Возьмем для примера состав монетных находок позднеантичного времени нескольких лучше исследованных боспорских городов.

В некрополе Пантикапея найдены монеты или индикации монет всех боспорских царей III—IV вв., чеканивших монеты, кроме Савромата IV, Тейрана и Радамсада. Кроме того, хотя и в значительно меньшем числе, имелись римские монеты и индикации с монет Гордиана, Траяна Деция, Максимиана, Лициния, Констанция II, Валента и Валентиниана III.

³⁴ В культурных слоях Пантикапея раскопок 1945—1961 гг. из семи монет Ининфимея был лишь один статер, из 14 монет Рискупорида V было лишь три статера, монеты остальных царей III в., чеканивших медные монеты, были представлены только денариями или двойными денариями. См.: К. В. Г о л е н к о, Д. Б. Ш е л о в. Указ. соч., стр. 20—64.

Индикации при этом иногда делались с очень редких монет, не участвовавших в денежном обращении Боспора.

На городище Пантикапея, по данным раскопок с 1945 по 1961 г., были найдены монеты всех боспорских царей, от Рискупорида III до Рискупорида VI, кроме Савромата IV. Там же были монеты римских императоров Александра Севера, Констанция, Аркадия и Константина и одно «варварское подражание» римскому денарию ³⁵.

В Фанагории, кроме монет боспорских царей Рискупорида III, Савромата III, Котиса III, Ининфимея, Рискупорида V, Фофорса, Радамсада, Рискупорида VI, найдены медные римские монеты IV в.: императоров Грациана ³⁶ (чеканенная в Константинополе), Валентиниана и Валента, Клавдия II Готского (268—270 гг.) ³⁷ и «варварские подражания» римским денариям с типом идущего Марса ³⁸. В Тириатаке также были встречены монеты почти всех боспорских царей, чеканивших монету в III—IV вв. н. э., римские монеты Траяна Деция, Диоклетиана и Грациана и одно «варварское подражание» римскому денарию ³⁹.

В Танаисе представлены монеты боспорских царей от Савромата II до Ининфимея, есть одиночные римские монеты II в., а в слоях Танаиса второй половины IV в., относящихся ко времени после прекращения чеканки на Боспоре, найдены монеты императоров: Валента, Феодосия I и Флациллы (чеканенная в Никомедии) ⁴⁰.

В Мирмекии, в раскопках до 1953 г., и в Илурате среди монет III—IV вв. были только боспорские ⁴¹.

Сравнительно много римских монет III—IV вв. происходят из района к западу от Феодосии, что, возможно, связано с влиянием Херсонеса, где римские монеты широко участвовали в денежном обращении. Они имелись в двух упомянутых выше кладах (№ 11 и 18), в самой Феодосии (монеты Септимия Севера, Каракаллы ⁴² и др.) и в Старом Крыму (серебряные монеты: Юлии Домны, чеканенная в Кесарии Каппадокийской, и Диадумениана) ⁴³. В одной из гробниц на мысе Зюк обнаружили две

³⁵ К. В. Г о л е н к о, Д. Б. Ш е л о в. Монеты из раскопок Пантикапея..., стр. 3 сл.

³⁶ Д. Б. Ш е л о в. Находки монет в Фанагории. НЭ, III, стр. 66 сл.

³⁷ В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет..., перечень кладов: № 13, 15, 16, 19.

³⁸ Л. Н. К а з а м а н о в а, В. В. К р о п о т к и н. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса. ВДИ, 1961, № 1, стр. 128 сл.

³⁹ А. Н. З о г р а ф. Распространение находок античных монет на Кавказе. «Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа», т. I, Л., 1945, стр. 29 сл.; о н ж е. Античные монеты. МИА, № 16, стр. 102; о н ж е. Описание монет..., стр. 363 сл.

⁴⁰ Д. Б. Ш е л о в. Денежный рынок Танаиса. ЗОАО, т. I, Одесса, 1960, стр. 136.

⁴¹ Л. Н. Б е л о в а. Указ. соч., стр. 345 сл.

⁴² В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет..., № 629—631.

⁴³ Ю. А. К у л а к о в с к и й. Новые данные для истории Старого Крыма. ЗИРАО, т. X, ч. 3, стр. 1—14.

Рис. 52. Боспорские монеты III в. н. э.

Савромат: 1 — статер 203 г., 2—7 — двойные денарии, 8 — драхма, 9 — сестерций; Рискупорид III: 10 — статер 221 г., 11, 12 — денарий; Котис III: 13 — статер 227 г., 14, 15 — двойные денарии (?)

Рис. 53. Боспорские монеты III—IV вв. н. э

Иниифмей: 1 — статер 237 г., 2, 3 — двойные денарии; Рискупорид V: 4 — статер 254 г., 5 — двойной денарий, около 250 г.; Фарсанз: 6 — статер 253 г.; Рискупорид V: 7 — двойные денарии; 8 — серебряная монетка 263 г.; 9, 10 — оборотные стороны статеров 264 и 266 г.; Савромат IV: 11 — статер 275 г.; Тейран: 12 — статер 276 г.; Фофорс: 13, 14 — статеры 286 и 294 г.; Радамсад: 15, 16 — статеры 310 и 318 г.; Рискупорид VI: 17—19 — статеры 318, 327, 336 г.

индикации с монет Константина I. В Новороссийске найдены клады, содержавшие римские монеты II—III вв. и варварские подражания римским денариям. Римские монеты IV в. находили в различных пунктах Таманского полуострова ⁴⁴.

Интересный материал для суждения о денежном обращении дали раскопки поселений у деревень Семеновки и Ново-Отрадного. Среди боспорских монет III в. в Семеновке представлены монеты всех царей от Рискупорида III до Рискупорида V, кроме Фарсанза. В Ново-Отрадном были монеты тех же царей, кроме Котиса III, Савромата III и Фарсанза ⁴⁵. Кроме того, в Семеновке был найден антониниан Филиппа Араба, а в Ново-Отрадном две римские провинциальные монеты: Адриана (117—138 гг.) и Клавдия Готского (269—270 гг.), чеканенные в Александрии Египетской ⁴⁶. Все это свидетельствует о том, что римские монеты участвовали в денежном обращении Боспора, но в сравнительно небольшом количестве. Возможно, они поступали туда частично через Херсонес, частично через Закавказье.

После прекращения монетной чеканки на Боспоре в 336 г. роль римских монет в денежном обращении Боспора, казалось, должна была бы повыситься. Однако приток римских монет на Боспор в IV в. не усилился, как это можно было бы ожидать. По-видимому у широких слоев боспорского населения пропала потребность в денежных знаках, а нужды сократившегося внутреннего рынка удовлетворялись старыми выпусками боспорских монет и небольшим числом римских.

Монетное дело Боспора в III и начале IV в. н. э. представляло собой довольно сложную картину. Монетой высшего номинала в III в. являлся статер, первоначально золотой, но к началу III в. металл, из которого чеканились статеры, уже имел большой процент дешевых примесей. Цвет его стал бледным. При Рискупориде III статеры содержат уже лишь 30% золота, а позднее, к концу III в., они, по-видимому, чеканятся из одной меди. Тип статера восходит еще к I в. ⁴⁷

Серебряные монеты на Боспоре не чеканились уже с конца I в. до н. э. ^{47а}, если не считать кратковременного выпуска маленьких сереб-

⁴⁴ В. В. Кропоткин. Клады римских монет..., № 613, № 7—10, № 1, 24, 29 и 23.

⁴⁵ И. Т. Кругликова. Позднантичные поселения на берегу Азовского моря, СА, XXV, стр. 244. В опубликованный здесь список монет вкралась ошибка. Статер 252 г. (№ 3) принадлежит не Фарсанзу, а Рискупориду V (ср.: СА, 1958, № 3, стр. 136, рис. 1, 10); Т. М. Арсеньев. Раскопки у дер. Ново-Отрадное в 1959 г. КСИА, вып. 86, стр. 69.

⁴⁶ В. В. Кропоткин. Клады римских монет..., № 614.

⁴⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 201. С 558 по 561 г. боспорской эры вместо портрета одного императора на оборотной стороне статера помещались два повернутых друг к другу погрудных изображения. Подробнее о них см.: И. Т. Кругликова. Монеты из поселения у дер. Семеновки, стр. 121.

^{47а} А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 188.

ряных монеток в 560—561 гг. боспорской эры, о чем речь будет идти ниже.

Что касается медных монет, то в начале III в. при Савромате II (174/5—210/1 гг.) еще чеканилось несколько номиналов медных монет. Самым мелким номиналом являлись сестерции, имевшие на лицевой стороне изображение головы царя и надпись ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ и на обороте ΜΝ (48 унций) — знак ценности в венке — и часто надчеканенную голову Септимия Севера (рис. 52, 9). Средним номиналом медных монет являлись драхма (рис. 52, 8) с буквами ΡΜΔ (144), стоившая втрое больше сестерция и содержащая 144 унции, т. е. равноценная провинциальной драхме, и денарий со знаком * , стоивший вчетверо больше сестерция. На лицевой стороне этих монет было изображение царя и надпись, как и на сестерции, а на оборотной стороне на денарии — изображение сидящей на троне богини (Афродиты Урании) или сидящего на лошади царя, а на драхме — орла с венком в клюве (рис. 52, 8). Самым высшим номиналом медных монет был двойной денарий со знаком * и знаком Β (2). Он стоил в восемь раз больше сестерция ⁴⁸. Его лицевая сторона была такой же, как у сестерция и драхмы, а изображения оборотной стороны были разнообразны: подвиги Геракла (рис. 52, 5—7), царь на коне (рис. 52, 3), царь, стоящий во весь рост с палицей и трезубцем в руке (рис. 52, 2). Многие медные монеты Савромата II, относящиеся к III в. н. э., надчеканены изображением маленькой головы Септимия Севера.

А. Н. Зограф предполагал, что надчеканки появились на монетах после 196 г. по требованию римского императора ⁴⁹. Он считает, что реформа Савромата II была проведена в период, когда Рим был занят своими внутренними делами. Во второй половине правления Коммода и во время последовавших за его смертью междоусобиц Риму было не до Боспора. После же воцарения Септимия Севера и особенно после взятия Византии в 196 г. он обратил внимание на Боспорское царство, и соответствующий этому времени третий период монетной чеканки Савромата II является ярким тому доказательством. Вновь увеличивается в обращении число статеров и обязательно помещается голова императора на медных монетах, уже не в надчеканке, а как обязательный элемент. Таким образом, надчеканку головы императора на монетах Септимия Севера А. Н. Зограф связывает с особенностями политических взаимоотношений Рима и Боспора в конце II — начале III в. н. э. К. В. Голенко, напротив, считает, что эти надчеканки были вызваны чисто экономическими

⁴⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 205.

⁴⁹ А. Н. Зограф. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II. ВДИ, 1938, № 2, стр. 304; он же. Античные монеты, стр. 206.

причинами, а именно: катастрофическим падением веса медной монеты. Свое предположение он подтверждает наличием надчеканок не только на монетах Савромата II, но и на других монетах — Евпатора, Рискупорида II, Котиса II и Римиталка, т. е. на всех медных монетах, находившихся в это время в обращении⁵⁰. После Савромата II число различных номиналов медных монет, участвующих в обращении, уменьшается. Сестерции больше не выпускаются совсем. Сменивший Савромата II на боспорском престоле Рискупорид III (210/11—226/27 гг. н. э.) из медных монет чеканит только денарий, имеющий на лицевой стороне изображение головы царя, а на оборотной — сидящую богиню (рис. 52, 12), или оружие, или сидящего на коне царя (рис. 52, 11). При Котисе III (227/28—233/34 гг. н. э.) и именно в последние годы его царствования вновь стали чеканить двойные денарии. На их лицевой стороне был портрет царя либо противопоставленные друг другу головы царя и богини в калафе, на оборотной стороне — изображение сидящего на лошади царя или восседающей на троне богини (рис. 52, 14, 15).

При Ининфимее (234/35 — 239/40 гг. н. э.) потребность в медных монетах возрастает. Вновь чеканится большое число медных монет: денариев и особенно двойных денариев, имеющих на лицевой стороне голову царя и богини (рис. 53, 3). Некоторые монеты, впрочем, имеют изображения одного царя с орлом подле него (рис. 53, 2), а на денариях изображение головы царя в профиль и надпись (имя и титул царя). Со времени Ининфимея денарии больше не выпускаются.

При Рискупориде V (240/41—267/68 гг. н. э.) продолжают выпускаться только двойные денарии с ✕ и В или с одной В. На их лицевой стороне изображалась голова царя с надписью, на оборотной — фигура сидящей на троне Афродиты Урании (рис. 53, 5).

Медные монеты Рискупорида V распадаются на две группы, которые можно датировать временем около 250 г. и 263—265 гг. на основании полного совпадения характерных черт портрета царя на медных монетах и на стateraх. Средний вес монет первой группы превышает средний вес второй группы. Последняя отличается от первой типологически, в частности обязательным изображением трезубца на лицевой стороне монет. Это разделение медных монет на две изолированные группы вполне соответствует разделению статеров на две группы и подтверждает высказанное ранее в печати соображение о том, что эти две группы принадлежали двум разным царям: Рискупориду V и его преемнику, носившему то же имя⁵¹. Это были последние мелкие медные монеты, чеканившиеся на Бос-

⁵⁰ К. В. Г о л е н к о. Надчеканки на медных боспорских монетах, стр. 45.

⁵¹ Эти соображения рассмотрены А. Н. Зографом (Античные монеты, стр. 208, 209), приписывающим обе серии чеканок статеров одному царю Рискупориду V. Мнения И. Т. Кругликовой (Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки) и

поре. После Рискупорида, правившего по 267 г. н. э., медные разменные монеты уже не выпускаются.

Последний период выпуска медных мелких монет от Рискупорида III до Рискупорида V характеризуется наличием на них надчеканок, как, впрочем, и на монетах Савромата II. Однако эти надчеканки значительно более схематичны и грубее выполнены. Исследуя их, К. В. Голенко приходит к выводу, что они производились в три срока ⁵².

К первой группе надчеканок он относит надчеканки с головой римского императора влево, встречающиеся на денариях Рискупорида III и Котиса III. По-видимому, они наносились в 30-е годы III в. Вторая группа надчеканок встречается на монетах Савромата III, Котиса III и Рискупорида III, но главным образом на монетах Иниинфимея, т. е., вероятно, она производилась при Иниинфимее. Третья группа надчеканок относится ко времени Рискупорида V, так как они находят аналогии в изображениях царя и императора на статерах 560 и 561 гг. боспорской эры. Эти надчеканки встречаются на монетах Рискупорида III, Иниинфимея и Рискупорида V в первую половину его правления ⁵³. Они позволяют сделать важный вывод, что в монетном обращении III в. одновременно участвовали монеты разных номиналов и разного времени чеканки, что монеты выпусков предшествующих боспорских царей не изымались из обращения, а были полноценными денежными единицами и что процесс обесценения денег на Боспоре в III в. заставлял царей постоянно увеличивать число находящихся в обращении денег.

При Рискупориде V монетное дело Боспора переживает кризис. Как уже указывалось выше, это был последний из боспорских царей, выпускавший медную разменную монету. Вместе с тем, при нем в обилии выпускаются деградированные статеры, биллоновые, среди которых фактически много медных. Обращает на себя внимание не только обилие самих статеров, но и большое число штампов, находившихся в употреблении. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что в период 247—252 гг. число работающих одновременно на боспорском монетном дворе штемпелей чрезвычайно многочисленно, производительность монетных мастерских очень развита и темп их работы доведен до высочайшего напряжения. В монетах 549—550 гг. боспорской эры особенно ясно чувствуется и резкое огрубение стиля, и дальнейшее понижение качества металла ⁵⁴.

Е. Похитонов (Е. Р о с х и т о н о в. Указ. соч.), вновь пересматривающих точку зрения А. Н. Зографа, не нашли поддержки в литературе (см.: П. И. К а р и ш к о в с к и й. З історії монетної справи..., стр. 177 сл. и К. В. Г о л е н к о. К неким вопросам хронологии монет позднего Боспора, стр. 176).

⁵² К. В. Г о л е н к о. Надчеканки на медных боспорских монетах, стр. 46.

⁵³ Там же, стр. 47.

⁵⁴ А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, стр. 209.

В 550 и 551 гг. боспорской эры (253—254 гг. н. э.) выпуск статеров заметно сокращается. Именно к этому времени относится серия монет с именем Фарсанза. Интересно, что монеты Фарсанза очень близки по типу монетам с именем Рискупорида V ⁵⁵. Статеры с именем Фарсанза немногочисленны, но все очень однотипны. Тот факт, что они встречаются в кладах вместе с более поздними монетами (№ 8, 9, 12) в культурных слоях Тиритаки и Пантикапея ⁵⁶ и в некрополе Пантикапея, свидетельствует о том, что они продолжали участвовать в денежном обращении и в последующее время и, если Фарсанз и был узурпатором, захватившим власть временно, монеты, выпущенные им, продолжали иметь ценность и в последующие годы. Предполагать же, что Фарсанз правил одновременно с Рискупоридом V, но в азиатской части Боспора, пока нет оснований, так как именно в азиатской части Боспора его монеты пока не найдены. Вероятнее, он правил короткий срок с середины 550 до середины 551 г. боспорской эры ⁵⁷. Статеры с именем Рискупорида известны вплоть до 554 г. боспорской эры (257 г. н. э.). Качество металла этих монет еще больше понижается; они представляют собой почти чистую медь ⁵⁸. От трех последующих лет 555, 556 и 557 гг. боспорской эры (258—260 гг.) монеты не известны. По-видимому, чеканки в эти годы не было, что, вероятно, связано с внутренним положением Боспора — наступлением варварских племен. Именно к 255 или 256 г. относят исследователи первый морской поход варваров (боранов) на боспорских судах в Питиунт ⁵⁹. К этому времени относится и упоминавшееся уже свидетельство Зосима о том, что по исчезновении царского рода во главе правления стали люди, недостойные и потерянные, и, боясь за себя, они предоставили скифам переправиться через Боспор ⁶⁰. Поход этот был неудачен, и бораны, или, как их называют, скифы, вернулись назад.

Второй морской поход варваров на боспорских судах, по-видимому, надо относить к 257 г. ⁶¹, т. е. к последнему году перед перерывом боспорской чеканки. На этот раз варвары, разграбив прибрежные города, вернулись на родину с огромным числом кораблей ⁶². В этом походе принима-

⁵⁵ Достаточно сравнить монету Фарсанза, опубликованную Зографом (табл. L, 2), и монету Рискупорида в статье И. Т. Кругликовой (Клад боспорских статеров..., стр. 136, рис. 1, 10).

⁵⁶ На статере 549 г. боспорской эры (252 г.), определенном Д. Б. Шеловым и К. В. Голенко как принадлежащем Фарсанзу (см.: «Нумизматика и сфрагистика», I, Киев, 1963, стр. 35, № 177), имени царя не сохранилось. Он имеет близкое сходство со статерами Рискупорида V этого же года чеканки.

⁵⁷ И. Т. Кругликова. Клад боспорских статеров..., стр. 140.

⁵⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 209.

⁵⁹ А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954, стр. 93.

⁶⁰ Zosim., I, 31, 2—3 = ВДИ, 1948, № 4, стр. 276 или SC, I, стр. 790.

⁶¹ А. М. Ременников. Указ. соч., стр. 93.

⁶² Zosim., I, 32, 2—3; 33 = ВДИ, 1948, № 4, стр. 277.

ли участие и боспорцы, может быть и боспорский царь. Во всяком случае часть добытых грабежом богатств осела у жителей Пантикапея. Не случайно, вероятно, статеры с именем боспорского царя Рискупорида, выпущенные после перерыва в чеканке, по качеству металла и технике выполнения монет значительно лучше статеров предшествующих лет.

Первым годом чеканки после трехлетнего перерыва был 558 г. боспорской эры (261 г. н. э.)⁶³. Исполнение статеров 558—564 гг. несравненно более тщательное, что сказывается как в надписях, так и в портретах царя. Металл включает большее количество серебра, несколько приближаясь к низкопробному серебру времени Ининфимея⁶⁴. С 560 г. боспорский царь делает попытки несколько упорядочить денежное обращение.

К 560 г. боспорской эры относится единственная золотая монета, чеканенная по образцу статеров⁶⁵, серия маленьких серебряных монеток⁶⁶, биллоновые и хорошо посеребренные статеры. Маленькие серебряные монетки 560—561 гг. боспорской эры, о которых идет речь, резко отличаются от статеров маленьким весом⁶⁷, толщиной, диаметром и составом металла. Вместе с тем штемпели, которыми они чеканились, почти идентичны штемпелям медных «статеров» того времени. А. Н. Зограф связывает появление этих монеток с попыткой боспорского царя упорядочить денежное обращение. Золотую монету 560 г. боспорской эры он считает подражанием римскому триенсу, но не берется определить, на какие денежные единицы ориентировались серебряные монетки⁶⁸. Мы знаем, однако, что при Галлиене в Риме, кроме ауреусов, выпускались семисы, которые заняли место квинариев. Семисы равнялись половине денария и выпуска-

⁶³ А. Н. Зограф первым годом новой чеканки считает 557 г. боспорской эры. Однако ни в собрании Эрмитажа, ни в тиритакском, ни в семеновскомкладах монет 557 г. нет. Только в «Каталоге монет Румянцевского музея», составленном А. М. Подшиваловым, имеется монета № 288, которую А. М. Подшивалов относит к 557 г. (260 г. н. э.). По-видимому, она заставила А. Н. Зографа начать с 557 г. второй период чеканки Рискупорида V. Но поскольку монеты 547 г. часто имели дату, написанную ЭНФ, т. е. М (сорок) было сделано очень небрежно и имело одну поперечную черточку, могла легко произойти ошибка. Другие монеты этого года не известны.

⁶⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 210. В этой группе монет на оборотных сторонах появляются два противоположных друг другу бюста. А. Н. Зограф считает их бюстами Валериана и Галлиена.

⁶⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 210 и табл. V. Известна лишь одна золотая монета 560 г., хранящаяся в собрании Государственного Эрмитажа.

⁶⁶ А. М. Podschiewalow. Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius. М., 1882, стр. 22, № 71, табл. II, 38; вес — 2,35 г; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 210, табл. L, 6; И. Т. Кругликова. Монеты из поселения у дер. Семеновки, стр. 120.

⁶⁷ Вес монет из основной коллекции нумизматического отдела Государственного Эрмитажа, инв. № 29, 30 и 53 — 2,12 г, 2,33 г и 2,38 г, из собрания нумизматического отдела ГИМ, инв. № НП 4027 — 2,31 г; вес монеток, найденных на поселении у дер. Семеновки — 2,99 г, 1,48 г и 1,76 г.

⁶⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 210.

лись как золотые, так и серебряные ⁶⁹. По весу боспорские серебряные монетки могли равняться половине денария, первоначальный вес которого был 4,55 г ⁷⁰, т. е. могли соответствовать римскому семису, а это значит, что Рискупорид V попытался ввести новые номиналы, превышающие по стоимости старый, обесцененный статер. Но недостаток ценных металлов заставил царя в том же 561 г. боспорской эры, к которому относится одна из серебряных монет, провести новую реформу. Была установлена новая стоимость «биллонового» статера. Сначала на оборотной стороне статера помещалась нота — знак 10 единиц, а затем, с 562 г. боспорской эры, уже появляются статеры с каппой, т. е. номинальная стоимость их была повышена до 20 единиц. Эта реформа свидетельствует о падении реальной стоимости статера и необходимости введения монет повышенной стоимости. По-видимому, единицами измерения являлись двойные денарии со знаком В, продолжавшие чеканиться в это время.

Статеры со знаком К продолжают выпускаться до 564 г. боспорской эры (267 г.). Затем вновь наступает перерыв в чеканке. А через семь лет, в 572 г. боспорской эры, появляются почти медные статеры с именем Савромата. К этому же году А. Н. Зограф относит начало чеканки Тейрана. Однако находка статера 563 г. боспорской эры с именем Тейрана среди монет Таманского клада 1958 г. ⁷¹ заставляет предположить, что уже около 266 г. н. э. Тейран либо временно узурпировал всю власть, либо правил в азиатской части Боспора. Монеты Тейрана известны от 563 и 572 — 575 гг. боспорской эры. Монеты обоих этих царей очень малочисленны ⁷². С 572 г. на статерах Тейрана появляется новая эмблема: на оборотной стороне рядом с портретом императора помещают изображение орла. Между 576 и 582 гг. боспорской эры, по-видимому, был еще один перерыв в чеканке монет ⁷³. С 583 г. боспорской эры начинается чеканка уже чисто медных статеров с именем Фофорса. Правда, известны две монеты с орлом на оборотной стороне без свойственного статерам изображения императора и без даты ⁷⁴. А. Н. Зограф видит в этом попытку Фофорса вновь ввести монету более мелкого номинала наряду со статерами. Лицевая сторона этих монет с орлом чеканена тем же штемпелем, что и статеры самых первых годов правления Фофорса. Однако К. В. Голенко ⁷⁵ считает их статерами и полагает, так же как и Л. П. Харко ⁷⁶, что портрет императора заменен здесь римской эмблемой

⁶⁹ Н. С o h e n. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain, t. V. Graz, 1955, стр. 346.

⁷⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 210.

⁷¹ В. Э. К у н и н. Монетный клад..., стр. 344, 347, рис. 3.

⁷² К. В. Г о л е н к о. Второй патрейский клад монет, стр. 224.

⁷³ А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, стр. 212.

⁷⁴ Там же, табл. I, 21.

⁷⁵ К. В. Г о л е н к о. Второй патрейский клад монет, стр. 227 сл.

⁷⁶ Л. П. Х а р к о. Тиритакский монетный клад 1946 г., стр. 79.

— орлом. На этих монетах нет тамгообразного знака, характерного для монет Фофорса. Л. П. Харко на этом основании возражает против установившегося в литературе взгляда на этот знак как на родовой знак царя⁷⁷. А для того, чтобы объяснить помещение тамгообразного знака на реверсе статеров рядом с изображением императора, он выдвигает предположение, что на монетах Фофорса вместо портрета императора помещали портрет соправителя или наместника «боспорского царя»⁷⁸. Однако это предположение не встретило поддержки у других специалистов.

Монеты Фофорса чеканились очень интенсивно до 600 г. боспорской эры. Они в большом числе встречаются как вкладах, так и на городищах. После 600 г. боспорской эры (303 г.) интенсивность монетной чеканки Фофорса резко сокращается. Известно очень мало монет, относящихся к периоду от 600 г. до 605 г. С датой 606 г. имеются уже статеры Радамсада, чеканившиеся до 615 г. боспорской эры. Тамгообразный знак на них отсутствует. С 615 г. боспорской эры (318 г.) начинается чеканка статеров Рискупорида VI⁷⁹. Число монет этого царя распределяется по годам его правления очень неравномерно. Их много — в 619—621 гг., с 622 г. число их падает, в 625 и 627 гг. боспорской эры выпуск монет очень незначителен, а в 626 г. и с 628 по 632 г., по-видимому, он совсем не производился⁸⁰. Для монет Рискупорида VI характерно обилие типов и разнообразие их эмблем. Наряду с изображением орла рядом с императором, повторяющим известный ранее тип монет Тейрана и Савромата IV, появляются изображения Ники, венчающей императора, многолучевой звезды, паллицы и др.

Орла обычно связывают с эмблемой римского императора и ищут причину появления этой эмблемы в усилении римского влияния. Однако на боспорских монетах, как, впрочем, и на монетах других античных центров, изображение орла встречалось в эпоху эллинизма и даже раньше. Уже поэтому нет необходимости объяснять причину его нового появления в III—IV вв. связями с Римом. Изображения орлов имеются и в Танаисе на стелах фиасотов. Они связаны там с Богом Высочайшим (θεός ὕψιστος). Может быть распространение этого культа на Боспоре и вызвало появление орла в качестве эмблемы боспорских монет.

Небрежность выполнения и нечеткость написания дат на монетах Рискупорида VI привели к большой путанице в определении годов выпуска

⁷⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 211.

⁷⁸ Л. П. Харко. Указ. соч., стр. 79.

⁷⁹ К. В. Голенко. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. КСИИМК, вып. 66, М., 1956, стр. 109; он же. К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора, стр. 178. К. В. Голенко выступает против установившегося мнения о совместном правлении Радамсада и Рискупорида, считая, что в 615 г. боспорской эры произошла смена царей. Он отвергает правильность толкования В. В. Латышевым надписи — IOSPE, II, 312¹, где оба царя названы вместе.

⁸⁰ К. В. Голенко. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора, стр. 334.

монет и, что особенно досадно, в установлении последнего года монетной чеканки на Боспоре. А. Н. Зограф относил к последнему году чеканки статер 629 г. боспорской эры (332 г.), хранящийся в Эрмитаже ⁸¹. Л. П. Харко не уверен в правильном чтении даты 629 г. на монетах из тиритакского клада 1946 г. ⁸² Бесспорными он считает монеты 628 г. боспорской эры (331 г.). К. В. Голенко обращает внимание на отсутствие монет 626 г. боспорской эры (329 г.) и считает, что в этом году чеканка не производилась, а монеты 627 г. (330 г.) и 633 г. (336 г.) были наиболее поздними. Даты 628 и 629 гг., прочитанные А. Н. Зографом и Л. П. Харко, он находит ошибочными ⁸³. Он выделяет монеты с датой 633 г. (336 г.) и этот год считает последним годом боспорской чеканки ⁸⁴. Монеты последних лет настолько нечетки и так небрежно штампованы, что точно восстановить их даты очень трудно. Во всяком случае бесспорно, что окончательному прекращению чеканки на Боспоре предшествовал длительный период неустойчивости монетной чеканки, полный перерывов, иногда довольно длительных. Последние выпуски монет были малочисленны. Поэтому прекращение выпуска монет не было внезапным явлением, вызванным внешними причинами. Это был результат серьезных внутренних изменений, происходивших в Боспорском царстве в течение III и особенно в IV в. Превращение в конце III в. н. э. боспорских статеров в чисто медные, небрежное изготовление и плохое качество их штампов свидетельствуют о далеко зашедшем кризисе монетного дела на Боспоре. Но большое число выпускаемых монет является доказательством того, что потребность в денежных знаках не прекращалась ни в III, ни в начале IV в. Об этом же свидетельствуют подражания статерам Фофорса и Рискупорида VI, встречаемые в городах Боспора ⁸⁵, и поддельные монеты в кладах IV в. ⁸⁶

Несмотря на заметную в то время рустификацию городов и на развивающийся процесс натурализации хозяйства, присутствие в обращении монет различных номиналов и возрастающая потребность в чеканке монет свидетельствуют о развитом денежном хозяйстве на Боспоре в III в. н. э. Попытки проведения денежных реформ Савроматом II и Рискупоридом V в 560 г. боспорской эры (263 г.), а также периодические надчеканки медных монет при Рискупориде IV, Ининфимее и Рискупориде V являются

⁸¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 212.

⁸² Л. П. Харко. Указ. соч., стр. 81.

⁸³ К. В. Голенко. Второй патрейский клад, стр. 234—235.

⁸⁴ К. В. Голенко. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора, стр. 334. С этой датой, по-видимому, согласен и Д. Б. Шелов. См.: К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг., стр. 22 и табл. VI, № 613.

⁸⁵ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия в 1934 г. МИА, № 4, стр. 157, примеч. 1; К. В. Голенко. О необычных монетах Рискупорида VI. КСИА АН УССР, вып. 6, 1956, стр. 57 сл.; он же. О характере выпуска некоторых монет Фофорса. МАПП, вып. II, стр. 187 сл.

⁸⁶ К. В. Голенко. Керченский клад позднебоспорских монет 1961 г. ВВ, XXVII.

доказательством стремления боспорских царей упорядочить денежное обращение, задержать обесценение боспорской монеты. Настоящая натурализация боспорского хозяйства началась уже значительно позднее — не ранее середины IV в. н. э.

Очень интересен вопрос о «варварских подражаниях» римским монетам, встречающихся главным образом в азиатской части Боспора. Эти монеты, вошедшие в литературу как монеты «неизвестного народа»⁸⁷, А. В. Орешников определял как монеты чеканки готов, принявших христианство. Он относил эти монеты к IV—V вв. н. э., отметив, что они являются подражанием римским денариям II—III вв. н. э. А. Н. Зограф поставил эти монеты в один ряд с целой серией «варварских подражаний» античным монетам, появившихся в районах, где варварские племена соприкасались с зоной действия античных купцов⁸⁸. Он считает прототипом подражаний, находимых на Таманском полуострове и на Северном Кавказе, римские денарии Марка Аврелия или Септимия Севера с изображением идущего Марса или воина с копьем на оборотной стороне. Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин в своей статье⁸⁹ вновь возвращаются к вопросу об атрибуции этих монет. Они обращают внимание на то, что эти подражания не встречаются в кладах вместе с римскими или боспорскими монетами, что содержащие их клады, найденные в Новороссийске и близ станции Червленая станица, не включают никаких других монет, что большая часть единичных таких монет встречена в Фанагории в слоях III—IV вв. Они выделяют три различные группы этих подражаний, относя первую к середине III в., вторую — ко второй половине III в. и третью — к концу III — началу IV в. н. э. Эти даты основаны на типологии монет, сравнении штемпелей, качестве металла и изображения. Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин отмечают, что изображения первой группы ближе всего к типу римских денариев, и вслед за Орешниковым предполагают, что эти монеты принадлежали одному из готских племен. Однако у нас нет никаких оснований считать, что готы уже в середине III в. н. э. находились на территории азиатского Боспора. Катастрофические разрушения 70-х годов III в., которые ясно прослеживаются в европейской части Боспорского царства, не наблюдаются в его азиатской части. Судя по свидетельству Прокопия Кесарийского, готы-тетракситы переселились на Черноморское побережье Кавказа только в V в. н. э. под натиском гуннов⁹⁰. Трудно объяснить находки «варварских подражаний» почти исключительно в азиатской части Боспора и на Кавказе. Они встречаются

⁸⁷ А. В. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 35 сл., табл. III.

⁸⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 101—102.

⁸⁹ Л. Н. Казаманова, В. В. Кропоткин. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса. ВДИ, 1961, № 1, стр. 128 сл.

⁹⁰ А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, Пг., 1921, стр. 329 сл.

в культурных слоях Фанагории, на городище у станицы Раевской⁹¹ и в соседних с нею районах⁹², в кладах Новороссийска, а также в Чечено-Ингушской АССР и в Грузинской ССР. Лишь единичные экземпляры были обнаружены в европейской части Боспора (в Тиритаке и Пантикапее)⁹³. Вряд ли можно предположить, что лишь одно из готских племен почему-то стало для себя чеканить подражания римским денариям, которые, по мнению Л. Н. Казамаковой и В. В. Кропоткина, не обращались на внутреннем рынке Боспора⁹⁴. Как правило, «варварские подражания» античным монетам встречаются в районах, где действуют античные торговцы и где имеет хождение та монета, которая вызвала подражания. Учитывая топографию кладов «варварских подражаний» описываемого типа⁹⁵, надо искать центр распространения этих монет в районе Новороссийска или даже к юго-востоку от него. Но именно этот район в археологическом отношении менее всего изучен. В окрестностях Анапы найдены римские денарии и в том числе денарии Марка Аврелия⁹⁶.

Кажется более правдоподобным предположить, что «варварские подражания» выпускались группой пограничных с Боспором племен, живших к юго-востоку от Горгиппии (район современного Новороссийска). Эти племена имели связи и с боспорскими, и с кавказскими торгово-ремесленными центрами. Связи с западными районами Кавказа, где римская монета и подражания ей имели широкое распространение⁹⁷, приводили к появлению у этих племен своих монет, являющихся также подражанием денариям Марка Аврелия. Какие именно из племен пользовались этими монетами, сказать трудно. Возможно, это были тореты или ахеи, локализуемые в этом районе периплом Псевдо-Скилака⁹⁸. Соседство с Боспорским царством способствовало ускорению их социально-экономического развития. В эпоху расцвета Боспорского царства, при Левконе и Перисаде, территория торетов, вероятно, даже входила в состав его владений. Продолжался ли протекторат Боспора над этой территорией и в более позднюю эпоху, сказать с уверенностью нельзя. Данные античных авто-

⁹¹ Н. А. О н а й к о. Отчет о раскопках Раевского городища в 1962 г. Архив ИА АН СССР, ф. № Р-1, д. 2507а, альбом, рис. 41—42.

⁹² Ю. С. К р у ш к о л. Находки античных монет в Анапском районе. НЭ, V, М., 1965, стр. 54. Здесь опубликовано подражание римскому денарию из Гай-Кадзора.

⁹³ А. Н. З о г р а ф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, стр. 163, монета № 27; К. В. Г о л е н к о, Д. Б. Ш е л о в. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг., стр. 26.

⁹⁴ Л. Н. К а з а м а к о в а, В. В. К р о п о т к и н. Указ. соч., стр. 133.

⁹⁵ Там же, стр. 129.

⁹⁶ Собрание Анапского краеведческого музея, инв. № 2399. Находки в с. Первомайском в 1961 г.

⁹⁷ К. В. Г о л е н к о. Денежное обращение Колхиды в римское время, стр. 45 сл.

⁹⁸ P s. S c y l., 73—75=ВДИ, 1947, № 3, стр. 241—242.

ров о локализации торетов противоречивы. Если, согласно периплу Псевдо-Скилака, они помещались к югу от керкетов, там, где эллинский город Торик с гаванью ⁹⁹, то в перипле Арриана они отождествлялись с керкетами ¹⁰⁰ и были локализованы в районе между Синдской гаванью и гаванью Пагры. Ахен же, согласно Псевдо-Скилаку, жили южнее торетов по берегу моря. ¹⁰¹ Таким образом, если, как принято в литературе, локализовать Пагру в районе Новороссийска, а Торик в районе Геленджика, место скопления кладов совпадает с рубежом территорий торетов и ахеев.

Вряд ли следует далеко отодвигать время обращения денариев Марка Аврелия от начала изготовления «варварских подражаний» им. Датировка их серединой III в., предложенная А. Н. Зографом, вполне вероятна.

Немногочисленные экземпляры этих подражаний, найденные в боспорских городах, в том числе в Фанагории — главном городе азиатского Боспора, одном из крупнейших торговых центров, следует объяснить торговыми связями с соседними варварскими племенами. Лучшее качество металла этих монет по сравнению с боспорскими статерами того времени могло способствовать тому, что боспорские купцы принимали их при торговых сделках с окрестными племенами, хотя на территории самого Боспорского царства они хождения не имели. Эти подражания, найденные у кавказских народов, свидетельствуют о торговых связях этих племен также и с южными областями. Может быть, именно эти племена, занимавшие промежуточное положение между Кавказом и Боспором, являлись в то же время и посредниками между ними. Через торетов, ахеев и другие племена Причерноморья на территорию Кавказа могли попадать монеты боспорских царей II—IV вв. ¹⁰² Как долго продолжалась чеканка этого типа «варварских подражаний», сказать на основании имеющихся данных невозможно. По-видимому, правы Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин, считающие, что к концу III — началу IV в. н. э. чеканка их прекратилась.

С концом монетной чеканки Боспорского царства денежное обращение на Боспоре не прекращается. Монеты римских императоров, найденные в кладах, в могилах и в культурных слоях городов, показывают, что римские монеты продолжали наряду с боспорскими монетами старых выпусков обращаться на Боспоре и в IV в. Но сравнительно небольшое число монет и их концентрация в центральных городах заставляют предположить, что роль денежного обращения внутри государства сократилась и,

⁹⁹ P. S. Scyl., 74.

¹⁰⁰ Arr., § 63 и 65. Следуя этому, В. П. Шилов помещает торетов-керкетов между Анапой и Новороссийском. В. П. Ш и л о в. О расселении меотских племен. СА, XIV, 1950, стр. 116.

¹⁰¹ P. S. Scyl., 75.

¹⁰² Д. Г. Капанадзе. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 148—150.

вероятно, возникли новые формы уплаты налогов и выполнения повинностей. Ко второй половине IV в. н. э. натурализация хозяйства, видимо, достигла уже значительных размеров.

Тенденция к натурализации хозяйства в IV в. проявлялась и в самой Римской империи. Как известно, процесс этот был учтен в налоговой реформе Диоклетиана. В Антиохии, например, как и в других местах империи, в IV в. подати уже взимались в натуральной форме. Это, впрочем, не мешало сохранению там товарно-денежных отношений¹⁰³. И в городах, и в деревнях Сирии существовали рынки. Сохранялся денежный обмен. Но заметно ослабели связи между городом и деревней, крестьяне перестали приходить в город за покупками и удовлетворяли свои потребности в ремесленных товарах на сельских рынках¹⁰⁴. В Сирии, так же как во Фракии и Дакии, не было ни полного возвращения к натуральному хозяйству, ни значительного упадка городской жизни, которые так характерны для западных провинций Римской империи¹⁰⁵. По-видимому, особое положение Боспора, испытывавшего, как и западные римские области, сильный натиск варваров и их проникновение на территорию государства, сближало Боспор IV в. н. э. с западными провинциями, хотя полной аналогии в экономическом развитии все же не было.

Торговля

В позднеантичный период, так же как и в предшествующую эпоху, на Боспоре продолжала развиваться и внутренняя, и внешняя торговля. Об этом можно судить по приведенным выше данным о денежном обращении, по импортным вещам, найденным в боспорских городах и поселениях, и по распространению боспорских монет и изделий боспорских ремесленников за пределами Боспора. Кое-какие сведения можно почерпнуть об этом из эпиграфических и литературных источников.

Роль внутренней торговли и ее характер не оставались неизменными в течение позднеантичного периода. Их изменения тесно связаны с состоянием внутреннего рынка, который в свою очередь зависел от внутренних социально-экономических условий и от внешнеполитического положения государства. Изменения в состоянии внутреннего рынка Боспора нашли отражение в прекращении чеканки монет на Боспоре, уменьшении числа монет, находившихся в обращении, в прогрессирующем упадке ремесел и в ряде связей, о которых речь будет ниже. Что касается внешних торговых связей, то они заметно сократились уже в начале III в. н. э. и

¹⁰³ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город. Л., 1962, стр. 83, 124.

¹⁰⁴ Там же стр. 87, 98.

¹⁰⁵ В. И. Велков. Градът в Тракия и Дакия през късната античност. София, 1959, стр. 111.

также не оставались неизменными на протяжении этих двух столетий. Можно выделить три направления внешней торговли Боспора рассматриваемого времени. К первому относятся традиционные торговые связи со Средиземноморьем, южным Причерноморьем и другими областями, входившими в этот период в состав Римской империи. Вторым направлением является развитие торговых связей с варварским миром, окружающим Боспорское царство, а третьим — развитие связей с другими античными городами Северного и Восточного побережья Черного моря.

Зосим подчеркивает существование у Боспора правильно организованных торговых связей с Римской империей до середины III в.: «...пока у них были цари, получавшие власть по праву наследства от отца к сыну»¹⁰⁶. Эти связи в III в. н. э., так же как и в предшествующий период, осуществлялись главным образом через восточные провинции империи. Не случайно в столице Боспорского царства Пантикапее в честь боспорских царей или высших сановников государства были воздвигнуты памятники от имени совета и народа или отдельных граждан городов Южного Причерноморья Амастрии, Прусы и Гераклеи Понтийской¹⁰⁷. Первый архонт города Прусы поставил памятник Рискупориду даже в небольшом удаленном от столицы пункте¹⁰⁸.

О заинтересованности Боспора в морской торговле, в том числе в регулярных торговых связях с Южным Причерноморьем, свидетельствует надпись 193 г., в которой специально подчеркивается факт очищения Савроматом II моря от пиратов в Понте и Вифинии¹⁰⁹. Основными статьями боспорского импорта в позднеантичную эпоху, так же, впрочем, как и в первые века нашей эры, были: вино, оливковое масло, стеклянная, краснолаковая и бронзовая посуда и украшения. Вино и масло в небольших светлоглиняных амфорах, с узким, слегка расширяющимся книзу горлом¹¹⁰ в большом количестве привозили на Боспор во II и в III вв. н. э., вероятно, из городов Южного Причерноморья. Краснолаковая посуда поступала на Боспор из соседнего района — северной части Малой Азии и с острова Самоса. Хотя происхождение многих краснолаковых сосудов из Пергама может быть установлено с большей уверенностью для периода, предшествующего III в. н. э.¹¹¹, чем для более позднего времени, не-

¹⁰⁶ Zosim., I, 31, 2.

¹⁰⁷ IOSPE, II, 42, 43, 44, 46 (221 г., 223 г., 250 г., 249 г.) = КБН, 54, 55, 58, 59.

¹⁰⁸ IOSPE, IV, 194 (надпись на мраморной базе, найдена в Старом Крыму, датируемая 222 г.) = КБН, 953.

¹⁰⁹ IOSPE, II, 423 = КБН, 1237.

¹¹⁰ И. Б. Зеевст. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, М., 1960, стр. 33, табл. XXXVII, 91, 92, 93.

¹¹¹ Т. Н. Кн и п о в и ч. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, вып. 25, стр. 308, 316 (тип 14 т.), стр. 317 (тип 18 т.) и др.; Л. Ф. С и л а н т ь е в а. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, № 85, стр. 298—300; М. А. Н а л и в к и н а. Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла. МИА, № 85, стр. 312 сл.

которые из сосудов III, а может быть и IV в., также могут рассматриваться как импорт из Пергама и значительно меньшее их число можно связать с островом Самосом ¹¹². Из восточных римских провинций привозили на Боспор и основную часть импортной стеклянной посуды. Так, например, среди всех стеклянных сосудов из раскопок Пантикапея преобладали сосуды, изготовленные в сирийских и александрийских мастерских ¹¹³. Из этих же центров стеклянные сосуды в большом количестве поступали на Боспор в III, IV и даже в V вв. н. э. При исследовании позднеантичного стекла с Таманского городища античной Гермонассы Н. П. Сорокина также отмечает преобладание импорта продукции стеклодувных мастерских из района Ближнего Востока ¹¹⁴, главным образом Сирии, но возможно, также Палестины и Египта. Связи с Сирией, по-видимому, усилились во второй половине III и в IV в. н. э. Оттуда в III в. привозили оригинальные сосуды с рельефными греческими надписями ¹¹⁵, изготовленные способом дутья в форме, а в IV в. — стеклянные кувшинчики с христианской символикой ¹¹⁶. Возможно, откуда же и из Палестины в конце III—IV в. поступали многочисленные рюмковидные сосуды ¹¹⁷. Из Сирии или из Египта могли в IV в. привозить стакановидные сосуды с синими глазками ¹¹⁸ и сосуды других форм.

На Боспоре в могилах III в. н. э. часто встречаются различного типа бусы и амулеты ¹¹⁹ из египетской пасты в виде скарабеев, черепахи, лежащего льва, кисти руки и т. п. Вероятно, они происходят из Александрии и могли попадать на Боспор как непосредственно из Египта, так и через Сирию или Малую Азию. Можно, конечно, предположить, что они были привезены на Боспор в конце I в. до н. э. или в I в. н. э. вместе с прекрас-

¹¹² Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика..., стр. 317, 318 (тип 20 т); преобладание краснолаковых сосудов из малоазийских центров отмечено Т. Н. Книпович в Танаисе (Танаис. М., 1949, стр. 68); Л. Ф. Силантьева. Указ. соч., стр. 297, № 29, стр. 300, № 40, стр. 301, № 44 и стр. 303, 46.

¹¹³ Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея. МИА, № 103, М., 1962, стр. 222, 231, 235.

¹¹⁴ Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, стр. 161 и 162.

¹¹⁵ Она же. Стекло из раскопок Пантикапея, стр. 229—231.

¹¹⁶ Она же. Три стеклянных сосуда с рельефным изображением из Северного Причерноморья. МАПП, вып. III, Одесса, 1963, стр. 228 сл.

¹¹⁷ Она же. Позднеантичное и раннесредневековое стекло..., стр. 154.

¹¹⁸ Там же, стр. 135 и 161. Впрочем, эти типы сосудов распространены и в западных римских провинциях (F. Fremerdorf. Römische Buntglas in Köln. Köln, 1958, No 35; «Glass from ancient World». The Winfield Smith Collection, New York, 1957, No 304); Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло, стр. 136. Там же есть дополнительные ссылки на литературу.

¹¹⁹ В. Тоугаефф. Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie meridionale. RA, XVIII, 1920, стр. 20—35; Б. Б. Пиотровский. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, 1931, № 6, стр. 28 сл.; она же. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР. СА, 1958, № 1, стр. 20 сл.

ными стеклянными расписными сосудами¹²⁰ и фигурными вазами¹²¹. Однако монета Адриана, чеканенная в Александрии¹²² и найденная в Ново-Отрадном, присутствие в склепе, открытом в 1841 г., алебастровых ваз вместе с индикациями монеты Рискупорида III¹²³, бронзовая курильница с четырьмя рожками¹²⁴ широко распространенного в Египте типа, найденная в Кехах на полу дома IV в. н. э., — все это позволяет говорить о существовании торговых связей с Египтом и в более позднее время. Из восточных провинций Римской империи попали на Боспор в III в. н. э. обнаруженный в Ново-Отрадном перстень с изображением христианского символа «рыб и креста»¹²⁵, и монета Юлии Домны из Кесарии Каппадокийской¹²⁶, и найденные в Танаисе монеты, чеканенные в IV в. на монетных дворах Малой Азии — в Никомедии и Кизике¹²⁷. Бронзовая статуэтка Афродиты Анадиомены из Горгиппии (слой начала III в.)¹²⁸ если не сама была привезена из Сирии или Александрии, то была сделана по привезенному оттуда оригиналу.

Трудно с уверенностью сказать, откуда именно прибыла на Боспор мраморная статуэтка конца II — начала III в., части которой были найдены в Горгиппии¹²⁹, изображавшая, возможно, Афродиту. Вероятно, она была сделана в одной из греческих мастерских. Из неизвестного греческого центра привозили на Боспор и широкогорлые остродонные амфоры III в. с массивными ручками, две из которых имели клейма хозяев гончарных мастерских. На горле одной из них, найденном в Илурате, было вдавлено прямоугольным штампом двустрочное клеймо с именем Калли-

страта $\begin{matrix} \text{ΚΑΛΛΙΛ} \\ \text{ΤΡΑΤΟΥ} \end{matrix}$ ¹³⁰, на другой — с именем Фаустина $\begin{matrix} \text{ΦΑΥΣΤ} \\ \text{ΕΙΝΟΥ} \end{matrix}$. На второй

¹²⁰ М. И. Ростовцев. Стеклянные расписные вазы позднеллинистического времени и история декоративной живописи. ИАК, вып. 54, табл. IV, 3 и V, стр. 8 сл.

¹²¹ В. Шкорпил. Отчет о работах в Керчи и окрестностях в 1909 г. ИАК, вып. 47, стр. 34, рис. 17; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., 1949, стр. 390.

¹²² Определена В. В. Кропоткиным.

¹²³ ДБК, стр. 28.

¹²⁴ Н. И. Соколовский. К истории северо-западной части Таманского полуострова. «VI-e Conférence internationale d'études classiques des pays socialistes». София, 1963, стр. 18. Такие курильницы есть в собрании Государственного Эрмитажа и в Каирском музее.

¹²⁵ Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени у д. Ново-Отрадное. СА, 1963, № 1, стр. 195, рис. 3.

¹²⁶ Н. З. Кунина. Керченский клад серебряных римских монет. АИБ, стр. 329.

¹²⁷ Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. «Античный город», М., 1963, стр. 126.

¹²⁸ И. Т. Кругликова. Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований. КСИА, вып. 103, 1962, стр. 7, рис. 2.

¹²⁹ И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе. КСИА, вып. 95, стр. 69, рис. 26, 2.

¹³⁰ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, МИА, № 85, 1958, стр. 61, рис. 49.

амфоре в правом нижнем углу клейма была, кроме того, изображена пальмовая ветвь ¹³¹, а ниже на горле сделана надпись красной краской.

Здесь далеко не исчерпаны все виды товаров, ввозимых на Боспор из восточных провинций Римской империи. Но даже эти данные свидетельствуют, что торговые связи с Малой Азией, Сирией, Египтом и Южным Причерноморьем ¹³², существовавшие в эпоху расцвета Боспорского царства, не были утрачены и в позднеантичный период, хотя объем и разнообразие импортируемых изделий значительно уменьшились.

Резко сократились в III в. связи с Грецией. Случайный характер носили и торговые связи с западными римскими провинциями и с Италией. Уже давно исследователи обратили внимание на почти полное отсутствие в городах Боспора италийской краснолаковой керамики ¹³³. Однако бронзовые сосуды италийского происхождения встречались неоднократно. Правда, они большей частью относятся к двум первым векам нашей эры ¹³⁴. Сходные с ними сосуды встречались в могилах и в городских слоях III в. н. э., например патера с каннелированной ручкой, завершающейся головой барана из Керчи (могила № 339) ¹³⁵, или бронзовая ойнохоя из Горгиппии ¹³⁶. Но именно эти типы бронзовых сосудов были широко распространены в западноримских провинциях ¹³⁷, так что не исключена возможность их проникновения на Боспор из этих провинций, может быть через города Западного Причерноморья. Правда, длительное бытование этих сосудов не позволяет точно определить время их появления на Боспоре. Но другие виды изделий ремесленных мастерских западноримских провинций проникали на Боспор и в течение III—IV вв. н. э., что позволяет считать возможным привоз на Боспор в это время и некоторых бронзовых изделий. Кроме указанных выше сосудов, в слоях III в. находили бронзовые кувшины или их части, аналогичные кувшину из Олонешт ¹³⁸. Их высокое узкое горло закрывалось крышкой, на которой была стилизованная фигурка утки ¹³⁹, прикрепленная шарниром к ручке.

¹³¹ Хранится в Новочеркасском историческом музее, инв. № 3777.

¹³² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, стр. 367.

¹³³ Т. Н. К и п и о в и ч. Краснолаковая керамика..., стр. 295.

¹³⁴ О н а ж е. Танаис, стр. 50 сл.

¹³⁵ ИАК, вып. 17, стр. 68, с индикацией монеты Рискупорида, V.

¹³⁶ И. Т. К р у г л и к о в а, Г. А. Ц в е т а е в а. Указ. соч., стр. 68, рис. 4.

¹³⁷ A. R a d n ö t t i. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest, 1938, стр. 81 сл., табл. VI, 29, VIII, 30—31, XXVI, 2—5, XXVII; H. E g g e r s. Die römische Import im Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Hamburg, 1951, стр. 174, № 155. Об этих патерах на территории Иберии см.: О. Д. Л о р д к и п а н и д з е. Итальянские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии. СА, 1964, № 1, стр. 211—218.

¹³⁸ А. И. М е л ю к о в а. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешти. СА, 1962, № 1, стр. 98—99, рис. 3—4.

¹³⁹ Фигурки птичек и другие фрагменты кувшинов найдены на поселении у дер. Семеновки (И. Т. К р у г л и к о в а, Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, стр. 67, рис. 23, 6) и в Тиритаке

Н. П. Сорокиной удалось выявить два типа стеклянных сосудов III—IV вв., которые могли быть продукцией западноевропейских мастерских, а именно, сосуда со шлифованными овалами и сосуда с напаянными стеклянными нитями ¹⁴⁰. Оба эти типа представлены на Боспоре лишь единичными экземплярами ¹⁴¹. В небольшом числе проникали на Боспор и фибулы, изготовленные в западноримских провинциях ¹⁴². Оттуда же могли попадать и буллы ¹⁴³ — футлярчики для амулетов, ношение которых там было очень распространено. Возможно, все эти изделия попадали на Боспор не в результате прямых торговых связей, а через племена, населявшие обширный промежуточный район между Боспором и Подунавьем. Существование такого северного степного пути как будто подтверждается фактом преобладания в Танаисе ¹⁴⁴ по сравнению с другими боспорскими городами вещей, привезенных из западноримских провинций. Не исключена также возможность посредничества западнопонтийских городов. Вероятно, украшения и предметы роскоши привозили на Боспор и из западных и из восточных римских провинций. О том, что связи с Римской империей сохранялись в течение III—IV и вплоть до V в. н. э., свидетельствуют, кроме уже упомянутых выше монет и импортных вещей, серебряные вазы из богатых склепов III—V вв. ¹⁴⁵, сирийские гранаты ¹⁴⁶, стекло, серебряные ложки и блюда, на одном из которых была монограмма императора Каракаллы и надпись царя Рискупорида ¹⁴⁷, а на двух других — изображения бюстов императора Констанция и надписи ¹⁴⁸.

Торговля со Средиземноморьем и Южным Причерноморьем шла морским путем. В ней участвовали, вероятно, и корабли боспорского флота, о существовании которого в III в. нам известно из неоднократно упоми-

(В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Раскопки Тиритаки и Мирмекия. МИА, № 85, стр. 181, рис. 36). Близкие по форме кувшины найдены в Керчи в могиле с золотой маской (ДБК, табл. XLIV, 8), в могиле 339 (ИАК, вып. 17, стр. 68, собрание Государственного Эрмитажа № Л—1908—191 — без ручки) и др. Такие кувшины встречаются в Паннонии, Словакии (A. R a d n ò t i. Указ. соч., стр. 151; V. O n d r o u c h. Bohaté hroby z doby rímskej na Slovensku. Bratislava, 1957, стр. 133, рис. 30).

¹⁴⁰ Н. П. С о р о к и н а. Стекло из раскопок Пантикапея, стр. 234.

¹⁴¹ В связи с открытием остатков стекловудного производства в Крыму на городище Алма-Кермен и в Танаисе (о чем см. выше, стр. 173) можно предполагать, что часть сосудов, подражающих продукции западноевропейских мастерских, могла быть произведена на месте.

¹⁴² Д. Б. Ш е л о в. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, стр. 74 — фигурная фибула из Галлии; Т. М. А р с е н ь е в а. Некрополь..., стр. 201—202, рис. 10.

¹⁴³ Булла найдена А. А. Дириным в районе дер. Сююрташ на Азовском море (В. В. Ш к о р п и л. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи. ЗООИД, т. XXI, 1898, протоколы, стр. 10).

¹⁴⁴ Д. Б. Ш е л о в. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. «Acta Archaeologica», XVII, Budapest, 1965, стр. 251 сл.

¹⁴⁵ Л. А. М а ц у л е в и ч. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 16 сл.

¹⁴⁶ Применялись для украшения различных ювелирных изделий.

¹⁴⁷ Л. А. М а ц у л е в и ч. Серебряная чаша., табл. II, 3, 4.

¹⁴⁸ ДБК, табл. XXX, 11.

нашегося свидетельства Зосима¹⁴⁹. Среди вывозимых с Боспора товаров, как и в предшествующую эпоху, были хлеб и рыба. Это подтверждается большими зернохранилищами, обнаруженными в портовых городах: Киммерике, Пантикапее и других — и комплексами рыбозасолочных ванн, открытыми в Тиритаке и предназначенными для промышленной заготовки рыбы. Нет никаких данных о вывозе рабов, соли, кожи и других товаров, но можно предположить, что и они служили предметами экспорта. Оживление торговых связей с Западной Европой происходит в конце IV в. и особенно в последующие два века. Это нашло выражение в распространении на Боспоре и в некоторых областях Западной Европы одинаковых форм фибул, пряжек и других украшений, орнаментированных вставками из полудрагоценных камней или стекла. Но это уже связано с новым периодом в истории Боспора, наступившим после гибели античного Боспора.

Что касается второй линии развития внешней торговли, а именно, торговых связей с окружающим Боспор варварским миром, то они, сильно сократившись по сравнению с периодом I в. до н. э. — I в. н. э., полностью не прекращались ни в III, ни в IV в. Боспорское царство по отношению к варварским племенам играло такую же роль, какую выполняли крупные торгово-ремесленные центры Средиземноморья по отношению к Боспору. В обмен на хлеб, скот, кожи, рабов и другое сырье Боспор снабжал варварские племена изделиями ремесленного производства, сделанными в самом Боспоре и импортного происхождения.

Ареал торговых связей Боспора в позднеантичную эпоху прослеживается значительно хуже, чем в предшествующий период.

Во II—III вв. не только сократилась интенсивность обмена, но и изменился характер торговли. Одним из основных направлений торговли Боспорского царства были районы Прикубанья и Придонья. Кроме того, существовали постоянные торговые связи с сарматскими племенами Поволжья и аланами Кавказа. При посредничестве этих племен боспорские товары проникали дальше на восток до Средней Азии, а также в отдаленные районы Кавказа. Что касается западных и северо-западных племен, то в настоящее время трудно установить, что именно поступало к ним с Боспора, а что шло через Херсонес и Ольвию. Нашествие сарматских племен и гибель многих городищ Нижнего Поднепровья в III в. н. э.¹⁵⁰ вряд ли способствовали развыванию там деятельности боспорских купцов. Сокращение боспорской торговли во II в. хорошо прослеживается на материалах раскопок кочевнических курганов Поволжья. Если в I в. до н. э. — I в. н. э. в материале погребений встречается довольно много боспорской гончарной посуды¹⁵¹, украшений, бронзовых, серебряных и

¹⁴⁹ Z o s i m., I, 31, 1.

¹⁵⁰ М. П. А б р а м о в а. Взаимоотношение сарматов с населением Нижнего Днепра. МИА, № 115, 1962, стр. 282.

¹⁵¹ В. П. Ш и л о в. Калиновский курганный могильник, МИА, № 60, 1959, стр. 469.

стеклянных сосудов, попавших туда, вероятно, через Танаис, то во II, а особенно с начала III в., боспорский вывоз в этот район резко сокращается и изменяется ассортимент товаров. В могилах почти перестает встречаться гончарная посуда¹⁵². Но в богатых погребениях позднесарматского периода, датирующихся II—IV вв. н. э. (у слобод Котовой¹⁵³, Гусевки¹⁵⁴, у сел Новая Норка¹⁵⁵, Щербаковка¹⁵⁶, Шипово, Березовка, Усатово¹⁵⁷ и др.), имеются украшения, очень близкие по форме и технике выполнения украшениям из керченских склепов¹⁵⁸. По-видимому, в позднесарматское время изменился характер боспорского экспорта в этот район. В нем стали преобладать украшения и особенно фибулы, бусы из стекла, пасты, сердолика, различные пронизи, подвески, штампованные золотые бляшки и даже туалетные принадлежности¹⁵⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что в Поволжье были найдены два клада римских монет¹⁶⁰ и неоднократно встречались отдельные римские монеты. Число римских медных монет увеличивается в III и IV вв. н. э.¹⁶¹ Между тем, боспорских монет там не было. По-видимому, для внешнеторговых операций их не использовали.

Торговля с Поволжьем, вероятно, осуществлялась главным образом через Танаис. Он служил также основным торговым центром для связей с Придоном. Уже говорилось, что II — начало III в. н. э. были временем расцвета торговой деятельности Танаиса. Склады амфор, ремесленные мастерские, а главное, преобладание привозных изделий в культурных слоях Нижне-Донских городищ свидетельствуют об интенсивном обмене с варварами, который осуществлялся через Танаис до его гибели в III в. н. э. По-видимому, в IV в. н. э. восстановленный город уже не был таким активным торговым посредником для Боспора, хотя найденные там римские монеты являются признаком сохранения им значения торгового

¹⁵² М. Г. Мошкова. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. Канд. дисс. М., 1956, архив ИА АН СССР, ф. 2, д. № 1322, стр. 212.

¹⁵³ И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Государственный Эрмитаж. Археологический сборник», 2, Л., 1961, стр. 141 сл.

¹⁵⁴ А. А. Спицын. Раскопки близ села Гусевки Царицынского уезда. ЗОРСА т. VII, вып. 2, 1907, стр. 226, рис. 1; К. М. Скалон. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время. «Государственный Эрмитаж. Археологический сборник», 2, стр. 118, рис. 3, 2.

¹⁵⁵ И. П. Берхин. Указ. соч., стр. 148.

¹⁵⁶ Там же, стр. 150.

¹⁵⁷ М. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 230—232.

¹⁵⁸ Склепы № 339 (1903 г.), гробница с золотой маской и др.

¹⁵⁹ Например, туалетные щипчики и флакончики (И. В. Спицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Ученые записки Саратовского государственного университета», вып. XVII, 1947, стр. 42, рис. 14а; К. М. Скалон. Указ. соч., стр. 132—135).

¹⁶⁰ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, № 205 и 249.

¹⁶¹ М. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 187.

центра. Изменившийся характер вывоза сделал ненужными большие складские помещения. Торговля теперь могла осуществляться и непосредственно из Пантикапея и других городов.

Связи с другим, с северокавказским рынком осуществлялись во II — первой половине III в. через города азиатского Боспора. Прикубанье в это время продолжало поставлять большое количество хлеба на вывоз. Не случайно в Горгииппии в это время существовал фиас навклеров, в который входило не менее 45 купцов-судовладельцев¹⁶². Судя по тому, что царь Савромат разрешил им вывезти беспошлинно 1000 артаб пшеницы¹⁶³, они занимались торговлей хлебом и, вероятно, перевозили его на далекие расстояния. Их благополучие было тесно связано с морем, и они избрали себе богом-покровителем Посейдона, которому соорудили статуи и воздвигли храм¹⁶⁴. О значении этой торговли для Боспорского царства свидетельствует участие в фиасе самого боспорского царя. Однако в III в. эти устоявшиеся торговые связи были нарушены. Богатые меото-сарматские городища правого берега Кубани прекратили свое существование¹⁶⁵. Их курганы, содержащие многочисленные импортные вещи¹⁶⁶, относятся к периоду не позже II в. н. э. Горгииппия подвергается разорению и теряет свое значение. Фанагория же сохраняет свою роль торгово-ремесленного центра, через который шла торговля с варварскими племенами. Именно там найдено наибольшее число «варварских подражаний» римскому денарию. Но основное значение Фанагории как транзитного центра в торговле с земледельческими племенами Прикубанья было утрачено¹⁶⁷.

Во II—III вв. продолжают сношения с более южными областями Северного Кавказа. В могилах II—IV вв. н. э. у Алхасте¹⁶⁸, Алхан-Кала¹⁶⁹, Моздока¹⁷⁰ и в других местах встречаются фибулы, бусы, пронизы из еги-

¹⁶² С. А. Жебелев. Боспорские этюды. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 213.

¹⁶³ Там же, стр. 208.

¹⁶⁴ В. Латышев. Неизданные Горгииппийские надписи. ИАК, вып. 37, стр. 38 сл.

¹⁶⁵ Н. В. Анфилов. Племена Прикубанья в сарматское время, СА, XXVIII, 1958, стр. 69.

¹⁶⁶ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. «Труды XII Археологического съезда», т. I, М., 1905, стр. 341 сл.

¹⁶⁷ И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, стр. 68. Одиноечное позднесарматское погребение с амфорой III в. н. э. из ст. Воронежской не меняет картины, так как оно могло принадлежать и кочевой части населения (Н. В. Анфилов. Позднесарматское погребение из Прикубанья. АИБ, I, Симферополь, 1952, стр. 205 сл.).

¹⁶⁸ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 183 сл.

¹⁶⁹ Л. Г. Нечаева. Могилиник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе (рукопись). Архив ИА АН СССР, ф. 2, д. № 1338.

¹⁷⁰ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 79.

петской пасты, штампованные бляшки. Некоторые из вещей по форме и технике выполнения идентичны найденным в Нижнем Поволжье. По-видимому, характер торговли Боспора с этими областями был одинаков. Здесь, так же как и в Поволжье, отсутствуют амфоры и гончарная посуда боспорского производства. По-видимому, вино, игравшее такую большую роль в боспорском экспорте в области скифов и меотов в предшествующую эпоху, в позднеантичное время занимало незначительное место во внешней торговле Боспора. Судя по сообщениям античных писателей, которые находят подтверждение в археологическом материале, во II в. н. э. на Северном Кавказе создалась мощная конфедерация племен во главе с аланами¹⁷¹. Об их связях с Боспором свидетельствует надпись 208 г., найденная на Тамани, в которой упоминается главный аланский переводчик (рис. 54)¹⁷².

О торговых связях с племенами Крыма по археологическим данным судить трудно, так как сильная сарматизация культуры античных городов способствовала распространению одинаковых типов украшений как на Боспоре, так и в Херсонесе. Так, например, бронзовые подвески, браслеты, перстни из Заветного имеют близкие аналогии и в Херсонесе и на Боспоре. То же касается и импортных краснолаковых сосудов и амфор. Выявить, что шло через Херсонес, а что через Боспор, нельзя. Однако несколько боспорских монет, обнаруженных в Южном Крыму, позволяют считать, что зона торговых связей Боспора доходила до мыса Ай-Тодор¹⁷³. Там, при раскопках В. Д. Блаватского, было найдено 12 боспорских монет последних десятилетий III в. и пять — первых десятилетий IV в.¹⁷⁴ Боспорские монеты III в.¹⁷⁵ найдены в лесном святилище, недалеко от Ялты, и у мыса Аю-Даг¹⁷⁶. Во всех этих пунктах боспорские монеты встречаются вместе с херсонесскими, что вполне объяснимо, если признать, что здесь проходил рубеж экономического влияния. Наряду с боспорскими и херсонесскими монетами здесь обнаружены и римские, которые, как уже было сказано, были распространены у варварских племен. Отдельные экземпляры бус и ювелирных изделий III—V вв., близких найденным на территории Боспора, найдены на обширной территории от Кавказа и Придонья до Средней Азии¹⁷⁷. Но, во-первых, производство всех их на Боспоре еще не доказано; во-вторых, даже если признать их сделанными в боспорских мастерских, их распространение не

¹⁷¹ В. Б. Виноградов. Указ. соч., стр. 171.

¹⁷² ИАК, вып. 40, стр. 112, № 28.

¹⁷³ А. Л. Бертъе-Делегард. Случайная находка древностей близ Ялты. ЗООИД, XXVII, 1907, протоколы, стр. 19 сл.; К. В. Голенко. Находка монет у подножья горы Аю-Даг. НЭ, IV, стр. 114.

¹⁷⁴ В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, стр. 290 сл.

¹⁷⁵ А. Л. Бертъе-Делегард. Указ. соч.; А. Н. Зограф. Находки монет в святилищах на Черноморье. СА, VII, 1941, стр. 156.

¹⁷⁶ К. В. Голенко. Находка монет у подножья горы Аю-Даг, стр. 112.

¹⁷⁷ К. М. Скалон. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время, стр. 114 сл.

Рис. 54. Надпись главного аланского переводчика 208 г. (из Тамани)

обязательно связано с непосредственными торговыми связями Боспора с районами, где они были найдены. Эти украшения могли переносить кочевые сарматские племена.

К внешней торговле Боспора относятся и его сношения с другими греческими городами Причерноморья. О сношениях с городами, расположенными к западу от Боспора, у нас очень мало данных. Из Херсонеса, возможно, поступало на Боспор в III—IV вв. вино в небольших остродонных амфорах¹⁷⁸. На Боспоре встречались и херсонесские монеты III в. н. э.¹⁷⁹ Но были ли эти связи постоянными или спорадическими, сказать нельзя. В конце III в., судя по сочинению Константина Багрянородного, Боспор вел войну с Херсонесом, что вряд ли способствовало установлению между ними постоянных торговых связей. Вероятно, Боспор торговал и с восточночерноморскими греческими городами. Об этом свидетельствуют монеты боспорских царей III—IV вв. н. э, неоднократно встречавшиеся на побережье Кавказа от Пицунды до Батуми¹⁸⁰.

Большое значение внутренней торговли на Боспоре подтверждается прежде всего высоко развитым денежным хозяйством, о котором мы говорили выше.

Прекращение чеканки в 336 г. и частые перерывы в выпусках монет во второй половине III и особенно в IV в. говорят о сокращении числа необходимой для обращения монеты. А это могло быть следствием либо сокращения внутренней торговли, вызванного натурализацией хозяйства, либо изменением характера обмена, когда роль денег выполняли не монеты, а какой-то иной товар. Второй вариант для Боспора вряд ли приемлем. Что касается сокращения внутренней торговли, то оно безусловно началось с IV в., хотя деньги и не сразу исчезли из обращения. В IV в., по-видимому, еще продолжали ходить как боспорские монеты старых выпусков, так и римские.

Сокращение внутреннего рынка было связано с серьезными изменениями экономического порядка. В III в. н. э. наблюдается развитой обмен как в городах, так и на поселениях. И в тех и в других, кроме монет, довольно часто встречаются свинцовые гири¹⁸¹. В Танаисе найдена также медная чашка весов¹⁸². Все гири имели форму плоских квадратов или прямоугольников, но вес у всех был различным. Б. Д. Блаватский выдвинул

¹⁷⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара..., стр. 121.

¹⁷⁹ Т. М. Арсеньева. Раскопки у дер. Ново-Отрадное. КСИА, вып. 86, стр. 69.

¹⁸⁰ К. В. Голенко. Денежное обращение Колхиды в римское время, стр. 76—77.

¹⁸¹ Л. И. Чуйстова. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. АИБ, II; гири II—III вв. найдены в Танаисе (стр. 53, № 20), Пантикапее (стр. 74, № 12); Мирмекии (стр. 34, № 98), Киммерике (стр. 28, № 57), Кепак (стр. 27, № 52), Семеновке (стр. 30, № 68 и стр. 31, № 72).

¹⁸² Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса, стр. 122.

вопрос о существовании в Пантикапее своей торговой весовой системы¹⁸³. Л. И. Чуистова развила эту мысль, выделив боспорскую весовую систему¹⁸⁴, к которой относится и одна из гирь, найденная в гробнице II—III вв. Остальные гири, датирующиеся этим временем, соответствуют эвбейско-аттической, облегченной аттической и финикийской весовым системам¹⁸⁵. Употребление на Боспоре в одно и то же время гири нескольких весовых систем свидетельствует о довольно сложной картине торговли. До готского нашествия в 70-х годах III в. велась интенсивная торговля между отдельными городами, между городами и сельскими поселениями, между сельскими поселениями побережья и внутренних территорий и внутри городов. Обмен между городами сводился к тому, что несколько крупных торгово-ремесленных центров снабжали более мелкие города импортными товарами и изделиями своих ремесленных мастерских, получая взамен продукцию городов. Среди таких центров были прежде всего Пантикапей и Фанагория. Горгиппия и Танаис, также бывшие крупными торгово-ремесленными центрами, вели торговый обмен преимущественно с соседними варварскими племенами, тогда как продукция Пантикапея и Фанагории была широко распространена, первого — преимущественно в европейской, Фанагории — в азиатской частях Боспора. Разделение торговой деятельности городов по определенным районам подтверждается распространением наиболее массового объекта торговли — амфор. И. Б. Зеест заметила, что некоторые типы амфор, являвшиеся, вероятно, продукцией пантикапейских или территориально близких мастерских, распространены преимущественно в европейской части Боспора¹⁸⁶. Другие амфоры, наоборот, встречаются преимущественно в азиатской его части¹⁸⁷. То же самое можно заметить и относительно Горгиппии. Там встречаются типы амфор II—III вв., очень мало распространенные в других центрах Боспора. В то же время имеются некоторые типы амфор, встречающиеся во всех пунктах Боспора и даже за его пределами, т. е. распространяемые, по-видимому, купцами разных городов. Амфоры продавались пустыми в качестве тары для продукции виноделов, рыболовов или для домашнего хранения зерна, но также распространялись и вместе с содержимым. Наряду с амфорами предметом оживленной торговли были другие изделия гончаров, коропластов, ювелиров. Так, например, светильники, вышедшие из одной мастерской, встречены в Тиритаке¹⁸⁸ и на поселении у дер. Семеновки, терракоты из пантикапейской мастерской — на поселении у дер. Семеновки, у Михайловки и т. д.

¹⁸³ В. Д. Блаватский. О пантикапейской весовой системе. СА, XXIII, 1955, стр. 201—205.

¹⁸⁴ Л. И. Чуистова. Указ. соч., стр. 71—77.

¹⁸⁵ Там же, стр. 27 сл.

¹⁸⁶ И. Б. Зеест. Керамическая тара., стр. 114, табл. XXXII, 77, стр. 115, табл. XXXIII, 80.

¹⁸⁷ Там же, стр. 116, табл. XXXVI, 86, 87, 88, стр. 117, табл. XXXVI, 89.

¹⁸⁸ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 33, рис. 26.

Торговля между городами и сельскими поселениями сводилась к обмену городских ремесленных изделий на продукцию сельского хозяйства или рыболовства. Через посредничество городов осуществлялся и обмен продуктами между сельскими поселениями различных профилей. Так, например, продукция виноделов распространялась в поселениях, специализировавшихся на производстве зерновых, или у рыбаков и наоборот. Для распространения некоторых видов продукции, как, например, зерна, вина, посуды, требовались специальные торговцы, располагающие помещениями под склады и транспортом. С другой стороны, такие скоропортящиеся продукты моря, как мидии или рыба, могли продаваться прямо на рынках самими рыбаками, хотя не исключена возможность, что на далекие расстояния их развозили и перепродавали также торговцы. О распространении продукции рыбаков на удаленных от моря поселениях свидетельствуют часто находимые там створки мидий. О заготовках рыбы для продажи — специальные склады рыбы, которые, возможно, служили одновременно и лавками для ее продажи. Упомянутое выше ¹⁸⁹ помещение с огромным скоплением рыбьих костей, открытое у дер. Семеновки, было изолировано от жилой постройки и имело специальный вход с улицы, что обычно для античных лавок. О торговле солью данных нет. Не найдены пока и места, где происходила торговля, — городские лавки и рынки.

Раскопки поселений конца III—IV вв. н. э. свидетельствуют, что торговля не прекращалась полностью, хотя и сократилась. Продолжавшие поступать на Боспор импортные товары шли на удовлетворение потребностей городской аристократии. Среди рядового населения, кроме бус и бронзовых украшений, имели распространение главным образом амфоры. О быте рядового боспорца дает представление дом рыбака в Тиритаке. Количественно там преобладали обломки амфор. В одном из помещений их было найдено несколько десятков ¹⁹⁰. На втором месте стоят лепные горшки. Единичны находки обломков краснолаковых блюд, стеклянных бокалов и обнаружен один лощеный гончарный сосуд ¹⁹¹. Там же были грузила, пряслица, костяная пиксида, клад монет и т. д. Гончарная посуда, светильники, хотя и производились еще в IV в., в быту все больше заменялись лепными. Торговля ими заметно сокращалась, так же как и терракотами, почти исчезнувшими из обихода. К концу античного периода в быту населения стали преобладать вещи, сделанные в каждом отдельном хозяйстве.

¹⁸⁹ См. главу о промыслах. То же в статье: И. Т. Кругликова. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 68.

¹⁹⁰ В. Ф. Га й д у к е в и ч. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 113—123.

¹⁹¹ Там же, стр. 113.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше материалы показывают, что основным источником для изучения экономики Боспорского царства в позднеантичный период являются данные археологических раскопок и нумизматики. Очень мало для освещения этого вопроса дают эпиграфические памятники, и совсем почти ничего нельзя извлечь из скудных свидетельств древних авторов. Благодаря широко развернувшимся в течение последних десятилетий археологическим исследованиям боспорских городов и поселений удалось восстановить картину постепенного упадка экономической жизни Боспора в III—IV вв. н. э. и роль в этом процессе наступавших на Боспор варварских племен.

Совсем новые материалы дали раскопки сельских поселений. Они позволили установить, что сельское хозяйство было основой экономики Боспора в позднеантичный период и что основной частью сельского населе-

ния были свободные или полусвободные крестьяне. Исследование сельской территории европейской части Боспорского государства показало серьезные изменения, происшедшие в организации сельскохозяйственного производства на рубеже и в первые века нашей эры. К ним относится, прежде всего, исчезновение многочисленных мелких неукрепленных поселений, разбросанных по равнинам глубинной части Керченского полуострова, и замена их более крупными поселениями, расположенными в местах, пригодных для укрепления, увеличение роли рыболовного промысла в приморских поселениях, что подтверждается массовым употреблением в пищу морских моллюсков — мидий, ракушки которых в изобилии встречаются на всех поселениях первых веков нашей эры, даже если эти поселения расположены вдали от берега моря.

Исчезновение небольших земельных владений и вилл, распространенных в IV—III вв. и III—II вв. до н. э., было вызвано как внешними военно-политическими, так и внутренними социально-экономическими причинами, а именно, ростом крупного землевладения. Появление в первые века нашей эры сильно сарматизованного населения новых сельских поселков, возможно, было результатом оседания на землю отдельных сарматских племен или их частей, которые получали землю для обработки во владениях боспорского царя или других крупных землевладельцев.

Сельская территория европейской части Боспора не была однородной. Судя по винодельням в боспорских городах и их округе, на примыкавших к ним землях было развито виноградарство. В глубинных поселениях Боспора остатков виноделия не обнаружено. Полевые сельскохозяйственные орудия и большие зерновые ямы свидетельствуют о специализации этих районов на выращивании зерновых культур.

Сельская территория азиатской части Боспора пока изучена меньше. Исследования Таманского полуострова показали в его сельском хозяйстве большую роль виноделия, которое, впрочем, развивалось наряду с хлебопашеством. В прикубанских поселениях, вероятно, выращивали главным образом пшеницу.

Сельские поселения европейской части Боспора были разрушены в конце 60-х или начале 70-х годов III в. в результате нападения врагов, вероятно, пришедших на Боспор с севера или с востока, так как поселения азиатской части Боспора от этого вторжения не пострадали. Наоборот, в III — начале IV в. некоторые из них переживают расцвет. Они были разрушены лишь в IV в., вероятно, при нападении гуннов, двигавшихся на Боспор через его азиатскую территорию.

Постоянные войны с соседними племенами и вторжения их на боспорские земли наносили большой урон всем отраслям экономической жизни Боспора. Они нарушали регулярные торговые связи, превращали города и поселения в руины, мешали развитию земледелия. Наступление на боспорские земли в течение III—IV вв. велось с нескольких сторон, и в нем принимали участие различные племена. Волны варварских нападений

связаны с общим передвижением племен и вызваны глубокими социальными изменениями, происходившими в варварском обществе. О военных столкновениях свидетельствуют надписи в честь побед боспорских царей или по случаю сооружений оборонительных стен и башен. Вражеские нашествия могут быть отчетливо прослежены по археологическим источникам.

Первый серьезный удар был нанесен Горгииппии, крупному торгово-ремесленному центру у южной оконечности Боспорского царства. Она подверглась разгрому в 30-х годах III в. Вторым пострадал Танаис, являвшийся важным форпостом Боспора, осуществлявшим торговые связи с сарматскими племенами Подонья и Поволжья. Он был разрушен в 40-х годах III в. 50—60-е годы III в. связаны с готскими нашествиями, с нападениями других, возможно союзных с ними, племен. Натиск извне сопровождался внутренними смутами, появлением узурпаторов на боспорском престоле и глубоким экономическим кризисом. В результате жестоких потрясений III в. экономическое положение Боспора было плачевным. Это нашло отражение в обеднении городов, изменении их внешнего вида, в исчезновении резкого различия между городами и поселениями, в сильном сокращении внешнеторговых связей. Проникновение в среду городской аристократии, в состав рядового городского населения сармат, алан и других варваров и распространение новых религиозных представлений, способствовали изменению идеологии городского населения и его художественных вкусов, что привело к угасанию некоторых видов ремесел, например коропластики, живописи, камнерезного ремесла, и почти к полному их исчезновению в IV в.

В это время наблюдается также упадок строительного дела, керамического ремесла, письменности, монетной чеканки и сокращение торговли, которое явилось результатом начавшегося процесса натурализации хозяйства. Те же явления в позднеантичный период происходили и в других частях античного мира и отражали общий процесс наступления варваров на античные государства, ослабление последних в итоге внутренних социальных изменений. Боспорская культура, являвшаяся синтезом местной и греческой культур, в течение III—IV вв. все больше утрачивала свой античный характер. Именно в это время особенно заметно проявляется прогрессирующая варваризация всех областей хозяйственной и культурной жизни, и ко второй половине IV в. греческие черты в боспорской культуре уже мало заметны. Однако они не исчезают полностью. Даже после гуннского погрома продолжают существовать многие города и поселения и сохраняются некоторые старые традиции. Христианство, появившееся на Боспоре еще в III в. н. э., но особенно распространившееся в IV в., стало в V в. господствующей религией. Боспорская аристократия, связанная с аланскими и готскими племенами, сохраняет свои позиции, о чем свидетельствует длительное использование родовых склепов, открытых на Госпитальной улице в Керчи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955.
АИБ	— «Археология и история Боспора», т. I, II. Симферополь, 1926—1928.
ВВ	— Византийский временник.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
ЗИРАО	— Записки императорского русского археологического общества.
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК	— Известия императорской археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой археологической комиссии. Симферополь.
КБН	— Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МИА!	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МАПП	— Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одесса.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	— Отчеты императорской археологической комиссии.
СА	— Советская археология.
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.

- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
- Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.
- ТСАРАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. М.
- IOSPE — B. L a t y s h e v. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, т. II, 1890; т. IV, 1901.
- RA — Revue archéologique. Paris.
- RE — Pauly-Wyssowa-Kroll—Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft.
- SC — Scythica et Caucasica — В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб.. 1893—1906.
- SEG — Supplementum epigraphicum Graecum. Lugduni Batavorum.
- SHA — Scriptores Historiae Augustae.
- SCIV — Studii și cercetări de istorie veche. Academia Republicii Populare Române. Institutul de istorie, și filosofie, București.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Исторический обзор	9
Города	25
Сельские поселения	63
Земледелие и скотоводство	107
Ремесло и промыслы	131
Денежное обращение и торговля	185
Заключение	219
Список сокращений	222

Ирина Тимофеевна Кругликова

Боспор в позднеантичное время

(Очерки экономической истории)

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Ф. Дубовикова. Художник Е. К. Манке

Технический редактор В. Г. Лаут

Сдано в набор 17/XII 1965 г. Подписано к печати 23/IV 1966 г. Формат 70×90^{1/4}.

Печ. л. 14,0+3 вкл. (0,38 печ. л.); усл. печ. л. 16,82; уч.-изд. л. 16,04. Тираж 1500 экз.

Изд. № 582/66. Тип. зак. 3552. Т-03679. Цена 1 р. 08 к.

Издательство «Наука», Москва К-62, Подсосенский пер., 21.

2-я типография изд-ва «Наука», Москва Г-99, Шубинский пер. 10.